

**Министерство сельского хозяйства Российской Федерации
Новосибирский Государственный аграрный университет
Факультет государственного и муниципального управления**

Ю.В.ПЕЧИН

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ МОТИВАЦИИ ТРУДА
СОВРЕМЕННЫХ ГОРОЖАН-ДАЧНИКОВ**

Монография

**Новосибирск
2008**

УДК 316.334.22:316.324.23
ББК 60.55:65.9(2)24

Печин Ю.В. Социокультурные основания мотивации труда современных горожан-дачников: Монография / Ю.В.Печин; Новосиб. гос. аграр. ун-т, Новосибирск, 2008. – 185 с.

Рецензенты:

Меньшикова Л.В., д.п.н., профессор, зав.кафедрой психологии и педагогики ФГО НГТУ

Киселев Н.Н., к.с.н., доцент кафедры педагогики и психологии ИИГСО НГПУ

© Печин Ю.В., 2008
© Новосибирский государственный аграрный университет, 2008

Содержание

Введение.....	4
Глава 1. Социокультурные основания мотивации труда в русской культуре.....	6
1.1 Социокультурные основания концепции труда в русской культуре...	6
1.1.1 Христианская (православная) концепция труда.....	10
1.1.2 Концепция труда в марксизме.....	13
1.1.3 Концепция труда в либерализме.....	16
1.2 Понятие мотивации в психологической литературе.....	19
1.2.1 Проблема мотивации деятельности в христианской психологии личности.....	23
1.2.2 Проблема мотивации деятельности в марксистской психологии личности.....	31
1.2.3 Проблема мотивации деятельности в либералистской психологии личности.....	39
1.3 Понятие ценности и ее связь с мотивацией деятельности.....	53
1.4 Ценностные основания и психологические особенности мотивации труда в русской культуре.....	63
Глава II. Мотивация труда современных горожан-дачников.....	80
2.1 Понятие мотивации трудовой деятельности в психологии труда....	80
2.2 Культурный смысл и психологические особенности земледельческого труда горожан-дачников.....	87
2.3 Дачное хозяйство и труд горожан-дачников в материалах научных исследований.....	93
Глава III. Экспериментальное исследование социокультурных оснований мотивации труда современных горожан-дачников.....	99
3.1 Организация и методы экспериментальной работы.....	99
3.2 Экспериментальное исследование мотивации труда и ценностных ориентаций современных горожан-дачников.....	106
Заключение.....	133
Библиографический список.....	137
Приложение.....	154

Введение

Россия за прошедший XX век пережила две социально-политические и экономические революции (в 1917 и в нач.90-х гг.), каждый раз грозившие перерасти в полномасштабный социокультурный кризис и даже слом традиционных форм жизни и мысли русского народа. История, несомненно, воздействует на психологию ее современников, так же как и психология субъектов истории детерминирует некоторые, иногда весьма важные, черты исторических событий. Эти сложные процессы взаимовлияния истории и психологии изучает сравнительно молодая наука - историческая психология. Одна из ее задач – это определение границ изменчивости форм и содержания психических процессов под воздействием истории. В частности, поиск ответа на вопрос – что меняется и что не меняется в психологии человека (народа) на протяжении определенного периода истории, какие структуры можно отнести к базовым, «ядерным» (слабо подверженным изменениям), а какие – к периферийным, второстепенным (легко изменяющимся). Эту исследовательскую задачу можно решать на самом различном материале. Тема нашего исследования - *отношение русского человека к труду на протяжении последних десяти веков и его специфическое преломление в труде современных горожан-дачников.*

На фоне либеральных реформ, начатых после распада СССР, не утихают споры о том, способна ли русская культура породить умелого и честного труженика, или же Россия обречена учиться эффективному хозяйствованию у своих соседей (европейцев, китайцев, японцев и т.д.), перенимая у них не только производственные технологии, но и «трудовой этос»? Мы намерены в своей работе показать, что русская культура имеет все необходимые условия для положительного решения вопроса о смысле жизни и труда, для воспитания на основе собственных ценностей подлинного творца-труженика, и что *Россия была и есть реальная, конкурентная в масштабах всемирной истории альтернатива как западному миропроекту, так и всем остальным, включая сферу труда и хозяйства.*

Русский человек всегда много и тяжело работал. Поистине, в поте лица зарабатывал свой хлеб. Ни суровая природа, ни непредсказуемое государство не разучили его работать. Один из ярких примеров того, как вопреки массе обстоятельств, блокирующих положительную трудовую мотивацию, русский человек демонстрирует подлинную *любовь к труду*, и является уникальным феноменом массового дачного движения в СССР и в современной России.

Дачное движение на сегодняшний день охватывает почти половину всего населения России [165, 205, 65, 66]. При этом за полвека с момента его зарождения не вышло *ни одной* работы, посвященной комплексному научному исследованию этого явления.

Актуальность нашей темы связана также с набирающей силу тенденцией к медленному изменению содержания дачного движения – экономическая целесообразность дачного хозяйства уменьшается, со сменой поколений, образно говоря, количество грядок сокращается и дача постепенно начинает

превращаться в место отдыха. Поэтому через несколько десятков лет, возможно, грядки уступят место газонам и исследовать будет нечего. Но основная наша задача не в том, чтобы обосновать дачный труд как экономический феномен (это дело экономистов и социологов труда), а выявить его социокультурные основания и конкретно-психологическую специфику. Таким образом, чтобы ответить на вопрос об истоках дачного хозяйства и о мотивах труда горожан-дачников нам необходимо исследовать более широкий и сложный вопрос о социокультурной специфике русского труда, рассмотреть важнейшие концептуальные модели труда в русской культуре, их ценностные основания и особенности их преломления в психологии народа и отдельного человека.

Наше исследование базировалось на методологических принципах историзма и системности. Сущность первого в том, что любое явление (природное или социальное) необходимо рассматривать исторически, в развитии, в становлении с учетом множества различных факторов, его обуславливающих. Такой подход означает, что объект должен рассматриваться, во-первых, с точки зрения его внутренней структуры, во-вторых, с точки зрения процесса, т. е. следующих друг за другом во времени совокупности исторических связей и зависимостей его внутренних составляющих; в-третьих, с точки зрения выявления и фиксирования качественных изменений в его структуре в целом; наконец, с точки зрения раскрытия закономерностей его развития, законов перехода от одного исторического состояния объекта, характеризующегося одной структурой, к другому историческому состоянию, характеризующемуся другой структурой. Особенно актуален данный принцип в психологических исследованиях, предметом которых выступает человек или группа людей [143]. Принцип системности подразумевает, что любое явление следует анализировать не как механическое множество отдельных элементов, связей, зависимостей, а как органичную совокупность этих структурных составляющих, как внутренне связанное и функционирующее целое, как систему, причем взятую в контексте другой, более широкой системы [86].

В ходе исследования использовались такие методы, как наблюдение, беседа, теоретический анализ научной литературы, эксперимент, статистический анализ результатов эмпирического эксперимента.

Глава 1. Социокультурные основания мотивации труда в русской культуре

1.1 Социокультурные основания концепции труда в русской культуре

Говоря о социокультурных основаниях какой-либо концепции, мы будем подразумевать системное единство двух явлений, а именно:

1) Объективированных ценностей, мировоззренческих установок и представлений¹ (о мире, о человеке, о смысле жизни и т.п.), выработанных в конкретной культуре и составляющих исходную систему «смысловых координат» для самоидентификации (религиозной, этно-культурной, социальной) представителя этой культуры;

2) Общепринятых в данной культуре способов «социального действия» (М.Вебер) в горизонте вышеназванных базовых ценностных диспозиций, то есть форм перекодирования ментальности (или «социальных архетипов» по К.Касьяновой [101]) в практические действия;

На процесс формирования как картины мира, так и предпочтительных стратегий жизни безусловно влияет фактор истории (понимаемый нами в широком, философском смысле – как задающий контекст становления, развития). Так, очевидно, что любая культура, в том числе и русская, генетически связана с социальной историей – и наоборот.

Поскольку мы намерены в данной главе рассмотреть социокультурные основания концепции труда в русской культуре, то в первую очередь предметом нашего внимания будет русская духовная культура в сопряжении с историей России и влияние этих факторов (культурно-исторического и социально-исторического) на формирование и развитие концепции труда.

В истории России с момента образования централизованного государства до наших дней мы можем выделить *три* эпохи, отличающихся друг от друга основополагающими принципами устройства общественного и индивидуального бытия, пониманием смысла жизни, а в его рамках – и смысла труда:

1) эпоху «христианской России» (X - нач.XX вв.);

2) эпоху «советской, или коммунистической России» (1917 – 1991гг.);

3) эпоху «либерально-демократической России» (1991г. - современность).

В каждом из этих исторических периодов имелся комплекс социокультурных установок и представлений, по поводу содержания которых в обществе (от политической элиты до народных «низов») устанавливался

---

¹ По мнению К.А.Абульхановой и Р.Р.Енакаевой, именно *представления* являются «ведущей и единственной характеристикой и общественного, и индивидуального сознания» [4, с.9], то есть репрезентируют друг друга в ментальной сфере и связывают друг друга в действительности социальной жизни.

консенсус, и каждая эпоха формировала *свое* понимание, *свою* концепцию труда, *свою* теорию и практику трудовой деятельности человека в обществе.

Отметим также и то, что в утверждении и поддержке этих социокультурных установок в рамках каждой из названных эпох активную роль играла позиция государственных и общественных институтов. Так что здесь можно говорить о христианстве, марксизме и либерализме в определенном смысле как об официальных государственных идеологиях. в конкретно-историческом процессе реализации эти доктрины стали представлять из себя не что иное как *секулярные квазирелигии* – как по тенденции иметь собственную догматику, так и по степени влияния на массы [38, 186 и др.].

Сближение, размещение в одном логическом ряду христианства (как религиозного учения) и марксизма с либерализмом (как идеологических доктрин), на наш взгляд, вполне правомерно. Во-первых, и марксизм, и либерализм имплицитно содержат в себе теоретические положения, которые возможно принять лишь «на веру», религиозно-догматически, так как их невозможно доказать рациональным или эмпирическим способом (например, утверждения о самозарождении жизни на земле, о происхождении человека из животного мира в процессе труда, о мессианской роли пролетариата, о «скачке в царство свободы» и т.п. – в марксизме, о чудодейственных возможностях рыночной экономики, о либеральной демократии как вершине развития человеческих обществ, о «правах и свободах индивида» как основах всех форм социальной жизни и мн.др. - в либерализме). Во-вторых, и марксизм, и либерализм за время своего существования обросли массой вполне религиозных атрибутов, ритуалов, символов, в конкретно-историческом процессе реализации эти доктрины стали представлять из себя не что иное как *секулярные квазирелигии* – так, марксизм на практике (в СССР и других соц. странах) породил своих «богов» (Маркс – Энгельс – Ленин и т.п.), «святых», «мучеников» («пламенных революционеров», «борцов за свободу»), «литургическую жизнь» (съезды партии), «крестные ходы» (демонстрации), «катехизис» (Коммунистический Манифест, Программы КПСС и т.п.) и мн.др. Либерализм - не исключение: в США он приобрел открытые формы «гражданской религии», в остальном мире – в завуалированном виде мифо-религиозного поклонения Рынку, Демократии, Правам человека [38, 186 и др.]. С другой стороны, религиозное учение в процессе «абсорбции» социумом формирует различные идеологические конструкции, являющиеся своего рода проекциями догматов в плоскость политической, экономической, культурной жизни общества.

Таким образом, первым шагом нашего исследования будет *диахронный* анализ основных постулатов концепции труда, то есть изучение их изменений в связи со сменой доминирующей в обществе мировоззренческой установки, со сменой «символа веры». Определяются и контуры оснований этих последовательно сменяющих друг друга концепций: в эпоху монархической России (до 1917 г.) таковым основанием являлось христианство (православие), в эпоху социализма – марксизм, а в современной России – либерализм.

Отдельная тема в дискуссии об идейно-мировоззренческих основаниях русской культуры – место и роль язычества. Мы признаем, что язычество – наиболее древняя и дожившая до наших дней форма религиозности. И что языческое отношение к природе и к людям оказало существенное влияние на формирование русского национального характера (кратко этот вопрос будет затронут в § 1.4). Но, во-первых, именно переход от язычества к христианству дал начало процессу соединения разных славянских племен в русский народ. Условно говоря, Россия как великая держава и как субъект мировой истории культуры началась с христианства. Во-вторых, следовательно, и государственность русского народа, и сама русская культура формируется в христианскую эпоху, а не в языческую (что не отменяет факт присутствия и влияния язычества на развитие всех форм жизни русского народа). Таким образом, мы сосредотачиваем наше внимание на тех формах мировоззрения, которые развивались параллельно с формированием русского государства, которые были артикулированы и систематически изложены и которые оказывали определяющее воздействие на развитие России в конкретных фазах ее истории. Это, повторим, по нашему мнению есть христианство, марксизм (коммунизм) и либерализм.

Как в отношении науки в целом, так и в отношении психологии в частности, доминантные идейные (переходящие в идеологические) конструкции порождали (и не могли не порождать) то, что после работы Т.Куна «Структура научных революций» [120] принято называть «парадигмой» научного познания. В точном значении этого слова (от греч. *paradeigma* – пример, образец [249]²) речь идет об *образцах, общепринятых и общепризнанных в данное время и в данном кругу ученых стандартах постановки и решения исследовательских задач*. Показательно то, что Т.Кун вводит в структуру «дисциплинарной матрицы» (то есть системы определенных мировоззренческих координат, внутри которой проходит то или иное конкретное научное исследование), кроме всего прочего, такой элемент, как «ценности», на основе которых ученые объединяются не менее часто и не менее прочно, как и на базе «символического обобщения» или «концептуальной модели» (см. [120, с.234-241]). Развитие науки по закону борьбы и смены парадигм, на наш взгляд, связано не только с внутренней логикой развития самой научной мысли, но и с влиянием социокультурного и исторического контекста этого сложного процесса. Как верно писал Л.С.Выготский, подлинно «научная методология на исторической основе» означает, прежде всего, «связь науки с общей социально-культурной подпочвой эпохи» [46, с.52]. В некоторые исторические периоды (например, в советской России) парадигма могла искусственно формироваться под воздействием вненаучных факторов. Особенно остро это проявляется в гуманитарных науках, к каковым в значительной мере относится и психология (особое давление идеологии на «общественные науки» объясняется просто -

---

² Авторы «Философского энциклопедического словаря» (2000 г.) признают в качестве синонима парадигмы понятие «картина мира» [249, с.332], тем самым сближая узконаучный термин (парадигма) с общефилософским (картина мира, мировоззрение).

слишком высока была ставка – человек и его мысли и чувства). Поэтому, на наш взгляд, вполне обоснованно следует рассматривать научные модели – тем более в области гуманитарных наук – как *корреляты господствующих мировоззренческих диспозиций*. Что касается психологии, то в России ее развитие с момента зарождения и до сего дня проходило (последовательно и в хронологическом порядке) под воздействием трех вышеуказанных мировоззренческих систем – христианства, марксизма и либерализма.

При этом мы вполне разделяем мнение В.А.Шкуратова о том, что гуманитарные науки не подчиняются логике «нормальной», т.е. «парадигмальной» науки, и поэтому в науках о человеке принцип «снятия» предшествующих знаний настоящими напрямую не работает [269]. Вполне может оказаться, что, например, Августин Аврелий был ближе к разгадке механизмов мотивации, чем его коллеги через полторы тысячи лет. В этом смысле развитие психологических знаний вообще и в России в частности может рассматриваться также и с точки зрения *синхронии*.

Синхронный подход предполагает, что внутри каждой из эпох, наряду с господствующей концепцией, *одновременно* существуют и альтернативные представления о человеке и его труде, и соответствующие им социальные практики и проекты. Начиная с XVIII века, со времен проникновения в Россию идей Просвещения, рядом с доминирующей на протяжении многих веков христианской концепцией труда появляются социально-экономические идеи либерально-прагматического и уравнилельно-социалистического направлений. Отметим также, что и в советскую эпоху под спудом коммунистической идеологии оставались живы и христианские трудовые установки, которые явно или латентно влияли на мотивацию трудовой деятельности людей, и установки либерально-рыночной идеологии, ярко проявившие себя в практике «теневой экономики». Что касается современной России, то на уровне официальной идеологии первенство номинально принадлежит либеральной концепции труда, а советско-коммунистическая и христианская концепции вытеснены на периферию массового сознания.

Мы полагаем, что все эти три типа мировоззрения, формируя соответствующие модели труда, обращаются, апеллируют к разным сферам, или, если точнее – *уровням* структуры личности: христианство есть акцентированная апелляция к *религиозно-ценностной* компоненте личностного бытия (к тому, что личность признает ценным с точки зрения религиозной жизни, ориентированной на абсолютные ценности и на вечность), коммунизм – к *социально-ценностной* (к тому, что является ценным для личности с точки зрения ее социальной жизни), либерализм – к *технологическо-ценностной* (к тому, что выступает ценным для личности с точки зрения индивидуальной жизни, ее прагматики и технологии безотносительно к ценностям религиозным и социальным). Речь идет именно об акценте, так как и христианство имеет свои социальные формы и свою технологию жизни и труда, и коммунизм имеет свою религиозную и технологическую сферы, точно так же и либерализм за несколько веков разработал и собственную версию духовности, и концепцию общественного

служения человека. Образно говоря, у человека есть, по меньшей мере, три сферы, три «рычага», воздействуя на которые можно «запустить» механизм смыслообразования, а именно: *жизнь под знаком вечной жизни и служения Богу (применительно к русской духовной культуре это христианство), жизнь под знаком земной (конечной) жизни и служения обществу, человечеству (социализм, коммунизм) и жизнь под знаком земной жизни и служения себе (либерализм)*. Подчеркнем, что первое не отрицает второго и третьего, и наоборот. Дело в *иерархии целей*, в композиции известных элементов, в субординации всех составляющих мотивационное пространство личности, что в совокупности и задает реально-жизненные различия между этими тремя моделями жизни и труда. Принципиально важно – что именно возносит человек на высшую ступень пирамиды своих ценностей. В целом же можно сказать, что каждая из моделей преследует одну и ту же цель – пользу человека и человечества, но критерии полезности оказываются разными.

1.1.1. Христианская (православная) концепция труда

По праву более древней традиции, по факту тысячелетнего влияния на национальную русскую культуру мы первой рассмотрим *христианскую концепцию труда*. Вполне логично будет предположить, что *девять веков* христианства оставили более глубокий и значимый след в истории нашего государства, чем *семь десятилетий* социализма и полтора *десятилетия* либерализма.

В самые ранние периоды истории России источником представлений народа о принципах труда и хозяйства выступала Библия, святоотеческие жития, устные предания. С XVI века добавился свод правил и советов по ведению домохозяйства - знаменитый «Домострой», содержание которого так же базировалось на библейской этике труда. Нужно сказать, что вплоть до XX века в русском обществе проблема труда не была предметом напряженной научной рефлексии, поскольку рассматривалась в неразрывной связке с практической религиозной жизнью. Человеку и обществу было достаточно традиций предков и христианских заповедей. Да и церковное богословие не ставило задачу раскрыть каким-то особым, нецерковным языком очевидный для христианина закон земного труда.

Если мы обратимся к Библии, то в первой же главе найдем, так сказать, постановку проблемы земного труда: труд, хозяйство, экономика – «не имманентны человечеству», они являются «следствием грехопадения прародителей» [216, с.10]. В Эдеме, в земном райском саду Адам и Ева не трудились в нашем понимании этого слова, в их жизни не было самого разделения на труд и не-труд, и жизнь не протекала *трудно*, и смерть не угрожала их телам, защищенным любовью Всемогущего Отца. Все эти немыслимые по меркам современного разума привилегии были возможны благодаря совершенной любви и безусловному доверию первых людей к Богу. Поддавшись искушению, ослушавшись Отца и положившись на собственный ум

и собственное «хочу», Адам и Ева лишились полноты и непосредственности общения с Отцом. Отношения Бога и человека замутились, утратили первозданную чистоту, и человек перестал быть достойным Эдема. Как свободное существо, человек сделал выбор – и этот выбор оказался роковым. Но Бог открыл человеку и путь возвращения к Себе, восстановления непосредственности Богообщения – это труд «в поте лица твоего» (то есть тяжкий труд) «доколе не возвратишься в землю» (Быт. 3:19) (то есть долго, всю жизнь). Таким образом, смысл труда в христианстве раскрывается в символическом пространстве напряжения между актом потери первородной чистоты и непосредственности общения с Богом и задачей возвращения к ней. За многие века развития в христианском учении утвердилось ясное понимание труда не как жестокого наказания, а как пути возвращения к Богу, пути спасения. И путь этот не может быть не труден – только слезы души и пот тела могут очистить, преобразить человека. Падение души (как всякое падение в природе, вниз, к земле) не требует сил, трудов, а вот стремление ввысь, к совершенству – требует. Характер и вид труда не имеет принципиального значения – это может быть и тяжелый физический труд, и не менее тяжелый умственный, это может быть и молитва, - «дело (конкретный его вид. – Ю.П.) – не главное в жизни, главное – настроение сердца, к Богу обращенное» (Святитель Феофан Затворник) (цит. по: [101, с.111]). Итак, метафизический смысл труда в христианстве заключается в том, что труд есть путь – то есть *средство* - возвращения к Богу, в Царство Небесное, *восстановление* непосредственного общения с Отцом Небесным.

Труд – закон для всех потомков Адама, и уж тем более – для христианина. «Кто не трудится – тот не христианин» [105].

Общехристианскую концепцию труда и хозяйства *философски* разрабатывал в России С.Н.Булгаков [40]. Он связал смысл труда с миссией человека на земле, возложенной на него Богом и заключающейся в наказе: «плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте...» (Быт. 1:28). Но власть человека над всякой иной тварью и над землей в целом невозможна и недопустима без любви человека ко всему, над чем Бог позволил ему властвовать. Власть без любви – разрушительна как для мира (о чем свидетельствует сегодня экологические угрозы миру), так и для самого человека, потому что именно в способности любить заключен стержень человечности. С.Н.Булгаков пишет о том, что владычествование имеет целью приведение всего мира к Богу через человека, что человек есть посредник, а его мир – это пространство «встречи» Духа и Материи, небесного и земного. Вводя в свой человеческий мир неразумную тварь, любя ее, относясь к ней как к части себя и своей жизни, человек тем самым и ведет ее к Богу, и одновременно сам, даря любовь, приближается к Царству Небесному.

На современном философском языке эта задача означает стремление превратить мертвую материю, действующую с механической необходимостью, в живое тело с его органической целостностью и целесообразностью [273]. Трудом человек одухотворяет природу, делает ее причастной всеобщей задаче

преодоления необходимости свободой, механизма – организмом. Труд как борьба за очеловечение природы есть естественное, логическое продолжение борьбы человека с собственной несвободой. Ведь он сам – частица природного мира, подчиненная законам механической причинности, и перед ним стоит двоякая задача: расширять пространство свободы как внутри себя, так и вне себя. Труд, таким образом, есть творческий акт рождения, удержания и расширения свободы.

Русская культура наследовала восточную, православную ветвь христианства от Византии. В той мере, в какой православие отличалось и отличается от других христианских конфессий догматически, оно имеет различия и в вопросе отношения человека к труду. В отличие от католицизма и протестантизма православие *относительно* (не абсолютно) в большей степени дистанцировано от хозяйственно-экономических проблем. По мнению Т.Коваль «оно никогда не создавало своей «политэкономии», подобно той, которую разрабатывали в католической Европе схоласты, занимаясь вопросами «справедливой» и «законной» цены, допустимой нормы прибыли, регламентацией торговли и т.п...»[105]. Также православию чужда и протестантская идея, берущая начало от М.Лютера, согласно которой призвание Богом человека к земному служению тождественно призванию профессиональному [41]. Труд ценен в той мере, в какой он способствует исполнению главной задачи христианина – изменить себя, преображая Духом свою внутреннюю и всю внешнюю природу, чтобы вернуться в непосредственность общения с Богом. Сам же по себе труд вне смирения перед этой задачей, по словам аввы Дорофея, «суетен и не вмняется ни во что» (цит. по: [101, с.111]). Поэтому-то и действием (делом), и бездействием (ленью) человек может быть одинаково прельщен и погублен, если и то, и другое будет претендовать на абсолютный смысл. «Христианский идеал труда есть не антиэкономизм, ...а сверхэкономизм» [105]. Смысл труда в христианстве открывается в категориях социокультурных, а не экономических, что в русской культурной традиции закрепилось, по словам О.Платонова, в принципе «преобладания моральных форм понуждения к труду над материальными» [273, с.7].

Ряд современных авторов [105, 12] предлагают весьма оригинальную типологию смыслов труда в трех главных течениях христианства – православии, католичестве и протестантизме – на основе субординации труда и молитвы. Отмечается, что в православии молитва предваряет труд, в католичестве – молитва следует за трудом, а в протестантизме труд и есть молитва. Не принимая полностью правоту такой точки зрения, видя ее слабые места, отметим главное – в православном христианстве удерживается универсальный *иерархизм* мироустройства, в котором животворит Дух, а не Материя, и в котором смысл жизни и труда предполагает *вертикаль* Земное-Небесное (тогда как, например, протестантизм, образно говоря, уравнивал, отождествил земное и Божественное, профессиональный труд и Богообщение, расположил труд и молитву по *горизонтали*).

Обобщая, в православной концепции труда можно выделить (вслед за Н.Шамшуриной) следующие ее базовые признаки [262]:

1. Труд всегда рассматривался как проявление духовной жизни, а трудолюбие - как выражение духовности.

2. Основные экономические категории (собственность, богатство, хозяйственный процесс, его эффективность, прибыль и др.) оцениваются с позиции праведности или неправедности их возникновения и использования.

3. С точки зрения православной концепции труда хозяйственная деятельность должна быть общественно полезной, то есть работой как на себя, так и на общество.

4. Показателем общественной эффективности и условием спасения души богатых предпринимателей является благотворительность.

5. Одним из принципов, вытекающих из православного вероучения, является нестрогая прибыльность рыночного обмена, недопустимость извлечения выгоды любым путем.

6. В православной концепции отсутствует идея избранности к спасению. Своими добрыми делами спастись может каждый, вставший на путь строительства царства Божия в себе.

Один из самых ярких защитников самобытности русской концепции труда О.Платонов так подытоживает вековой спор с ее критиками: «Сам факт существования тысячелетнего Российского государства свидетельствует, что его хозяйственная система была высокоэффективной в рамках внутренних потребностей, обеспечив экономическое освоение огромных территорий, строительство тысяч городов, армию и тыл в борьбе с полчищами захватчиков» [273, с.5].

1.1.2. Концепция труда в марксизме

Как уже отмечалось выше, второе идейное течение, значительно повлиявшее на отношение к труду в русской культуре – марксизм. Общественная мысль и социальные практики в России после 1917 года были так или иначе построены в духе марксистской идеологии.

Категория труда в философии К.Маркса занимает центральное место. В своих работах он показал, что тайна происхождения капитала есть тайна превращения труда из средства расширения свободы в способ ее потери, поскольку прибавочный продукт при одних общественных отношениях служит самому работнику (социализм и коммунизм), а при других – обогащает эксплуататора – собственника средств производства (капитализм). Труд может быть и условием освобождения, и средством порабощения человека. Вся практическая (революционная) часть марксизма, следовательно, строится на идее освобождения труда.

Труд у К.Маркса – категория социальная [207]. «Труд есть, прежде всего, процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен

веществ между собой и природой» - таково, ставшее хрестоматийным в советской науке, определение труда (цит.по [207, с.49]). На первый взгляд и человек, и его труд в марксизме лишены метафизического измерения, но это не совсем так. На место религиозной метафизики в традиционном понимании марксизм вводит метафизику иного рода – основанную на вере в «прогресс», частью которой является а) позитивистская вера во всемогущество науки и б) гуманистическая вера в «родовую сущность» как «последнюю высшую инстанцию для человека» [38, с.331].

Труд в этой новой религии прогресса занимает почетное центральное место – именно труд «создал из обезьяны человека», именно трудом достигаются все цели прогресса. Марксизм предельно трудоцентричен. Будучи богоборческой доктриной, он, тем не менее, возвел труд на сакральную высоту, сделав его стержнем всей идеологии [145]. К.Маркс ставил задачу «освободить труд», носителем универсальной «истины» провозглашался пролетариат, то есть «рабочий класс», государство, которое строили русские большевики по марксовым схемам, было страной «рабочих и крестьян», Мировая Революция мыслилась как восстание «трудящихся» против «эксплуататоров» и т.д. и т.п.

По существу концепция труда К.Маркса есть атеизированное, секуляризованное протестантство с его обожествлением труда и отождествлением труда и молитвы. Вопрос служения Богу в протестантстве может быть заменен вопросом благочестивого, добросовестного труда (хотя не всякого, а только методичного, рационально организованного (см.[272])). Аналогичная подмена возможна и в марксизме: трудящийся человек априорно обладает «истиной» (мыслимой Марксом, разумеется, вне Бога), он всегда социально прав, «рабочее происхождение» было лучшей рекомендацией (особенно в первые десятилетия после революции). Не случайно в советской идеологии полноправными классами общества считались рабочие и крестьяне, а интеллигенция – полумаргинальной «прослойкой». Трудящийся, поэтому, вполне мог не ломать голову над Пилатовым вопросом «что есть истина?», поскольку подразумевалось, что он ею живет практически, он в труде познает ее бытийно, а не умозрительно.

Кроме этого, общие черты марксистской и протестантской модели труда обнаруживаются в установке на аскетизм – и там, и там личное потребление ограничивается (правда, исходя из разных мировоззренческих оснований) [145]. В СССР общественная польза провозглашалась по ценности выше частного интереса индивида, могучая идеологическая машина строго следила, чтобы советские граждане не слишком «отвлекались» от строительства коммунизма из-за личных нужд или склонностей к праздношатанию. Внешне похожая картина наблюдалась и в протестантских общинах (например, в среде первых поколений американских колонистов): считалось недопустимым тратить богатство на удовольствия, развлечения и вообще - не на душеспасительные дела (а таковым, строго говоря, являлся только труд), в воскресные дни, когда вся община устремлялась в церковь, строго осуждалось «неблагочестивое» поведение: игра на фортепиано, развлечения и т.п. [41].

При всем этом марксизм не провозглашал труд ради труда, он выстроил (в Советской России это было более всего выражено) мощную идеологическую систему, активно заполняющую смысловой вакуум, появившийся в «зазорах» между христианским смыслом труда и идейными конструкциями непонятного русскому крестьянину «немецкого социализма». Главной проблемой русского работника после 1917 года было принять новую систему мировоззренческих координат, в которых труд отрывался от религиозных корней, от вертикальной устремленности к Царству Божьему, и распластывался в горизонталь построения коммунистического земного рая. Сделать это было трудно, о чем свидетельствует вся история Советской России от 17-го года до конца 80-х: ломка прежних ценностных ориентаций была более чем болезненной, активные фазы сопротивления в начале - Гражданская война и неприятие колхозов, сменялись пассивными формами «на закате» социализма – ленью и рестрикционизмом (от лат. *restrictio* – ограничение: искусственное занижение производительности труда при работе «на окладе» в целях сохранения старых расценок оплаты труда).

Нужно отметить, что между Гражданской войной и распадом СССР был краткий (по меркам истории) продуктивный период активных попыток построить «новый мир». Трудовые успехи первых советских пятилеток вошли в легенду. Служение обществу возводилось в статус религиозного, безусловного принципа. Коммунистическая идея органично вошла в систему базовых мировоззренческих принципов русской культуры, согласно которым общественная польза стоит выше частного интереса, а жизнь только для себя порицается. Смысл труда в русской культуре традиционно выводился на уровень религиозных вопросов жизни - и марксизм также апеллирует к вере, только теперь к вере в коммунизм. Религиозное чувство советского человека целенаправленно переводилось с Бога на народ, на обожествлении которого выросло не одно поколение русских интеллигентов и революционеров [19, 249]. Марксистская идеология труда оказалась эффективной ровно настолько, насколько советский человек оставался в рамках религиозной, по сути, идее служения Родине, народу. Пока он с азартом строил послереволюционный мир, пока героически трудился в годы Великой Отечественной войны и в тяжелые послевоенные годы, смысл труду задавала (как он верил) Великая Идея. Но в позднем социализме, когда народ мечтал уже не о мировой революции, а о хрустале и американских джинсах, все ритуальные призывы-заклинания о том, что «человек славен трудом» и т.п., перестали действовать. Экономика, построенная на социалистическом принципе *возвышения общественного служения над личной выгодой*, стала давать сбои, буксовать на месте, поскольку принимала в себя во все большем количестве работников, чуждых идее бескорыстного служения. И хотя официальная идеология признавала неизбежность и нормальность ориентации тружеников на заработок (в качестве уступки в переходный период между социализмом и коммунизмом), под флагом борьбы с «рвачеством» (и на фоне уравнительности в оплате труда) она фактически блокировала частную инициативу и ставила «вне закона» мотивы

личной выгоды [192, 259]. Социализм в СССР рухнул не столько из-за дефектности идей, породивших всю его социально-экономическую практику (хотя, конечно, и из-за этого), сколько из-за углубляющегося противоречия между идеологией общественного служения и желанием рядовых граждан жить только для себя. Труд на себя, строго говоря, был нелегитимен в Советской России, люди (в первую очередь, многочисленные «теневые дельцы», представители торговой мафии и т.п.) мечтали легализовать нажитое богатство или открыто, свободно его зарабатывать и тратить, - и в итоге именно эти мечты подготовили появление на историческом горизонте горбачевской «перестройки», закончившейся победой либеральной революции начала 90-х годов.

1.1.3. Концепция труда в либерализме

Общепризнанными отцами-основателями либерализма называют Дж. Локка, Ш. Л. Монтескье, Вольтера, А. Смита, Д. Рикардо, И. Бентама, Дж. С. Милля и др. [249].

Либеральная идея – в соответствии с буквальным переводом с латинского языка – есть идея свободы, единственным правомочным субъектом которой выступает индивид (а не социальная, этническая или иная группа). Отсюда – «культ индивидуализма» и невозможность рассчитывать на поддержку других» [265, с.15]. Метафизическое основание либерализма покоится на представлении о человеке, «естественно добром и разумном» по природе и в высшей степени достойном свободы. Либерализм рождался в недрах деизма, что отразилось на его отношении к утвердившемуся в христианстве образу человека как существа религиозного: религиозные чувства не отрицались, но оставлялись человеку лишь в качестве его частного дела, личного «хобби» (privacy). Веротерпимость как один из принципов либерализма сформировался под воздействием и в ходе кровавой борьбы католиков с протестантами в XVI-XVII в.в. В религиозно расколотой Европе стало просто опасно провозглашать безусловными принципами общежития какие-либо определенные религиозные догматы, не спровоцировав этим новые столкновения между разными конфессиями. Религию решили убрать с общественной сцены, определив ее в область индивидуальных свобод. В этом есть одна из причин того, что открыто *религиозное обоснование труда и хозяйства уступило место обоснованию внерелигиозному*. Появилась необходимость в системе мотивации труда без обращенности к христианским ценностям. То же касается и ценностей коллективистских, общесоциальных: строить непротиворечивую социальную доктрину, опираясь при этом на идеи служения своей нации, в пестроте и разорванности европейских междуусобиц стало невозможно. Логика политического выживания заставляла уходить от нациецентрированной идеологии к наднациональной. Последние – и весьма трагические – попытки апелляции европейцев к национальному чувству (то есть к чувству общности *поверх* ценностей индивидуализма) связаны с опытом германского и итальянского фашизма. После ужасов Второй мировой войны весь «цивилизованный мир» окончательно сделал ставку на индивидуалистическую

мораль как более безопасную, гибкую, толерантную и более предсказуемую при соблюдении определенных условий. Это естественным образом связано и с переменами в области экономической мотивации западного человека. Он пришел к убеждению, что трудится не «Бога ради» и не для процветания своей страны, а исключительно для себя – ну, а процветание отдельных граждан, по его мнению, в сумме должно дать богатую и успешную страну.

Единичный, частный интерес (польза) индивида – даже в самой сложной и возвышенной - религиозной - сфере – становится основополагающим принципом жизни западно-европейского человека. В философии утилитаризма, родоначальником которого был И.Бентам, благо открыто отождествляется с пользой: что человеку более всего полезно, то и есть благо для него. Польза, выгода – это возможность достигать своих важных целей, это реализация личных интересов. Главная цель индивида, по мнению, например, Дж.Ст.Милля, есть наслаждение, в то время как добродетель, возносимая в качестве высшего мотива поведения человека античной мудростью, является средством. «Человек не имеет ни малейшего побуждения, ни малейшего желания быть добродетельным: добродетель возбуждает его желание только потому, что составляет средство получить наслаждение и, в особенности, устранить страдание» - пишет Дж.Ст.Милль [155, с.148]. Своеобразное этическое учение развивал и другой классик европейского либерализма – Джон Локк: «вещи бывают добром и злом исключительно с точки зрения удовольствия и страданий. Добром мы называем то, что может причинить или увеличить удовольствие, уменьшить страдания» (цит.по [198, с.726]). Чтобы построить общество всеобщего благоденствия, нужно обеспечить каждому индивидууму возможность достигать все это самому, своими усилиями. В экономической сфере это представление породило идеологию рынка, в политической – идею плюрализма и состязательности при верховенстве закона под присмотром государства.

Культурный идеал либерализма – индивид, свободно реализующий все свои потенции. В целом, либеральное толкование жизни и любой деятельности в ее рамках (включая, в первую очередь, труд), ориентируя личность на близкие цели (индивидуальная польза, удовольствие и т.п.), как бы перенастраивает весь механизм мотивации таким образом, что дальние - по отношению к сиюминутным - ценности (религиозные и социальные) перестают быть действительными мотивами поступков. Сложный процесс целеполагания, ранее предполагавший выстраивание, субординирование (в соответствии с культурной традицией) различных по иерархии ценностей, постепенно сводится к относительно простой и почти чисто *технологической* процедуре отбора наиболее выгодных вариантов действий. В такой системе целеполагания служение возможно, но уже не как цель, а как средство достижения личной пользы. В жизни по канонам либерализма возрастает роль расчета, прогноза, контракта, «страхования рисков» и тому подобных *технологических средств деятельности* – и одновременно уменьшается удельный вес всякого рода *нерасчетливости*, как то: бескорыстное служение другому человеку, обществу,

Родине, Богу [124, 172]. Вполне можно говорить о доминировании в либеральной концепции труда технологического подхода в ущерб социальным и духовным принципам смыслополагания.

Понимание и отношение к свободе – это лакмусовая бумага любой цельной религиозно-идеологической системы. Парадокс в том, что в рамках либерализма едва ли не меньше реальной свободы, чем в других системах. Ведь если христианство впервые раскрыло человеку план внутренней, духовной свободы, *актуализировало* ее и наполнило высшим смыслом, то либерализм – *профанировал*, демагогически спекулируя ее высоким именем, в действительности погружая человека в рабскую зависимость от собственных влечений и социальных детерминант. Даже в марксистской системе мировоззренческих координат, на фоне *депревирования* потребности в духовной свободе, человек обладал большей субъектностью по отношению к своей природе (витальной и социальной).

Таким образом, фундаментом либеральной концепции труда является специфическая модель человека, согласно которой самым надежным и эффективным путем к максимальной трудовой отдаче от человека будет апелляция к его индивидуальной пользе, к его частному интересу. Этот подход есть следствие метафизики либерализма, утверждающей собственную иерархию ценностей, в которой, по мнению А.Дугина, главным становится «*тоталитарное* требование отказа от всех форм внеиндивидуальной онтологии» [73, с.284].

Выводы по § 1.1

1. Социокультурные основания подразумевают системное единство двух явлений – объективированных, вербализованных ценностей данной культуры (как ментальной проекции способа бытия) и общепринятых в данной культуре способов социального действия (как экстраполяции представлений о должном бытии в практической жизни индивида и народа);

2. Развитие взглядов на труд в российской тысячелетней истории проходило под влиянием последовательно сменявших друг друга мировоззренческих систем – христианства, коммунизма (марксизма) и либерализма;

3. Христианство есть акцентированная апелляция к *религиозно-ценностной* компоненте личностного бытия (к тому, что личность признает ценным с точки зрения религиозной жизни, ориентированной на абсолютные ценности и на вечность), коммунизм – к *социально-ценностной* (к тому, что является ценным для личности с точки зрения ее социальной жизни), либерализм – к *технологическо-ценностной* (к тому, что выступает ценным для личности с точки зрения индивидуальной жизни, ее прагматики и технологии безотносительно к ценностям религиозным и социальным);

4. В основаниях каждой из концепций труда (христианской, марксистской и либералистской) лежат конкретные представления о предельных

(терминальных) смыслах и целях жизни, о принципах нравственности, о том, что признается ценным и т.п. В христианстве труд связан, в пределе своем, с задачей восстановления утраченной после грехопадения непосредственности общения с Богом, с идеей служения вечным ценностям. В марксизме труд нацеливает человека на социальное преобразование мира, на служение своему народу и идеям борьбы за справедливость. Либералистская концепция труда делает акцент на индивидуальном интересе труженика, разумно строящего такой социум, в котором бы общий интерес не подавлял инициативу индивида и в котором общественное благо слагалось бы из частных благ его членов;

5. Проблема социокультурной мотивации труда в современной России – это проблема неотрефлексированного и эклектичного смешения а) провозглашенных на словах либеральных принципов индивидуализма, б) исторически ближайшего социального опыта советского коллективизма и в) смутных, но глубоко укорененных в ментальности ценностей русского православия, соединяющего индивидуальное (частное), национальное (особенное) и общечеловеческое (всеобщее).

1.2. Понятие мотивации в психологической литературе

Не будет преувеличением назвать проблему мотивации центральной и одной из самых дискуссионных в истории психологии. Ее важность и сложность объясняется, по мнению В.К.Вилюнаса, тем, что «содержание того, что в принципе способно мотивировать человека, буквально безгранично, так все, что произведено и производится обществом,...осуществляется конкретными людьми, которые к неисчислимым видам деятельности побуждаются столь же разнообразной мотивацией. Описывать содержательный аспект мотивации человека – значит воспроизводить в мотивационных терминах все разнообразие его бытия...» [42, с.3].

Говоря о мотивах отдельных поступков или о мотивационной составляющей какой-либо деятельности, исследователь внедряется в сложный и таинственный мир - мир человеческой личности. Поэтому задаче исследования проблем мотивации предшествует задача рассмотрения основных теорий личности в психологии, которые будут выступать *контекстом* понимания содержательных моментов мотива. В свою очередь, центральным вопросом сущности человека является «проблема причинности» его действий, включая и вопрос о свободе воли, так как именно свобода воли - наряду и в единстве с разумом - является специфическим и конституирующим признаком личности человека [166, 291]. Поскольку человек – единственное существо, обладающее свободой, постольку раскрытие проблемы мотивации будет приближать нас к разгадке того, что В.Несмелов называл «загадкой о человеке» [166]. Сущность этой загадки – в рамках понятия мотивации – в том, что, с одной стороны, поведение человека детерминировано (прошлым и будущим), но при этом, с другой стороны, человек каждое мгновение стремится преодолеть (трансцендировать) любую ограниченность как свободное существо. Таким

образом, наука имеет *два основных вопроса в области психологии мотивации*: *первый* - как, чем и почему поведение детерминировано тем или иным образом, и *второй* – как, чем и почему поведение может быть свободным, т.е. не детерминируемым ничем, кроме его разумной воли? Свободен ли человек поступать, как считает нужным, и если да, то что ему может помогать или препятствовать в его действиях – на этот двуединый вопрос пытались ответить мыслители задолго до появления психологической науки. В истории человеческой мысли мы найдем несколько основных вариантов ответа на вопрос о свободе воли и ее природе:

1. *Абстрактный спиритуализм*: человек свободен, источник свободы – дух, и степень свободы коррелирует с мерой господства духа в человеке. Препятствием осуществления свободы является телесность, подавляющая дух, поэтому задача состоит в освобождении от диктата тела. Подобную точку зрения выражает индо-буддистская религиозная традиция, а так же идеалистическая философия античности.

2. *Материализм*: свободы как метафизической сущности, как сверхприродного имманентного свойства человеческой природы нет, поскольку на самом деле все «произвольные движения» есть «машинообразные», рефлекторные движения (как доказывал И.М.Сеченов в своей работе «Рефлексы головного мозга» [215]³). Первоосновой и единственной реальностью провозглашается материя, в мире которой все живет по естественным законам детерминизма, и человек, построенный из материальных атомов, не является исключением.

3. *Пантеизм*: свободы в обыденном смысле – как возможности поступать по своему хотению – нет, поскольку причиной всех движений в мире является имманентный всему безликий Бог (Божество, Абсолют, Всеединство и т.п.). Бог разлит в природе, Он и есть природа, между Богом и естественными законами мира нет «зазора», поэтому нет и возможности для человеческой свободы. Мудрость в пантеистической картине мира заключается в принятии идеи о том, что свобода есть «осознанная необходимость». Такова, например, точка зрения Б.Спинозы [225].

4. *Христианский теистический персонализм*: свобода есть неотъемлемое свойство человека (в этом - отличие от вульгарного материализма), коренится она в духовном начале его природы (в этом – внешнее сходство с индуизмом и античностью), тело не противостоит духу, как враг, а есть орудие и храм духа и итогом воздействия духа на тело будет преображенная телесность, способная восстановиться во Второе пришествие Христа (в этом – отличие от индуизма и античной мудрости), но и свобода не абсолютная, а ограниченная всемогущей волей Бога (в этом – сходство со Спинозой), но так как Бог есть Личность, а не

---

³ И.М.Сеченов утверждал, что «выбор между многими возможными концами одного и того же психического рефлекса положительно невозможен, а кажущаяся возможность есть лишь обман самосознания» [215, с.123]. То есть, выбор поступка, свобода отреагировать на внешний раздражитель – это фикция, иллюзия, «обман самосознания».

безликая природа (в этом – отличие от Спинозы) и человек создан по образу Божию, то Бог позволяет ему проявлять волю, ибо Господь желает видеть в человеке не машину и не раба, а свободное существо, достойное Его Царства.

Прежде чем приступить к исследованию проблемы мотивации, необходимо уточнить соотношение основных понятий. В современной психологической литературе выделяют понятия *мотива, мотивации и мотивационной сферы*.

Мотив – двигатель, «движитель», движущая сила действий (от лат. *moteo* – двигаю [249, с.277]). Мотив – единичен и конкретен, он выступает своеобразной единицей и элементом в сложных мотивационных системах. Мотив состоит в определенной связи со всеми другими структурными компонентами деятельности субъекта – целями, задачами, интересами, ценностями, идеалами. Единства в определении сущности мотива у современных психологов, как пишет Е.П.Ильин, нет: мотив относят то к разделу о воле, то к направленности личности, то к деятельности [89]. Гораздо чаще используется понятие *мотивации*, которое обычно толкуют как «процесс формирования побуждения к действию или деятельности» [89, с.17]. Это объясняется, по мнению Е.П.Ильина, «удобством» его использования – под «мотивацией» можно понимать и потребности, и мотивы, и мировоззрение, и переживания. Так, мотивация толкуется как «совокупность факторов, определяющих поведение» (К.Мадсен, Ж.Годфруа), «совокупность мотивов» (К.К.Платонов), «процесс психической регуляции конкретной деятельности» (М.М.Магомед-Эминов) ([89, с.65]). Мотивация предполагает выход за рамки единичного мотива как «толчка» к действию. Например, В.Г.Леонтьев связывает мотивацию с системой «мотив – цель» [128, с.13], И.А.Джидарьян определяет мотивацию как «сложный механизм соотношения личностью внешних и внутренних факторов поведения, с помощью которого достигается целесообразность и осмысленность в целостном поведенческом акте» (цит. по [71, с.66]), В.Н.Куницына – как «процесс выбора оснований для определенной направленности действий» [121, с.132]. По мнению П.М.Якобсона, мотивацию можно рассматривать как в узком смысле («мотивация конкретных форм поведения человека»), так и в широком («совокупность тех психологических моментов, которыми определяется поведение человека в целом» [279, с.178]). Рассматривая вопрос соотношения мотива и мотивации, Е.П.Ильин предлагает следующее: продуктивнее будет «рассматривать мотивацию как *динамический процесс формирования мотива* (как основания поступка)» (курсив автора. – [89, с.67]). Иными словами, мотивация есть тот момент в сложном процессе формирования волевого действия, который заканчивается формированием определенного мотива. Таким образом, у Ильина мотив есть не только частный момент мотивации, но и ее *финальный* момент. И это положение вполне логично: мотив – как «сложное интегральное психологическое образование» [89, с.115] – имеет свои *истoki* и свое *завершение* в реальном, практическом действии (физическом или психическом), поэтому возможно рассматривать мотивацию как комплекс факторов, которые, в итоге, и становятся «движителем», толчком к действию, то есть – мотивом.

Устоялась также практика употребления термина *мотивационная сфера*, которая, в свою очередь, понимается еще шире, чем мотивация, - по мнению В.Г.Леонтьева, она означает «иерархизованную динамическую мотивационную систему» [128, с.63]. То есть речь идет о *связи* мотивации с теми факторами, которые выступают в качестве *контекста* для самой мотивации - прежде всего, культурными и социальными факторами. Говоря о «социокультурных основаниях» того или иного психологического явления, мы под ними подразумеваем именно обозначенную выше *связь*.

Итак, мотив есть составная часть мотивации как более широкой и сложной системы мотивационных факторов, а мотивация, в свою очередь, обусловлена причинными связями с социокультурным контекстом (мотивационной сферой).

Устанавливая причину явления, мы постигаем его смысл. Таким образом, мотив есть *часть* механизма смыслообразования. Выявление смысла может разворачиваться, образно говоря, как по вертикали, так и по горизонтали. Это соответствует двум измерениям бытия человека, двум векторам его устремленности – к качественному («вертикаль») и к количественному («горизонталь») возрастанию сложности всех процессов его жизнедеятельности. Именно об этом писал А.Н.Леонтьев, определяя первое измерение – «движение по горизонтальной плоскости» - как «процесс взаимопереходов непосредственно-чувственных содержаний и значений», как «перекрещивающиеся связи субъекта с миром», а второе – «движение как бы по вертикали» - как «иерархию их (сознания и действий субъекта. – Ю.П.) связей», «соотнесение мотивов друг с другом», «процесс подчинения и переподчинения мотивов» [127, с.212].

Содержательная трактовка понятия мотивации во многом определяется господствующим в конкретный исторический период развития психологии подходом.

В истории российской психологии можно выделить (в соответствии с изложенными в предыдущем параграфе основаниями) 3 крупных исторических этапа (каждый из этапов, в свою очередь, разумеется, может быть разделен на более короткие исторические отрезки, но их обоснование и описание не входит в задачу данной работы): психология в Российской Империи (конец XIX – 1917 год), психология в СССР (1917-1991) и современная российская психология (после 1991 года). Так же, как и в отношении идеологии труда, базовыми мировоззренческими системами координат этих этапов были (соответственно порядку перечисления) христианство, марксизм и либерализм. Мы полагаем, вслед за В.А.Снегиревым, что психология не может безразлично относиться к содержанию философско-мировоззренческих основ тех или иных концепций, так как, в отличие, например, от естествознания, то или иное решение вопроса об основе душевных явлений определяет «строй, направление и смысл человеческой жизни» [219, с.11-12].

Схожий с предложенным выше подход к периодизации представлен, например, у Б.С.Братуся, который разделил историю отечественной психологии на «русскую» (досоветскую с общим доминированием христианского подхода),

«советскую» (с господством марксизма) и «русскую» (постсоветскую, современную, с бурным развитием либералистских концепций) [32]. Ниже мы рассмотрим подходы к пониманию мотивации деятельности в рамках каждой из этих трех «мировоззренческих линий» (Б.С.Братусь) в российской психологии.

1.2.1. Проблема мотивации деятельности в христианской психологии личности

С началом христианской эпохи в истории европейской культуры открылись новые горизонты возможностей решения «загадки о человеке». Принципиальную постановку проблемы свободы воли и мотивации человека мы обнаружим в Евангелии: например, тонкие наблюдения апостола Павла о столкновении разных мотивов в сознании и в поведении человека: «Ибо не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю...Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю...Итак я нахожу закон, что когда хочу делать доброе, прилежит мне злое. Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божию; но в членах моих вижу закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих. Бедный я человек! Кто избавит меня от сего тела смерти?» (Рим. 7:15-24). Две тысячи лет тому назад поставлен центральный вопрос нравственной жизни человека: почему он, будучи свободным и мыслящим существом, и определив «умом» благую цель, тем не менее, поступает иначе, не по направлению к выбранной цели? Этот парадокс описан и Августином Блаженным - в «Исповеди» он задается тем же вопросом: «Откуда это чудовищное явление? Душа приказывает телу, и оно тотчас же повинует. Душа приказывает руке двигаться – она повинует с такой скоростью, что трудно уловить промежуток между приказом и его выполнением; душа приказывает себе – и встречает отпор». И сам отвечает: душа «не вкладывает себя целиком в это желание, а следовательно, и в приказ», то есть, «приказывает она *не от всей полноты* (курсив наш. – Ю.П.), поэтому приказ и не исполняется» [5, с.187]. Это явление Августин – следуя главной идее своей книги - определяет как «болезнь души», видя ее причины не в психологических «сбоях», а в духовной поврежденности природы человека.

В целом дореволюционная российская психология до сих пор остается во многом малоисследованной и недооцененной. На фоне блистательной русской философии XIX века успехи психологов выглядят скромнее, но, тем не менее, качество их работ – в том числе и в области психологии мотивации – достойно самой высокой оценки даже по меркам современной науки. При всем интеллектуальном «звоне» и общественном резонансе, который вызывали публикации материалистической линии в философии и психологии (достаточно упомянуть «Рефлексы головного мозга» И.М.Сеченова), общую атмосферу в науке и в высших учебных заведениях определяли разработки в рамках христиански ориентированной психологии (как отмечалось выше, этому способствовала официальная государственно-идеологическая поддержка). И что важно – они задавали высокие стандарты теоретической и практической мысли.

Назовем здесь такие имена, как Л.М.Лопатин [138, 139, 140], В.А.Снегирев [219], В.И.Несмелов [166] и мн.др.[95, 280].

Поскольку вопрос о мотивах деятельности невозможно решить до конца без решения проблемы свободы воли, то мы должны представить точку зрения христианской психологии по данной проблеме.

Вопрос о *психологических основаниях метафизической свободы человека* исследован в капитальном труде В.И.Несмелова «Наука о человеке» [166]. Согласно Несмелову, сознание есть непрерывная цепь последовательных актов, единство которых обеспечивает самосознание, то есть сознание сознания. И это единство не есть простая сумма психических состояний, но есть творческая их переработка силою самого духа. Сознание в акте самосознания несводимо к ощущениям и представлениям внешнего опыта, то есть оно обладает автономностью и субъектностью по отношению к данным сознания, то есть – свободой. Самосознание есть непосредственное бытие сознания и его принципиально невозможно представить в качестве объекта: «быть объектом самого себя, т.е. мыслить себя, как не себя самого, субъект никогда и ни в коем случае не может, потому что быть объектом самого себя это значит...одновременно быть и не быть самим собой» [166, с.117]. Это значит, что субъект никогда не может лишиться своей субъектности, покуда он существует в качестве разумного существа. Человек в самых глубинах психической жизни ни на мгновение не перестает быть свободно-разумным субъектом своих мыслей. Самосознание является той основой и условием психической жизни, которые позволяют человеку стать творцом и развивают его во всех отношениях, причем человек становится личностью не потому, что «его душевная жизнь *как-нибудь* механически слагается в процесс творческого положения психических явлений-сил, а потому именно, что человек *существует как личность*» (курсив автора. - [166, с.181]). Или еще точнее: «сознание возникает не как продукт психического развития, а именно как непосредственное выражение *природного строя душевной жизни*, т.е., необходимо определяется самим *фактом существования человека как личности*» (курсив наш. – Ю.П. - [166, с.182]). Итак, человек свободен *по природе*, он создан таковым, свобода ему дана в факте его самосознания, он не может быть ее лишен, даже если бы сам этого захотел. Но именно только в сознании он действительно свободен, тогда как в условиях внешнего мира его свобода оспаривается каждое мгновение, он связан и детерминирован, и это, как пишет Несмелов, «роковое противоречие» есть самая сложная загадка его бытия. Как существо физическое человек не свободен, как существо духовное – свободен.

Выводы В.И.Несмелова подтверждает в своих трудах один из крупнейших российских психологов второй половины XIX в. - Л.М.Лопатин, последовательно отстаивавший, как он писал, «две истины – субстанциональность души и двойственность природы человека» [138, с.203]. Согласно Л.М.Лопатину, свобода человека связана с реальной субстанциональностью души как творческого центра всей жизнедеятельности человека, причем душевная жизнь дана человеку непосредственно, самоочевидно

[138, 140]. Любой из актов сознания демонстрирует добросовестному исследователю факт неустранимой онтологической свободы, проявляемой в способности мысли полагать цели деятельности и свободно избирать средства к ее достижению [139]. Творческая свобода духа есть не только факт нашего опыта непосредственной душевной жизни, но и строго логический вывод разума. Мы ничем иным, кроме причастности духовному началу, не в состоянии разумно объяснить нашу способность к мышлению и свободному творчеству. Проблема мотивации понимается Л.М.Лопатиным как конкретизация проблемы причинности [140]. При этом, если первопричиной активности человека полагать творческую силу духа, то причинность не противоречит идее свободы воли. Если же связывать причинность исключительно с материалистическим мировоззрением, то о свободе не может быть и речи. Позиция Л.М.Лопатина в отношении разнообразных оснований мотивации сводится к следующему: разумеется, и материально-природный мир детерминирует мысли и действия человека, тем или иным образом воздействует на содержание мотива, но последней инстанцией поступка все-таки остается свободная воля человека. «Ведь мотив не действует на человека сам по себе, а всегда через его волю, сообразно с ее содержанием; может ли присутствие мотива уничтожить свободу, когда вся сущность воли в ее самостоятельности?» [139, с.67]. Таким образом, мотивами человек детерминирован, но это детерминация смысла, связи целесообразности действий с общим смыслом жизни.

Специальный анализ *мотивации* как понятия и как психического процесса представлен в труде другого выдающегося русского психолога В.А.Снегирева [219]. В его классификации потребности и мотивы являются частью «высших деятельностей души» и относятся к разделу «воля». Воля определяется Снегиревым как «способность души совершать действия, то есть производить своею силою изменения в вещественном и духовном мире» [219, с.620]. Действием называются такие состояния, в которых дух способен быть «источником и центром силы» [219, с.612], изливаясь как вовне («опредмечиваясь», по Марксу), так и производя изменения в других душах и в себе самом. Исходным пунктом, «последнею причиною всякого действия» [219, с.624] выступает определенная *потребность*, которую В.А.Снегирев понимает как «состояние недостатка в организме и душе, в тесной связи с волнением, рассматриваемое как субъективный знак нужды» [219, с.625]. Потребность смыкается со «стремлением» (настолько тесно, что Снегирев позволяет употреблять термин «потребность-стремление»), отличие которого от потребности вообще - в акценте на неразрывную связь с «мускульным движением» (тогда как потребность обозначена выше как «субъективный знак», связанный с «волнением», то есть с чувствованием, но не с мышечным импульсом). Итак, «потребность-стремление» есть первый и «исходный пункт волевого процесса» [219, с.632]. Второе явление в сложном волевом акте – *желание* – есть «сочетание стремления и идеи объекта, его удовлетворяющего», - или еще четче: «потребность, осложненная представлением предметов и движений, удовлетворяющей данной потребности» [219, с.632]. Третье –

«двигатели или *мотивы*», то есть внутренние силы, в основе которых «выделение в сознании элементов желания» [219, с.627]. Чем, по Снегиреву, отличается потребность от желания, а желание от мотива? В потребности акцент сосредоточен на чувстве недостатка, а в желании – на предмете потребности (точнее – на идее этого предмета). Главное отличие желания от мотива в том, что желание не обязательно ведет к действию. Оно только «сопутствует волевому процессу» и есть «одна из форм обнаружения воли, но не ее «двигатель» [219, с.669]. Желание выделяет конкретный объект потребности среди всех других возможных, а мотив связывает его с конкретным элементом в самом желании. То есть сначала потребность «опредмечивается» (находит нечто определенное вне себя, сверх того, в чем не имеет нужды), а затем *над* этой операцией надстраивается акт сознания, предметом которого выступает появившаяся *связь* желания с опредмеченной потребностью (здесь уже на первом месте рефлексивная обращенность внутрь). Для Снегирева мало остановиться на объекте, удовлетворяющем потребность – этот шаг необходим (как и все другие этапы волевого акта), но это, по большому счету, еще не мотив как таковой. *Ясно осознанный предмет потребности еще не означает движение к нему* – так как в самом желании могут быть самые неожиданные нюансы⁴. Важно отметить следующее: если понимать *мотив как реальный побудитель к действию*, то основанием, исходным пунктом его будет выступать не столько внешняя по отношению к душе предметная действительность, сколько действительность внутриспсихическая, - иными словами, как бы четко человек не располагал в сознании предметы своих потребностей-стремлений, его действия будут зависеть от степени целостности и четкости внутренних, «стартовых условий» действия. Мотив – это не «опредмеченная потребность» сама по себе (как, например, принято считать в школе А.Н.Леонтьева), а *ее связь с конкретным элементом или состоянием желания*. Если сфера желания раздроблена, то важно - с какой из ее частей соединяется в мотиве конкретная «опредмеченная потребность»; если сфера желаний консолидирована (то есть душа приказывает «от всей своей полноты», по Августину), то тогда мотив будет равен своей цели, а желание будет тождественно его выполнению. Четвертая фаза волевого акта у В.А.Снегирева - *решение-решимость* (на основе выбора из нескольких вариантов действий), понимаемое им как готовность осуществить действие, даже с задержкой, если оно невозможно в данный момент. Речь идет о закреплении в сознании той связи, которая возникла между опредмеченной потребностью и сферой желания, то есть – о закреплении *мотива*. Пятая, предпоследняя фаза – *усилие* – «сознание напряжения душевной и физической силы» [219, с.628].

---

⁴ Именно вопросу раздробленности «желаний» в рамках общей проблемы «воли» посвящены многие места «Исповеди» Августина Блаженного, в которой он, например, утверждает, что человеку ничего не стоит совершить действие, удовлетворяющее конкретную телесную потребность, но когда дело касается потребностей иного, более сложного и высокого уровня, то человек сталкивается с парадоксальным сопротивлением его желанию – вроде, потребность «опредмечена», но реальный побудитель (мотив) направляет действие человека совсем на иной «предмет». И дело не в предмете потребности, и не в степени его осознанности, а в отсутствии целостности воли и упорядоченности сферы желаний.

Усилие сливается с *действием* (последняя фаза) и по своему значению есть акт, завершающий организацию внутреннего процесса, результатом которого является действие. Итак:

- потребность-стремление,
- желание,
- мотив,
- решение-решимость,
- усилие
- действие.

«Этот организованный ряд указанных явлений и есть – *воля*» [219, с.629].

Неоценимый вклад в исследование мотивации внес А.А.Ухтомский, по праву занимающий особое место в истории христианской психологии. Именно ему принадлежит открытие, позволившее с позиции науки описать и во многом объяснить основной механизм формирования и действия мотива, и, что важнее, соединить в единой концепции физиологический уровень безусловных рефлексов с уровнем духовной свободы. Речь идет о концепции доминанты [242]. А.А.Ухтомский, еще учась в Московской Духовной Академии, по его словам, задумал «создать биологическую теорию религиозного опыта» [242, с.293]. Поскольку Бог есть Жизнь, Он живой, то всякая живая тварь, Им созданная, свидетельствует о Нем. Организм (тело) не может действовать не по Божьим законам, и в человеке не один дух свидетельствует о Боге, но и тело. Что же движет человеком в действительности, что определяет его телесные реакции и душевные движения? А.А.Ухтомский, соглашаясь в этом пункте с И.М.Сеченовым, утверждает: внешняя среда и есть главный стимул, главный движитель. Но в основаниях этой внешней реальности (как выразился бы Г.С.Батищев – «ее абсолютным Истоком и Итогом»), ее сущностным положительным содержанием является Бытие Божие, Его Промысел и Воля и Любовь. Приспосабливаясь к миру, развивая свои возможности, человек, при определенных условиях, двигается навстречу Богу. Бог есть Любящий Отец всякой твари, которая просто не может не откликаться, по природе своей, на призыв Отца ответной любовью к Нему и Его миру. Ответчивость на духовный зов, по А.А.Ухтомскому, есть природно-физическое свойство человека, но которое лишь дано в качестве дара, но не задано во всей полноте как естественный закон. Исключением можно назвать открытый Ухтомским принцип доминанты, который на уровне коры головного мозга позволяет отсеивать важные цели и задачи от второстепенных. Но если на телесном уровне доминанта работает как рефлекс и не требует свободы воли, то на высших этажах личности без волевого выбора не обойтись. «Чем сложнее природа существа, - пишет А.А.Ухтомский, – тем более она действует свободно от непосредственного влияния среды» [242, с.61]. Иными словами, самое примитивное по строению существо есть самое зависимое от внешних условий жизни, а самое сложное – каким является человек - самое свободное.

А.А.Ухтомский отмечает, что «умений у нас всегда меньше, чем нам нужно, то есть чем их требует среда» [242, с.71]. Отсюда – одна из главных

задач, стоящих перед человеком - «как управиться с малым количеством готовых умений при великом множестве внешних стимулов?» [242, с.72]. Один из самых эффективных и естественных путей - «избирательно подкреплять и усиливать одни реакции и тормозить другие» [242, с.74]. То есть организовывать реакции по типу доминанты. Согласно А.А.Ухтомскому, любой живой организм изначально функционирует таким образом, что наиболее важные действия проходят в усиленном режиме, а второстепенные – тормозятся на уровне безусловных рефлексов. Но и выходя за рамки рефлекторной деятельности, вступая в сферу осознанной деятельности и свободного поступка, человек действует в соответствии с принципом доминанты (способность переносить телесные лишения ради нравственных и иных убеждений, способность концентрировать усилия в важных направлениях и т.п.). Только через идею доминанты становится понятным феномен жертвенности. То есть, здесь важна «сквозная Доминанта», структурирующая весь ряд жизненных актов-поступков человека, устремленность к конкретному идеалу, к Истине.

Как утверждал А.А.Ухтомский, «выяснение доминант, владеющих человеком – выяснение его современной личности» [242, с.76]. Доминанта есть направленность личности во всех ее проявлениях – в познании, в нравственности, в восприятии красоты. В свою очередь, система мотивации соотнобразуется с доминирующей направленностью и осознанно проводит селекцию мотивов. Доминанта может тормозить негативное в человеке и давать дорогу положительному, или как писал сам А.А.Ухтомский, быть «тормозителем свиного в человеке, чтобы помочь в нем человеческому» [242, с.313].

Важные моменты в формировании мотива раскрывал в своих работах другой русский христианский педагог и психолог – В.В.Зеньковский [82, 83]. Он утверждал, что мотив поступка находится в зависимости от соотношения «зреющего духа и его эмпирии». Возвышение духа над его материальными проявлениями потенциально присутствует в природе человека, но их соотношение может быть различным, в частности, на разных этапах развития ребенка (что и показал В.В.Зеньковский в своей работе «Психология детства»). Значительное внимание уделено В.В.Зеньковским проблеме так называемой «естественной духовности» (проблеме, которую современная психология просто не фиксирует, не улавливает), подчеркивая ее двойственность, то есть присутствие в ней одновременно темного и светлого начала, которые, перемешиваясь, вносят спутанность и двусмысленность в мотивационную сферу личности. Отметим также ценные наблюдения автора о влиянии чувств (эмоций) на мотивацию поведения. Согласно В.В.Зеньковскому, чувства являются проводниками духовной жизни и своей энергетикой влияют на волю и интеллект: «центральное значение в жизни души принадлежит эмоциональной сфере; и даже те функции, которые онтологически стоят выше эмоциональной сферы (как мышление и воля), так как предполагают ее как психическую базу свою, могут действовать лишь при благоприятном состоянии ее» [82, с.234]. Определяя - в духе христианской антропологии - органом духовной жизни сердце, В.В.Зеньковский полагал *любовь* высшей силой, формирующей тот или

иной мотив (об этом же за полвека до Зеньковского писал другой замечательный русский философ П.Д.Юркевич [277]).

Традиции христианского подхода к пониманию свободы воли и связанного с ней процесса мотивации продолжила в советский и постсоветский периоды Т.А.Флоренская, построившая свой теоретический анализ и психотерапевтическую практику на постулировании дуализма подлинного ядра личности («потенциального духовного «Я»») и его периферии («наличного «Я»») [250]. Т.А.Флоренская определяет конфликт намерений и действий как результат рассогласования в поступках человека императивов «внутреннего, духовного «Я» и влечений «внешнего, наличного Я». Сигналом такого рассогласования выступает совесть. Чтобы решить проблему мотивации, важно восстановить исходно-правильную иерархию этих двух «Я», высветить, очистить от наносных явлений, от действий многочисленных «защитных механизмов» то подлинное содержание «духовного «Я», которое и делает человека существом разумным, нравственным и свободным. «Вопреки рассудочному самооправданию и «защитным механизмам» наличного «Я», - пишет Т.А.Флоренская, - голос совести тяготит человека, закрывающего глаза на правду, убивает в нем радость жизни. Кто победит? Это зависит от выбора: личность не пассивная арена, ей дана свобода – это духовный дар» [250, с.39]. Говоря о свободе как о даре, Т.А.Флоренская подразумевает буквальное прочтение этого слова: свобода человеку *дана* по факту его рождения человеком (об этом - более развернуто у Несмелова и многих других христианских авторов), и дана *даром*, без учета «опыта и заслуг», авансом. В этом смысле новорожденный человек обладает всеми *началами* человечности – свободой, разумностью и нравственным чувством. Но свобода и другие качества не есть *заданность* – без внутренней борьбы они не реализуемы. В конечном итоге выбор мотива базируется не на иллюзии свободы (как об этом утверждает, в конечном итоге, материализм и пантеизм), а на *действительности* свободы, которая, разумеется, может или не может воплотиться в жизни конкретного человека в зависимости от его желания и умения слышать голос совести и следовать ему.

Эти же идеи развивал в своих поздних работах известный советский философ и психолог Г.С.Батищев, принявший в конце 70-х православие и перешедший на позиции христианской философии [266]. Согласно Г.С.Батищеву, высшей задачей, конституирующей смысловое и мотивационное «поле» человека, выступает обретение подлинности себя самого через обращенность к Богу и ответственность Его призванию, Его зову. Острота ситуации в том, что, по мнению Г.С.Батищева, человек «никогда не застаёт себя таким, каким призван и должен быть по своему высшему назначению» [14, с.107]. Это значит, что без обретения себя подлинного может не состояться и обращенность к Абсолюту и встреча с Ним, ибо в человеке «не будет еще той внутренней инстанции, того подлинного и высокодуховного, внутреннего Я, которое достаточно соприродно над-адресату и поистине позволит ему иметь встречу с самим этим трансцендентным абсолютно творческим Началом всякого возможного бытия и всего Универсума, с его смысловым Истоком и Итогом.

Закон строг: лишь подобное может встретиться с подобным! А если нет достаточной степени подобия, то и встреча не получится...» [14, с.109]. Важно подчеркнуть, что эта двойная мотивация (на саморазвитие и на нахождение Высшего Смысла в «трансцендентном абсолютном Начале») у Г.С.Батищева выстроена иерархически (с недвусмысленным возвышением последнего), но не по типу доминирования и подавления высшим уровнем низшего. Поскольку Бог в христианстве не является безликой Субстанцией, а есть Личность, любящая человека и желающая видеть в человеке свое подобие, то именно в общении с таким Богом человеку впервые даруется возможность быть свободным и любящим существом. Г.С.Батищев утверждает, что свобода воли и составляет уникальное отличие человека, и именно это свойство онтологически сближает его с Творцом [15].

На базе христианской антропологии выстраивает свои психологические исследования Б.С.Братусь. Еще в 1983 году, в сборнике, посвященном памяти А.Н.Леонтьева, он фактически ставил задачу выхода за пределы деятельностного подхода – в план построения «нравственной личности, постоянно ищущей и обретающей смысл своей жизни на земле» [30, с.218]. На этом пути единицей анализа личности становится «смысловое образование», которое рождается не в плоскости «мотив-цель» (деятельностная горизонталь), а в плоскости «мотив-мотив» (смыслжизненная вертикаль). По мнению Б.С.Братуся, «смысловое отношение – это всегда отношение меньшего к большему: цель смыслообразуется, приобретает смысл в свете мотива, данный мотив в свете более общего смыслообразующего мотива и т.д...Скажем, для того, чтобы осознать смысл своей жизни, надо соотнести не что иное, как всю свою жизнь с тем, что больше нашей жизни и не оборвется с ее физическим прекращением...» [30, с.216].

Отстаивая право христианской психологии на существование, Б.С.Братусь подчеркивает, что именно в христианстве человек предстает не в редуцированном виде, а как существо, наделенное метафизическим измерением. Душа, согласно автору, в «*вертикальном разрезе*» представляет из себя несколько возвышающихся друг над другом уровней-сфер, в основе которых лежат различные типы отношений человека к другим людям и соответствующие им уровни в структуре личности. Б.С.Братусь различает (снизу вверх):

1. «эгоцентрический» уровень как первый, «нижний этаж» (в центре – «я сам», мои интересы и удобства);
2. «группоцентрический» уровень (в центре – интересы группы – от малой до большой, например, этнической);
3. «просоциальный или гуманистический» (референтными выступают ценности общечеловеческие, надгрупповые);
4. «духовный или эсхатологический» - высший уровень («в рамках которого решаются субъективные отношения человека с Богом», то есть человек выходит в горизонт вечной жизни) [31, с.43].

В «горизонтальном разрезе» душа подразделяется в соответствии со «степенью присвоенности тех или иных смысловых содержаний и

мотивационных устремлений» [31, с.44], а именно: 1) «неустойчивые, ситуативные смысловые содержания»; 2) «устойчивые»; 3) «личностные ценности» (осознанные, ставшие смыслом жизни). Таким образом, согласно Б.С.Братусю, важна не только иерархия смысложизненных целей, но и степень устойчивости смысловой сферы. Это означает, что душевная жизнь предстает нам как арена борьбы разных тенденций и уровней, в которой ничего не гарантировано: эгоцентрист может в определенных обстоятельствах возвыситься, а религиозный человек в одночасье пасть. Борьба мотивов, следовательно, есть проявление борьбы за господство в человеке двух начал – духовного и материального.

Психологически точно раскрыты и описаны важные моменты механизма мотивации в работах Н.Я.Большуновой [28, 29]. Рассматривая вопрос о детерминантах поведения человека, автор выделяет *четыре* иерархически субординированных уровня или сферы, связь с которыми определяет специфику мотивации: биологическая среда детерминирует человека на уровне его телесности, психологическая – на уровне индивидуальной психики, социальная – на уровне социальных ролей, норм и ценностей, и, наконец, «сфера духа» позволяет человеку обрести свободу и «быть причиной самого себя», - правда, уточняет Н.Я.Большунова, «для прорыва в сферу духа необходимо обладать верой в то, что Дух есть» [29, с.31]. Центральным понятием, конституирующим всю концепцию Н.Я.Большуновой, является *субъектность*, понимаемая автором как то, «что дает человеку возможность совершать поступки, в которых трансцендентные ценности становятся реальностью бытия человека» [29, с.31]. По сути, субъектность и есть свидетельство свободы воли в жизни личности и ее непосредственное проявление. Основным механизмом функционирования и развития субъектности – *ответчивость социокультурным основаниям бытия*, основная форма реализации – *поступок*. Таким образом, мотив конкретного действия формируется под воздействием различных по сложности уровней внешней среды (биологической, психической, социальной, духовной), и это воздействие воспринимается человеком активно, через механизм ответчивости, в рамках которого внешние сигналы преломляются индивидуально-неповторимым образом силою социокультурной рефлексии и с учетом личностных потребностей и способностей. Особое место в этом процессе занимают смысл и ценностные ориентации. По мнению Н.Я.Большуновой, мотив поступка необходимо связан со смысловым контекстом, который, в свою очередь, есть «оборачивание ценностей на себя, переживание значимости определенной системы ценностей, при котором происходит реструктуризация всех образований личности,...происходит переосмысление различных событий в жизни человека, собственных мотивов и поступков...» [29, с.70]

1.2.2. Проблема мотивации деятельности в марксистской психологии личности

В отечественной психологии советского периода проблема мотивации рассматривалась в рамках марксизма, который дал на российской почве два

крупных идейных «всхода» - культурно-историческую психологию развития (Л.С.Выготский) и психологическую теорию деятельности (С.Л.Рубинштейн, А.Н.Леонтьев и др.). Общее, что их объединяет – признание сущности личности как совокупности общественных отношений, - при этом Выготский сосредотачивался на общеметодологических закономерностях генезиса личности как социокультурного феномена, а Леонтьев – на технологических аспектах этого генезиса в пределах конкретной деятельности. В целом подход Выготского был более осторожен, глубок и философичен, но в содержательном плане его философским *сredo* был спинозизм, то есть *пантеистическая* концепция. О том, что Б.Спиноза был «любимым философом» Л.С.Выготского писали такие исследователи его творчества, как М.Г.Ярошевский и В.В.Умрихин [45, 279]). Это мнение вполне подтверждено и фактом повышенного внимания к Спинозе со стороны самого Л.С.Выготского. Его весьма объемная работа «Учение об эмоциях» полностью посвящена разбору психологических концепций Декарта и Спинозы с открытым принятием правоты последнего. «Очищенная от заблуждений, истина этого учения (т.е. Спинозы. – Ю.П.)...пройдет сквозь строй основных проблем, выдвигаемых познанием психологической природы страстей и всей психологии человека. Она поможет и современной психологии в самом основном и главном – в образовании идеи человека, которая служила бы для нас типом человеческой природы» - писал Л.С.Выготский [47, с.139]. Называя себя марксистом, Выготский принимал и гегелевскую диалектику. Отметим, что гегелевская философия диалектического развертывания Абсолютного Духа есть в точном смысле пантеистическая доктрина, вполне соединимая со Спинозой. По Гегелю, Абсолютный Дух в исходном состоянии содержит в себе потенциально все противоречия будущего мира, включая добро и зло, свет и мрак, единичность и множественность и т.д., и гегелевский «синтез» естественным образом включает в себя взаимоотрицающие сущности. Монизм материалистический и монизм пантеистический (в данном случае - гегелевский) имеют общий метафизический фундамент: исходная субстанция включает в себе свою противоположенность – дух в гегельянстве по *естественным* законам диалектического развития превращается в материю, а материя в материализме так же *естественно-диалектично* обретает способностью мыслить. В целом мы согласны с П.П.Гайдено, полагавшей, что «Гегель выразил существенные черты мирозерцания нового времени, определившие характер культуры XIX и XX вв.: во-первых, убеждение во всемогуществе человека, а точнее богочеловечества, которому надлежит овладеть природой и полностью подчинить ее своим целям; во-вторых, убеждение в железной необходимости, с которой совершается богочеловеческий процесс и в которой индивидуальной воле не дано ничего изменить. *Имперсонализм - естественное следствие пантеистического монизма Гегеля*» (курсив автора. – [48]).

Второй наш классик - А.Н.Леонтьев - более склонялся к ортодоксальному прочтению марксизма.

Поскольку проблема мотивации является одной из важнейших в психологии личности, то так или иначе все крупнейшие отечественные

представители психологической науки разрабатывали этот вопрос. В нашей работе мы исследовали труды таких авторов, как В.С.Мерлин, А.Г.Асмолов, К.Н.Корнилов, Б.Г.Ананьев, П.М.Якобсон, А.В.Запорожец, Е.П.Ильин, В.В.Столин, Б.И.Додонов, В.К.Вилюнас, Л.И.Божович, М.Г.Ярошевский, Э.В.Ильенков, В.Г.Леонтьев, А.Н.Леонтьев, Л.С.Выготский, С.Л.Рубинштейн и ряд других.

Как уже говорилось, доминирующей мировоззренческой доктриной в советский период был марксизм. Наиболее аутентичной экстраполяцией его положений в области психологии была так называемая теория деятельности, или деятельностный подход в психологии.

В философском смысле марксизм базируется на «диалектическом материализме». Основным системообразующим принципом диалектического материализма является «принцип материальности мира, утверждающий, что материя первична по отношению к сознанию, отражается в нем и определяет его содержание» [248, с.125]. Без ссылок на работы К.Маркса, Ф.Энгельса и В.Ленина невозможно было представить появление серьезной теоретической работы. Можно выделить несколько ключевых положений марксизма, которые конституировали всю логику и все содержание его социально-философских и психологических построений. *Первое* положение – материализм: первичность материи и вторичность сознания. Из этого следовало *второе* положение: поскольку сознание вторично, то оно может только отражать объективно существующий материальный мир. *Третье* – применительно к проблеме человека этот материальный мир берется исторически, то есть натуральная жизнь преобразовывается культурной, общественной. *Четвертое* – «диалектический метод» в объяснении и в исследовании явлений мира. Последнее означало возможность толковать появление нового качества как естественного суммирования количественных изменений. Согласно К.Н.Корнилову, «диалектический метод», примененный Гегелем к природе, а Марксом – к социальным наукам, вполне может быть использован и в психологии (которая, по его мнению, располагается как раз между биологией и социологией [108, с.203]). Собственно, применение «диалектического метода» как в натурфилософии, так и в общественных науках и составляет «нерв» марксистской доктрины. Так, К.Н.Корниловым выделялось 4 основополагающих принципа диалектического подхода [108, с.204-205]:

1. Непрерывная изменчивость всего сущего;
2. Всеобщая связь явлений (принцип причинности);
3. Скачкообразное развитие процессов с переходом количественных изменений в качественные;
4. Прогрессивность развития.

Опираясь на эти принципы, марксисты утверждали, что материя в своем бесконечном развитии, через «отрицание отрицания» и в согласии с идеей прогресса не только могла, но и должна была достичь уровня живой и разумной формы. Не случайно мышление в диалектическом материализме определяется как «высший продукт особым образом организованной материи» [113, с.869].

Своеобразной квинтэссенцией, классическим образцом решения проблемы личности в марксизме является работа А.Н.Леонтьева «Деятельность. Сознание. Личность» (опубликованная в 1975 году в престижнейшем и идеологически безупречном «Политиздате»).

В самом названии данной книги отражена не только логика движения мысли автора, но и его понимание онтогенеза высших психических функций человека: вначале – деятельность, которая порождает сознание, затем – в осознанной, сознательной деятельности формируются личностные структуры. Личность А.Н.Леонтьевым определялась как «относительно поздний продукт общественно-исторического и онтогенетического развития человека», личность «производится, создается общественными отношениями, в которые индивид вступает в своей деятельности» [127, с. 176-177]. В деятельностном подходе, как писал А.Н.Леонтьев, личность есть «внутренний момент деятельности» [127, с. 159], ее продукт, этап (выходит, не личность человека осуществляет деятельность, а наоборот - деятельность «осуществляет» личность, то есть не деятельность для человека, а человек для деятельности?).

«Генетически исходной и основной формой деятельности является деятельность внешняя, чувственно-практическая» - утверждает А.Н.Леонтьев [127, с.89]. Но это означает, что человек «активничает» (англ. activity переводится как «деятельность») раньше, чем осознает собственную активность, и обретает сознание раньше, чем становится личностью. Как такое возможно? По логике А.Н.Леонтьева именно деятельность «создает необходимость сознания», порождает мысль. Вне деятельности есть лишь «непосредственно-чувственное отражение», в котором познание объекта ограничено «составом и степенью тонкости ощущений» [127, с.39]. Только когда перед человеком стоит задача использовать данный объект в деятельности (например, в труде), тогда «познание выходит за эти границы», то есть сама жизнь требует не просто копировать, «фотографировать» реальность, а активно открывать, синтезировать новые знания о неведомых ранее свойствах данного объекта. «Толчок» к активности, к деятельности человек получает под действием нужды, потребности что-то добыть для себя или что-то изменить вокруг себя. Например, потребность в пище толкает животное на ее поиск, включает в работу зрение, острый нюх, быстрые ноги, то есть активирует инструментарий инстинкта. Существо, не имеющее никакой нужды, лишено активности. Человек – не исключение, только у него активируется иной инструментарий и в иной форме. Но данный постулат и логика вызывают возражение: во-первых, человек с самого рождения имеет специфические – человеческие – потребности, каких мы не обнаружим у животных, и, во-вторых, специфические же формы активности, обусловленные типом его «инструментария». Совершенно очевидно, что человеческий младенец рождается не животным, а именно человеком, и чтобы он мог осуществлять присвоение социального опыта, он должен уже обладать определенными психическими свойствами, которые позволят ему присваивать этот опыт. Отличие человеческой деятельности от животной активности и заключается в способности к разумным, опосредованным мыслью действиям, которые у

младенца присутствуют потенциально, в «свернутом» виде, а у животного детеныша – отсутствуют, что и определяет активность животного как потенциально инстинктоидную и реактивную, а деятельность человека как потенциально предметно-осознанную и творческую.

Что есть «деятельность»? Это – не хаотичная активность безумца или инстинктоидная активность животного, а осознанная, а значит – предметная активность. Предметность – «основная, конституирующая характеристика деятельности» – утверждает А.Н.Леонтьев, здесь же добавляя для усиления этого тезиса: «выражение «беспредметная деятельность» лишено всякого смысла» [127, с.84]. Психическое развитие непосредственно связано с диалектикой «предметности» – с непрерывным чередованием «распредмечивания» – «опредмечивания». Но что есть «предмет деятельности»? Предмет, строго говоря, есть та *часть объекта*, которая попадает в зону *осознанного* восприятия субъекта и становится предметом его мышления и практической деятельности. Предмет мышления и деятельности есть идеальный образ объекта, интенционально запечатленный в сознании, то есть продукт некоторой мыслительной активности. Иначе говоря, чтобы *выделить* предмет в объекте, прежде *уже* требуется мышление. Где человеческая деятельность – там *уже* сознание, там *уже* предметное мышление. Первое подразумевает второе как свое *условие*. Деятельность имплицитно содержит как сознание, так и предметность, деятельность сама по себе не может порождать способность мышления и *не может предшествовать тому, что конституирует её самой*. Чтобы «распредметить» внешнее, то есть перевести его во внутренний план (осуществить «интериоризацию»), нужны некоторые мыслительные акты в качестве предварительных условий возможности этой операции. Точно так же и «опредмечивание» («экстериоризация», воплощение мыслей вовне, в практически-чувственную деятельность) предполагает наличие хотя бы простейших мыслительных способностей.

Таким образом, можно утверждать, что между активностью животного и деятельностью человека – пропасть длиною в разумную мысль, и эта разумная мысль должна прежде появиться у животного, чтобы его инстинктоидная активность превратилась в разумно-целесообразную предметную деятельность.

Поскольку исходная посылка («внешняя, чувственно-практическая деятельность» как генетически первый акт рождения человека как такового) содержит в себе логическое противоречие, то и вывод (личность как результирующий итог развития деятельностей и сознания) не может быть принят как удовлетворяющий наш умственный запрос. Признать «личность» результатом воздействия на человекоподобное существо вначале активности без сознания, а затем сознания вне личностных структур, не представляется возможным. По поводу главного труда А.Н.Леонтьева и как бы в подтверждение наших выводов А.С.Арсеньев делает глубокое и верное замечание, что «реальный целостный подход требовал бы и перестановки в заголовке книги. Ее следовало бы назвать «Личность. Сознание. Деятельность», так как Личность есть целое, а сознание и деятельность – атрибуты этого целого» [8, с.274].

В марксистской психологии личности утверждается, что начало личности, вся потенциальность мышления – вне самого человека, вне личности, как бы снаружи. Как возможно предполагать такое? Только при условии отождествления внешнего и внутреннего, их совпадения во всех главных закономерностях. «Переходы эти (внешнего во внутреннее и наоборот. – Ю.П.) возможны потому, что *внешняя и внутренняя деятельность имеют одинаковое общее строение*» - заявляет А.Н.Леонтьев (курсив автора. - Ю.П. [127, с.101]). Внешнее (материя - в отношении сознания, деятельность - в отношении личности) – первично, и внутренний мир лишь повторяет (=отражает) внешний, они равны друг другу, в идеале они совпадают, поэтому «зазора» между внутренними и внешними закономерностями нет, а это значит - все внутренние процессы детерминированы внешними, поскольку первотолчок мышления исходит, по утверждению материалистов, извне. Вывод марксизма: все в жизни человека происходит по осознанной, но все-таки необходимости.

Принципиально важным в деятельностном подходе признавалось положение о «зависимости психического отражения от места отражаемого объекта в структуре деятельности» [9, с. 125]. Именно в этом пункте сосредотачивались исследования мотивации деятельности, поскольку мотив является одним из ее компонентов. Предмет деятельности, на который направлен мотив, связан с потребностями, интересами, целями, ценностями и идеалами личности, представляющими из себя целостную систему «мировоззренческих координат». В свою очередь, мотивы формируются под влиянием разнообразных факторов, связанных с конкретными процессами функционирования этой системы. По мнению В.С.Мерлина, «в мотивационных системах, из которых складывается структура личности, каждый отдельный конкретный мотив чрезвычайно изменчив в зависимости от ситуации деятельности» [153, с.81].

В концепции А.Н.Леонтьева мотивом называется «опредмеченная потребность»: «до своего первого удовлетворения потребность «не знает» своего предмета, он еще должен быть обнаружен. Только в результате такого обнаружения потребность приобретает свою предметность, а воспринимаемый (представляемый, мыслимый) предмет – свою побудительную и направляющую деятельность функцию, т.е. становится мотивом» [127, с.190].

Следует отметить, что марксистская психология отличалась редким для истории психологии единством методологических оснований и системностью. Все ключевые принципы психологической теории деятельности (А.Г.Асмолов выделяет 7 таковых [9]) логично увязаны друг с другом и представляют собой достаточно стройную и внутренне непротиворечивую систему. Вместе с тем, при всем мировоззренческом единстве, различные советские авторы демонстрировали творческое разнообразие подходов в конкретных исследованиях. Например, Л.И.Божович (ученица Л.С.Выготского и А.Н.Леонтьева) активно разрабатывала проблему генезиса мотивов в их связи с потребностями, то есть собственно психологических механизмов развития потребностей [23]. На широком экспериментальном материале Л.И.Божович показала, что «изменение объектов, в которых воплощаются потребности, не

составляют содержания развития потребностей, а являются лишь показателем этого развития» [23, с.40]. То есть, сущность изменений – в логике развития самих потребностей, которые затем «опредмечиваются» в конкретных объектах. Иными словами, не столько внешняя практическая деятельность детерминировала смену предметов потребности, сколько новообразования во внутриспсихической жизни человека. Л.Б.Божович употребляет даже словосочетание «самодвижение потребностей», что для жестко детерминированной теории мотивации в марксизме выглядит довольно смело [23, с.46].

В рамках деятельностного подхода работал А.В.Запорожец, который рассматривал мотив как «объект потребности, ради которого совершается деятельность» [77, с.269].

Важные аспекты деятельностного подхода к пониманию мотива рассматривались в работах В.К.Вилюнаса [42, 43]. Он выделяет в качестве «источников всеобщего обнаружения и разнообразия мотивационных отношений человека» 2 типа явлений: «механизмы инстинкта» (биологическая детерминанта) и «постоянное ситуативное и онтогенетическое развитие мотивации» (деятельностная детерминанта) [42, с.245]. Также автором вводится различие на «актуальную» и «потенциальную» мотивацию [42, с.23]. В.К.Вилюнас подчеркивал, что основной заслугой А.Н.Леонтьева была разработка «содержательного аспекта мотивации» в полемике с бихевиористическим и психоаналитическим выпячиванием «энергетического», «динамического» аспекта. Действительно, «актом опредмечивания потребность семантизируется, впитывает в себя определенное содержание», но настало время, пишет В.К.Вилюнас, скорректировать вектор исследований и дополнить интеллектуальную компоненту мотива аффективной, эмоциональной (то есть – соединить цель и ее эмоциональное приятие, рассмотреть интеллект и аффект в единстве). Для этого автор использует понятие *пристрастности*, впервые введенное А.Н.Леонтьевым [127, с.55]. «Мотив – это так или иначе волнующий нас предмет, это предмет, который мы любим, который желаем создать, сохранить, защитить, или который ненавидим, от которого желаем избавиться и т.д. Пристрастность и есть тот язык, которым потребности указывают свои предметы переживающему субъекту» [43, с.196]. Без понятия пристрастности, считает Вилюнас, трудно объяснить, как предмет становится побудителем, мотивом. Именно пристрастность, то есть эмоциональное отношение к предмету и, что важнее, «эмоциональные переключения» с одного предмета на другой выступают в концепции В.К.Вилюнаса своеобразными «единицами ситуативного развития мотивации» [42, с.109].

Большое значение изучению места и роли эмоций (как содержания пристрастности) в потребностно-мотивационной сфере уделял Б.И.Додонов [70]. Он считал, что мотив определяется системой ценностей, которые «могут возникнуть только в результате их предварительного признания (положительной

оценки – рациональной или эмоциональной)» [70, с.11]⁵. Речь идет о принципиальном моменте (который, действительно, оказался несколько недооценен в работах Л.С.Выготского и А.Н.Леонтьева): активность человека избирательна, интенция на определенный объект имеет под собой некое основание, сам выбор предмета деятельности обусловлен тем, что Додонов называл «общей эмоциональной направленностью». И интеллект, и воля, к удивлению исследователей и зачастую самого человека, зависят от движения сердца, от эмоции притяжения или неприятия конкретного объекта (как видим, об этом же, только с иных позиций, говорится и у В.В.Зеньковского).

Можно также отметить попытки В.В.Столина проработать идею связи мотивации и самосознания. Он пишет, что «самосознание личности...является опосредующим процесс становления мотива звеном» [227, с. 61]. Вполне логично предполагать, что процессу «мотивообразования» сопутствует акт самосознания как ответ на вопрос - что мне надо и что может удовлетворить мою нужду? Но трудно согласиться с тем, что самосознание есть простое промежуточное звено между потребностью и мотивом.

Заметными в рамках интересующей нас проблемы являются две фундаментальных монографии Е.П.Ильина, одна из которых посвящена проблеме воли, а другая – мотивации [89], [90]. Автор дает максимально широкую панорамную картину всего многообразия точек зрения по указанным темам. Отметим, прежде всего, методологически корректную постановку Е.П.Ильиным вопроса о соотношении воли и мотивации: «необходимо говорить не просто о связи воли и мотивации, а о включенности мотивации в волю» [90, с.6]. То есть мотив четко определяется в качестве составной частью волевого акта. И то и другое, подчеркивает Ильин, есть элементы «механизма сознательного целесообразного поведения». Следовательно, без решения проблемы свободы воли нельзя разрешить и вопрос мотивации.

Подытоживая подход к проблеме мотивации в советской психологии, можно подчеркнуть следующее: поскольку в марксизме сознание полагалось как вторичное (и в логическом, и в онтологическом смысле) явление, как результат отражения в нем материальных процессов, то есть – как относительно *пассивная* инстанция, то психологические концепции, которые призваны были раскрыть природу *активности* человека, неизбежно сталкивались с серьезными трудностями. Принципиальным препятствием для построения полноценной теории мотивации в рамках марксистской психологии является ее материалистическая онтология, в основах своих отрицающая метафизическую свободу личности.

---

⁵ Эту мысль подтверждает и В.С.Мерлин, говоря о том, что «не существует неэмоциональных мотивов» [153, с.11].

1.2.3. Проблема мотивации деятельности в либералистской психологии личности

К вопросу о терминах: мы используем понятие «либералистская», а не «либеральная», то есть производное от либерализма (по аналогии с «марксистской» от марксизма), чтобы отделить это значение принадлежности определенному идейному течению (*liberalism*) от того, что имеет отношение ко всему свободному (*liberal*).

В качестве мировоззренческих (религиозно-философских) оснований данного направления в психологии господствующее положение занимает *пантеизм* (смыкающийся в отдельных случаях с теизмом протестантского толка – см., например, труды П.Тиллиха, оказавшего серьезное влияние на развитие гуманистической психологии [233]), а в качестве научно-философских оснований – *прагматизм*. Этому есть несколько объяснений. Привлекательность пантеизма для современного человека состоит в том, что он позволяет реализовать несколько важных потребностей: во-первых, помыслить мир и собственное бытие холистично, то есть выстроить философскую концепцию единого мира, в котором человек, общество и природа существуют как некое целое и по неким общим законам (самый яркий пример пантеистического синтеза – китайский даосизм); во-вторых, позволяет сохранить присутствие в культуре идеи Божества, Абсолюта (атеистический материализм, можно сказать, уже вышел из «моды»), но без особого ущерба для собственно человеческих интересов и слабостей, – Бог теряет черты Личности и все более растворяется в «космосе» как нейтральная и ни к чему не обязывающая сила. Речь идет о глобальном сдвиге западной цивилизации от христианского персонализма к пантеистическому имперсонализму. Психологические концепции только фиксируют на своем языке эти изменения. Научно-философским обоснованием этой тенденции выступает прагматизм, который признает «истинным» все, что полезно человеку и что «работает» на него [68]. Как утверждал У.Джеймс, «прагматизм вполне открыт всему» [68, с.238], «он не имеет никаких догматов, не защищает никаких особых учений...Он расположен посреди наших (т.е. уже известных нам. – Ю.П.) теорий, подобно коридору в гостинице» [68, с.228]. И далее: прагматизм «демократичен» и по существу «равнозначен гуманизму» [68, с.229]. Не случайно прагматизм был одинаково положительно принят столь разными на первый взгляд школами, как бихевиоризм и гуманистическая психология. Если *мировоззренчески* либералистские тенденции в психологии личности проявляются в исповедании пантеистического «символа веры» (и «уходе» в даосизм, буддизм, оккультизм и т.п. системы), *методологически* – в принятии основных постулатов прагматической философии, то *методически* – в применении «системного эклектизма» (синкретичного использования отдельных элементов различных теорий).

Современная российская психология личности развивается по нескольким «мировоззренческим линиям» (Б.С.Братусь), из которых можно выделить 3 основных: *христианскую* (нацеленную на возрождение духовно-нравственной

психологии, на освоение научного наследия классиков русской досоветской философии и психологии), *марксистскую* (ориентированную на традиции, методологию и логику советской психологии) и *либералистско-прагматическую* (ориентированную на теорию и практику западной психологии). Первое направление, как пишет Б.С.Братусь, растет медленно, но стабильно, второе - развивается, но «по убывающей», третье – бурно прогрессирует [32].

Поскольку христианское и марксистское направления обзорно уже представлены выше, то остановимся на характеристиках либералистской линии.

В данном параграфе мы сосредоточим внимание:

1) на работах западных психологов XX века, наиболее ярко представляющих либералистскую концепцию человека (психоанализ и его вариации, гуманистическая и экзистенциальная психология, а также и бихевиоризм как агностическое основание либерализма);

2) на тех работах «советско-российских» психологов, в которых делается попытка преодолеть «марксоидность» методологии и методики психологических исследований на основе интегрирования в западную научно-психологическую традицию либо путем разработки автохтонных концепций (в частности, труды С.Л.Рубинштейна, А.В.Петровского, Д.А.Леонтьева, К.А.Абульхановой, А.Г.Асмолова, А.Б.Орлова, А.С.Арсеньева, В.И.Слободчикова и ряда других).

Как в западной, так и в отечественной психологии личности сложилась своего рода традиция⁶ провозглашать психоанализ «первой системой научной психологии, обратившейся к понятию смысла» [132, с.27] и «заложившей основы исследования мотивации в теории личности» [149, с.4]. По мнению Д.А.Леонтьева, концепция З.Фрейда решает вопрос свободы с позиции «жесткого детерминизма» [131], то есть фактически отрицает свободу воли, объявляет ее иллюзией, поскольку истинные мотивы поведения, согласно классическому психоанализу, есть бессознательные влечения, по сути, не подконтрольные самой личности. З.Фрейд утверждал, что вопреки старому мнению о том, что человек в силах управлять своим поведением, его «Я» есть скорее страдательная инстанция, нежели деятельная. В классическом психоанализе Его находится под постоянным прессингом со стороны влечений Id и социокультурных императивов Super-Ego. Причем источник жизненной энергии заключен в темных недрах бессознательного Id и по содержанию это есть энергия полового влечения (Libido). Самым мощным фактором мотивации, таким образом, выступают те импульсы, на которые человек может лишь реагировать двояким образом: либо перенаправлять их (сублимировать) на менее опасные цели, чем те, на которые направлено влечение - либо «уходить в невроз». Одним из центральных мотивов становится достижение гомеостатического равновесия (по сути – недопущение невроза), что проявляется в форме закрытости и даже враждебности по отношению к внешнему миру (о вреде такой личностной стратегии с точки зрения психотерапии см. у В.Франкла

---

⁶ Традиция, на наш взгляд, пагубная и не обоснованная серьезным анализом вопроса. Вполне очевидно, что Фрейд не был первым, кто исследовал мотивацию личности, а о его вкладе (или отсутствии такового) в научную психологию до сих пор идут споры.

[253]). Рационально-волевая целесообразная деятельность психоанализом ставится под сомнение и всерьез ограничивается природными инстинктами. Как утверждал Р.Мэй, «психоанализ появился в силу крушения воли», он есть «антиволевая система» [158, с.221].

Надо сказать, что фрейдизм вполне обоснованно подвергался критике в советской психологии за «биологизаторский подход» к личности, за толкование социального фактора скорее как источника неврозов, чем средства к личностному росту. Так, Ф.В.Бассин и М.Г.Ярошевский подчеркивают, что если принять идеи и логику З.Фрейда, то становится «невозможным понять...ни одно, по существу, из проявлений целенаправленной активности человека» [13, с.438]. Все высшее в человеке психоанализ выводит из метаморфоз низшего, духовные плоды появляются из трансформаций биологической энергии пола. Сама личность есть нечто *вторичное*, производное от инстинктоидного бессознательного образование. Как подчеркивает Б.С.Братусь, психоаналитическая оценка природы человека весьма пессимистична: «одинокий в одиноком мире и с коварной, плохо управляемой душой, не имеющей внешних опор и высшей помощи» [31, с.36].

Психоанализ, без сомнения, есть продукт атеистического разума, «освобожденного» от служения не только абсолютным, религиозным ценностям, но и ценностям социальным. Таким образом, детерминизм либидозного происхождения, блокирующий, на первый взгляд, волю, оборачивается в действительности *своеволием* индивида по отношению к социокультурным императивам. Человек перестает соотносить свою жизнь с духовно и социально детерминируемыми ценностями (такими, например, как любовь и доверие к Богу, к родителям, к культуре собственной страны), - напротив, он начинает видеть в них главную причину своих психологических проблем и начинает – с помощью психоаналитика – фактически бороться с ними.

Дальнейшее развитие идей психоанализа шло двумя путями: с одной стороны - смягчение тезиса об обусловленности поведения природными инстинктами и признание важности социокультурных факторов мотивации личности (работы К.Г.Юнга, А.Адлера, Э.Фромма и ряда других авторов); с другой стороны – теория З.Фрейда конкретизировалась и углублялась в плане подведения под ее основные положения естественно-научных данных (разработки В.Райха). Рассмотрим некоторые из них.

К.Г.Юнг утверждает, что на характер поведения оказывают воздействие не только те содержания бессознательного, которые некогда осознавались индивидом, но затем забылись или вытеснились, но и те, которые никогда не входили в сферу личного сознания, то есть – первообразы («архетипы») коллективного бессознательного. Таким образом, мотивационная сфера усложнялась, так как в нее, по Юнгу, теперь входили:

1. Осознаваемые элементы самосознания;
2. Содержания личного бессознательного;
3. Формы, или архетипы коллективного бессознательного.

К.Г.Юнг считал, что архетипы не создаются человеком, а «извечно наследуются» в виде «форм и идей, которые сами по себе лишены определенного содержания, но обретают его в течение жизни человека, чей опыт заполняет эти формы» [276, с.18]. По Юнгу, «человеческая деятельность в значительной мере находится под влиянием инстинктов, совершенно независимо от рациональной мотивации сознания», и «архетипы суть бессознательные образы самих инстинктов» или «*образцы инстинктивного поведения*» (курсив автора. – [275, с.73]. И далее он уточняет: «когда встречается ситуация, соответствующая конкретному архетипу, этот архетип активируется, появляется *принудительность*, которая, подобно инстинктивному влечению, прокладывает себе путь *вопреки всякому разуму и воле* либо производит патологический конфликт, т.е. невроз» (курсив наш. – Ю.П. – [275, с.77]. Из этого фрагмента становится ясной позиция юнгианства по вопросу свободы человека действовать целесообразно: человек у Юнга стоит перед дилеммой - либо «вопреки всякому разуму и воле» поступить, как принуждает архетип, либо - невроз.

Не приняв основные постулаты психоанализа – и, прежде всего, биологизацию мотивационной сферы, А.Адлер заявил, что «любое душевное явление...может быть осмыслено и понято как движение к цели» [6, с.12]. Тем самым он перенес «центр тяжести» своих исследований в сферу целесообразной деятельности. Но бессознательный момент в самом процессе целеполагания у Адлера оставался значительно выраженным (это делало возможным сохранять некоторые точки пересечения с теорией З.Фрейда). Согласно А.Адлеру, проявляются бессознательные целевые установки, как минимум, двояко: первично – как стремление к превосходству, вторично – в качестве реакции на неудачу первичного стремления – в виде комплекса неполноценности и желания его компенсировать. Адлер прямо называет «цель достижения превосходства» «самой общей предпосылкой...разного рода душевных побуждений» и «общей для всех людей целью» [6, с.15]. Чувство неполноценности развивается у человека в раннем детстве, когда он, желая быть лучшим, на самом деле во всем уступает взрослым или более старшим братьям, сестрам и просто окружающим. Ущемленное самолюбие дает энергию борьбы и мобилизует человека на «реванш» или компенсацию своей неполноценности. Это, по А.Адлеру, и является главным мотивом (лейт-мотивом) всей жизни человека. Арена для решения этих жизненных задач – прежде всего внешний, социальный мир. Адлер остро полемизирует с Фрейдом и даже с Юнгом, считая, что их принципы терапии ошибочно ориентируют человека заниматься самим собой, вместо того, чтобы решать свои проблемы, выходя во внешний мир [6, с.21]. Любопытно, что у самого стремления к превосходству, по мнению Адлера, есть еще более глубокое основание – «цель богоподобия» [6, с.17]. Эта цель, скорее, фиктивна, то есть несбыточна, но от этого она не теряет своей полезности. Отметим принципиальный момент: то, что А.Адлер толкует стремление к Богоподобию как *стремление к превосходству*, есть свидетельство трагической метаморфозы, мутации христианской идеи *стремления к совершенству*, произошедшей в западно-европейской культуре в последние пять веков.

Заслуживает внимания концепция «оргонной биофизики» В.Райха, позволившая поместить, по словам автора, теорию З.Фрейда на прочный «фундамент естественной науки» [195, с.12].

Если Фрейд разрабатывал глубинную психологию, то Райх – ее биологическую основу, если у Фрейда фигурируют «психоневроз» и «психотерапевт», то у Райха – «биопатия» и «биотерапевт» [195, с.13-14]. В.Райх доводит идеи Фрейда до логического завершения: если ключевым источником жизненной энергии, главным фактором мотивации служит Libido, то нужно развивать психоаналитические техники работы именно с ним, а не с замещающими его символами. В.Райх развивает точку зрения «сексуальной экономики», вводя категорию «количество либидо» [195, с.60]. По его мнению, если определенное количество жизненной энергии («оргона»), существующей в человеческой психике в форме бессознательного полового влечения, не удовлетворяется «адекватным образом», а остается в глубинах личностных структур, то исцеления от невроза не наступает. Под «адекватной» реализацией В.Райх имел в виду «генитальный оргазм», а не что-либо его заменяющее и замещающее [195, с.60]. Мало осознать вытесненный материал, нужно выбросить наружу скопившуюся энергию в физиологическом акте, нужна «разрядка» - иначе не избежать продолжения невроза. Конечная и реальная цель терапии – устранение «застоя либидо», - то есть даже не сублимация, поскольку, по В.Райху, способность творчески сублимировать нереализованную сексуальную энергетику могут далеко не все пациенты, а «застоем либидо» страдают все. Но человек обычно сопротивляется анализу, выставляя многочисленные защиты, что, в итоге, формирует вокруг его Эго «характерный панцирь», который на соматическом уровне проявляется как «мышечный панцирь». Для В.Райха важен не столько «анализ симптома», сколько «анализ характера», то есть типов «характерного сопротивления», преодоление которого является главной практической задачей психоаналитика. Таким образом, концепция В.Райха психологическое благополучие личности ставит в прямую зависимость от того, имеет ли человек «адекватную» сексуальную жизнь и половую разрядку. При этом, судя по контексту работ В.Райха, человек с нормальной психосексуальной конституцией не способен противостоять «напору» либидо, даже сублимация не гарантирует свободу от невроза, - поэтому, строго говоря, ни о какой свободе воли речь идти не может.

Представители гуманистической психологии в своих концепциях личности провозглашают основополагающим принципом антропоцентризм, стремящийся быть в гармонии с космоцентризмом восточного (пантеистического) типа. Так, в известной работе А.Маслоу «Мотивация и личность» неоднократно упоминается о «даостичности познания», о «даосской объективности», о «даостичном ученом» как о неких идеалах научного познания и жизни в целом [149, с.29-30]. При всем акценте на гуманитарность, автор сводит содержание базовых потребностей (к которым, как известно, он относит, кроме физиологических потребностей, потребность в безопасности, в принадлежности и любви, в признании и в самоактуализации) к инстинктоидным и наследственным

образованиям, заложенным в человека природным, естественным законом. Жизненной задачей «здоровой личности» и основой всей системы мотивации становится удовлетворение основных («базовых») потребностей, а конечной целью – самоактуализация, или, на языке А.Маслоу, «очеловечение» человека, достижение идентичности самому себе [149, с.90-104]. А.Маслоу считает, что человек имеет не только «низшую природу», но и «высшую», потребности которой он стремится удовлетворить так же естественно. Он называет эти потребности «человеческими инстинктами» [149, с.147], он убежден, что «в человеческой природе заложена готовая система конечных целей и ценностей» [149, с.131] и что «организм сам диктует иерархию ценностей» [149, с.155]. Остается неясным, каким образом автор соединяет подобные утверждения с провозглашением свободы как ценности и важнейшего условия самоактуализации (см., например, [149, с.90]).

Другой известный представитель гуманистического направления в психологии - К.Роджерс полагает, что конечной целью личностного роста является обретение «того Я, которое истинно» (С.Кьеркегор), то есть - «быть тем, кем ты действительно являешься» [200, с.167]. Для личности, по его мнению, это означает «скорее быть процессом, ...а не какой-то фиксированной целью» [200, с.176], «обладать текучестью» [200, с.186], уходить «прочь от фасада», от любого «я должен», от «соответствия ожиданиям», от «угождения другим» - к «самоуправлению», к «сложности бытия», к «открытости опыту», к «принятию других» и к «доверию к своему Я» [200, с.171-179]. Быть самим собой – это быть естественным: и добрым и злым, и любящим и ненавидящим, и любопытным и безразличным и т.д. и т.п. К.Роджерс, например, убежден, что человек «может быть своим гневом, если гнев естественно отражает его чувства», что «принимаемый и искренний гнев не несет разрушений» [200, с.182]. Он утверждает, что человек «может испытывать сексуальное влечение и быть им, или своей ленью, или ненавистью, и от этого небо не упадет на землю» [200, с.182]. К.Роджерс разрешает человеку быть *любим*, лишь бы это пошло ему на пользу, полагая, что разные стороны его личности, разные чувства сами займут «соответствующие места в общей гармонии чувств» и, «смешиваясь с прежними чувствами», составят в итоге некий «баланс» [200, с.182]. Хотя автор прямо не упоминает о «даосской объективности», становится очевидно, что его концепция личности вполне вписывается в рамки пантеистического мировоззрения и философии прагматизма.

Г.Оллпорт верно отмечал, что «проблема мотивации является центральной для психологического исследования личности» (цит.по [274, с.44]). Основное место в его теории занимает концепция «черт личности» или «индивидуальных диспозиций» [172, с.45], которые он понимал как «долговременные установки» и как «обобщенные тенденции к действию» [172, с.48-49]. Но, стремясь разработать концепцию целостной (холистичной) личности, он предлагает в качестве метода «системный эклектизм» [172, с.21], то есть – «синтезирование всех правдоподобных теорий» [172, с.17]. Такая логика суммирования частичных истин, на наш взгляд, не позволяет выполнить поставленных Г.Оллпортом задач.

В.Франкл, не принимая психоаналитическую и бихевиористическую концепцию личности, справедливо обращает внимание психологии на «стержневые проблемы» бытия человека – на потребность в обретении смысла жизни как на главную мотивирующую силу. В своем подходе к содержанию смысла В.Франкл сближается со взглядами П.Тиллиха, немецкого теолога-экзистенциалиста, центральной темой которого была попытка обоснования идею такого Бога, который «над Богом теизма», который «по ту сторону Бога» [233., с.131]. Это ведет к деперсонализации Бога и к признанию некоего абстрактного закона бытия, приобщаясь к которому человек получает «мужество быть» (П.Тиллих) несмотря на абсурд бытия человека в мире. Возвещая, вслед за классиками экзистенциализма [211], самотрансцендирование в качестве сущности человека, В.Франкл при этом не признает трансцендентное. Пантеистическая тональность концепции смысла у В.Франкла порождает непоследовательность выводов и даже нравственный релятивизм. С одной стороны, он писал (в опровержение теории мотивации К.Роджерса и А.Маслоу), что человек «лишь в ходе осуществления смысла и реализации ценностей осуществляет и реализует себя. Последнее происходит как следствие, а стремление к нему как к цели делает невозможным ее достижение» [253, с.73]. Другими словами, важен не сам процесс реализации чего-либо в жизни, а содержание того, что реализуется. И это содержание не может быть любым, случайным. В.Франкл акцентирует этот момент: «дело в том, чтобы стремиться всякий раз не к возможному, а к должному» [253, с.70]. Но, с другой стороны, затрагивая тему ценностей, стремление к реализации которых и есть содержание мотива, В.Франкл считает возможным утверждать следующее: «Во времена, когда десять заповедей теряют, по-видимому, свою безусловную значимость (имеются в виду библейские десять заповедей. – Ю.П.), человек более чем когда-либо должен учиться прислушиваться к десяти тысячам заповедей, возникающих в десяти тысячах ситуаций, из которых состоит его жизнь» [253, с.295]. Удивительно, что это утверждение о «десяти тысячах заповедей в десяти тысячах ситуаций» идет вразрез с действительными принципами жизни самого В.Франкла. В его полной драматизма биографии есть эпизод, когда он стоял перед выбором – получить американскую визу и уехать из нацистской Германии, но без отца (ему визу не давали), или остаться и, возможно, погибнуть вместе с отцом. Выбрав последнее, Франкл исполнил свой долг, и этот акт мужественного сыновнего выбора, по его собственному признанию, наполнил его жизнь высшим смыслом. Но в том-то и дело, что он исполнил не какую-то «ситуативную» заповедь, а конкретную, вечную, единственно возможную по отношению к родителям – библейскую заповедь «почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле» (Исход, 20:12). Таким образом, *даже* в концепции В.Франкла мотивированный на поиски смысла человек, по сути, теряет ценностные ориентиры и какие-либо устойчивые критерии оценок.

Ярким представителем гуманистической психологии является современный американский исследователь Р.Эммонс, автор книги «Психология высших устремлений: мотивация и духовность личности» [274]. Р.Эммонс в

целом продолжает линию А.Адлера и утверждает, что «поведение организуется вокруг преследования целей», а цели можно считать «единицами мотивации» [274, с.47-48]. В центре его концепции – устремления человека, то есть то, что человек старается достичь, а не то, что он имеет фактически. Д.А.Леонтьев, редактор и автор предисловия к русскому изданию книги Р.Эммонса, так сформулировал сущность этого подхода: «Скажи мне, к чему ты стремишься, и я скажу тебе, кто ты» [274, с.8]. Среди устремлений автор выделяет высшие – «духовные», которые проявляются, прежде всего, в религиозных чувствах и отношениях. Анализируя результаты проведенных им экспериментов, Р.Эммонс обнаруживает, что духовные стремления положительно коррелируют с высоким уровнем благополучия и отрицательно – с невротизмом и депрессией [274, с. 199-200]. Добавим, что в отличие от А.Маслоу, Р.Эммонс вкладывает в понятие религиозности более выраженный христианский (протестантский) смысл и как никто другой из современных американских психологов (точнее, из доступных российскому читателю) приближается к персонализму русских христианских психологов.

В отношении «загадки о человеке» классический бихевиоризм демонстрирует скрываемый под покровом объективизма агностицизм⁷. Так, в предисловии к изданию 1924 года Дж.Уотсон пишет: «Если бихевиоризм хочет занять когда-либо видное место в науке,...он должен полностью отказаться от понятия «сознание» [241, с.XIV]. Далее, отмечая, что в его работах «читатель не найдет ни разбора вопроса о сознании, ни таких понятий, как ощущение, восприятие, внимание, воля, воображение и т.п., автор утверждает: «Я пришел к выводу, что могу обойтись вполне без этих понятий. Я просто не знаю, что они означают и не верю, чтобы кто-либо мог пользоваться ими с полным пониманием» [241, с.XVII]. Личность определяется Дж.Уотсоном как «совокупность ее реакций», критерием эффективности которых является «приспособляемость к окружающей среде» [241, с.366]. Поведение всегда имеет причину вовне, в особенности ситуации (как «совокупности условий»), хотя человек реагирует на ситуативные раздражители своим особым, индивидуальным образом. Нам представляется, что если психолог исключает из своего понятийного аппарата сознание, волю, воображение и т.п., то он будет решать вопрос о свободе человека в совершенно определенном ключе – либо отрицая ее, либо принципиально умалчивая о ней, что по сути есть одно и то же.

Представители когнитивизма (К.Левин [126], Р.Фрэнкин [254]) также оставляют за скобками проблему свободы воли, а следовательно – и вопрос о подлинных причинах поведения человека. Сильной стороной бихевиоризма и когнитивизма является проработка технологических аспектов процесса мотивации. Слабой – элиминация содержательного компонента мотивационной сферы, недооценка важности социокультурных оснований в понимании мотивации личности.

---

⁷ Бихевиоризм – как яркий пример позитивистской парадигмы – путает объективность с научностью, ошибочно подменяя второе первым.

Особое место в современных исследованиях мотивационных процессов по праву занимают труды представителя третьего поколения немецкой школы гештальтпсихологии Х.Хекхаузена [256]. Его энциклопедическое по охвату и глубине исследование опирается на более чем 1800 источников. Разработанная им «фундаментальная мотивационная модель «ожидаемой ценности» базируется на признании важности и необходимого наличия двух структурных ее элементов: во-первых, «ценности того, что человек хотел бы осуществить» и, во-вторых, «ожидания (воспринимаемой вероятности) того, что это будет достигнуто» [256, с.28]. Рассматривая психологию мотивации подробнее, автор выделяет в ней 3 области: 1) «мотив» («индивидуальные различия ценностных диспозиций»); 2) «мотивация» («детерминанты отдельной мотивационной тенденции») и 3) «волевые процессы» [256, с.30]. «Мотивационных тенденций» обычно есть несколько в единицу времени, и индивид в итоге останавливается на какой-либо одной – «результатирующей», которая еще не означает действие, но непосредственно предшествует ему. При воздействии воли результирующая мотивационная тенденция обретает формы «намерения». Причем Х.Хекхаузен подчеркивает, что намерение не возникает автоматически, здесь необходим «акт внутреннего одобрения», который, в свою очередь, основывается на мыслительном анализе «важнейших аспектов привлекательности (то есть – ценности. – Ю.П.) и реализуемости цели действия» [256, с.43-44]. Далее требуется «контроль над замыслом» (удержание нужного намерения вплоть до начала действия) и «контроль над действием» (управление ходом действия).

Российская психология личности также имеет ряд имен, работавших и работающих в рамках либералистского направления.

С определенными оговорками к ним можно отнести С.Л.Рубинштейна (имея в виду его последнюю работу – «Человек и мир»). Высказывая свое понимание проблемы мотивации, С.Л.Рубинштейн подчеркивает, что «учение о мотивации выступает как конкретизация учения о детерминации» [208, с.92]. Основной вопрос этого учения – соотношение внутренних условий с внешними. Особенность подхода Рубинштейна – в трактовке как этих «внешних условий», так и их связи с внутренним миром человека. В работе «Человек и мир» мир явно шире мира деятельности – в него входят и Природа сама по себе, и эстетические отношения, несводимые к целесообразности и прагматизму деятельности, и этическое отношение человека к другому человеку, что также выводит анализ поведения за рамки сугубо деятельностного подхода. С.Л.Рубинштейн попытался восстановить гуманистический контекст деятельного отношения человека к миру (а в его рамках – и всей системы мотивации), обратившись к категориям Истины, Добра и Красоты. Говоря языком М.Вебера, была сделана попытка возвысить деятельностную методологию от целе-рационального (прагматического) уровня к уровню ценностно-рациональному. В эпицентре своей концепции С.Л.Рубинштейн располагает, по словам К.А.Абульхановой, «личность как субъекта жизни» [2, с.70]. В категориях Б.С.Братуся концепцию С.Л.Рубинштейна можно отнести к просоциальному, гуманистическому уровню, апеллирующему к так называемым общечеловеческим ценностям.

Ярким представителем либералистско-прагматического направления является, на наш взгляд, А.Г.Асмолов. Он развивает идею «неклассической психологии», в которой на смену «логике бинарных оппозиций» приходит «вероятностная логика» или «логика неопределенности» [10]. Истоки «неклассической культуры мышления» связываются Асмоловым с философией Б.Спинозы, то есть с пантеистическим учением, в котором Бог есть Природа, а также с психологией Л.С.Выготского, в которой внешняя, социокультурная деятельность (кристаллизованная в знаково-символической форме) обретает статус самодовлеющей субстанции (этически нейтральной, как и «бог» Спинозы), Творца-Демииурга, порождающего человека как такового (о симпатиях Выготского к Спинозе мы говорили выше). По словам М.С.Гусельцевой (аспирантки А.Г.Асмолова), на смену «классическому идеалу рациональности», рассматривающему мир как иерархизованную систему, приходят «неклассическая» (в психологии – это XX век после так называемого «методологического кризиса») и «постнеклассическая» (конец XX в., начало господства постмодерна), в рамках которых «мир мыслится как система или как *сеть*» [61, с.21-24]. Поскольку внутри сети нет субординации (вертикального упорядочения, деления на высокое – низкое, истинное – ложное), а есть лишь координация, «взаимодополнение», то в рамках этой методологии возможна «парадигмальная толерантность», «духовная неопределенность», «амбивалентность и незавершенность ценности» и др. [61, с.24-25]. Вполне логичным на этом мировоззренческом фоне выглядит стремление построить психологию личности на основе прагматизма и эклектизма, то есть ««синтезирования всех правдоподобных теорий» (Г.Оллпорт [172, с.17]).

А.Г.Асмолов выделяет 3 наиболее распространенных подхода к изучению мотивации (два первых из них критикуя): 1) на основе «принципа стремления к равновесию» (психоанализ, необихевиоризм, когнитивная психология); 2) на основе «принципа стремления к напряжению» (гуманистическая психология); 3) на основе «принципа саморазвития личности» (отечественная психология, к которой автор относит и себя) [10, с.362-363]. Комментируя последний принцип, А.Г.Асмолов указывает на 2 ключевых положения:

1. «Положение о роли борьбы противоположностей, противоречия и гармония этих противоположностей как движущая сила развития личности»;
2. Положение «о существовании источника саморазвития деятельности в самом процессе движения деятельности» [10, с.363].

Таким образом, на первый план выходит пантеистическая идея вечного становления в рамках «борьбы и единства противоположенностей», целью которого является прогресс (бесконечное совершенствование) как таковой. «Саморазвиваясь», личность принимает мир «таким, каков он есть», с его темной и светлой сущностью, прагматически перерабатывая и то, и другое себе на пользу (именно об этом и У.Джеймс, и К.Роджерс, и А.Маслоу и мн.др.).

Ярким примером поиска современной российской психологией «нового синтеза» в меняющемся мире и новых ответов на «вызовы эпохи» представляется нам концепция А.Б.Орлова и В.И.Слободчикова. Так,

провозглашая целью «гуманизацию психологии», А.Б.Орлов соединяет взгляды К.Маркса, К.-Г.Юнга, К.Роджерса, Г.Гурджиева и А.Менегетти [173, с.4], что приводит к синкретическому смешению религии, психологии и околонуточной эзотерики. Движущей силой (мотивом) личностного развития является стремление к реализации потенциала «естественной духовности», имманентно заложенного в природе человека. Социальный фактор может либо способствовать этой реализации, либо препятствовать (и здесь А.Б.Орлов охотно применяет марксово понятие отчуждения человека от своей «родовой сущности», как это ранее делал фрейдомарксизм).

В.И.Слободчиков, выступив соавтором коллективного труда «Начала христианской психологии» (1995 г.), демонстрирует несколько эклектичную методологическую позицию [217]. Позиционируя себя в качестве христианского психолога, автор допускает весьма противоречивые утверждения, касающиеся личности, ее духовности и мотивации. Так, например, по мнению В.И.Слободчикова, «дух есть то, что связывает отдельного индивида...со всем человеческим родом во всей развертке его культурного и исторического бытия», «духовное» есть «производное от исторического взаимодействия и суммирования (!? – Ю.П.) деятельности бесчисленных исторических субъектов, оно представляет собой в высшей степени сложную совокупность конкретных духовных норм и ценностей», а «духовность» - «личная независимость от всего органического (телесного) и неорганического (обыденного) (!? – Ю.П.), свобода от принуждения и давления всего, что относится к «жизни»...» (217, с.123-124). А саморазвитие автор определяет как третий, высший тип «развития субъективности», а именно - «развитие человеком собственной самости» (217, с.132). Очевидно, что каждое из приведенных определений вызывает множество недоуменных вопросов, анализ которых составил бы отдельное исследование. Становится очевидным, что взгляды В.И.Слободчикова на сущность человека сформировались под влиянием пантеистических идей В.С.Соловьева и С.Л.Франка. Именно на последнего ссылается автор, полагая «универсализацию» главной целью, итоговой и высшей ступенью развития «субъективного духа» в человеке [217, с.127]. Под универсализацией понимается «истинное, окончательное освобождение, где даже предельная индивидуальность жертвует своею уникальной единичностью «за други своя» и потому становится причастной бесконечному универсальному Бытию» [217, с.128]. Если имперсоналистичное «универсальное Бытие», или Всеединство по В.С.Соловьеву, поглощает «уникальную единичность», то вопрос о личности и ее свободе воли остается нерешенным⁸.

Значительный интерес представляют работы А.С.Арсеньева, самобытного мыслителя, стоящего несколько в стороне от всех «магистральных линий» развития отечественной психологии, принципиального критика деятельностного подхода, идейного последователя С.Л.Рубинштейна и поклонника гегелевской диалектики [8]. Он понимает человека как «парадоксальное бесконечно-конечное

---

⁸ Нужно отметить, что в более поздних работах В.И.Слободчикова этот пантеистический «флер» был, на наш взгляд, преодолен.

существо» [8, с.82], деятельность которого одновременно детерминируема как причинностью прошлого опыта, так и целепритягательностью будущей жизни [8, с.75-76]. Пространство мотивированного выбора у А.С.Арсеньева включает не только природное (биологическое) и социальное начала, но и духовное, трансцендирующее и биологию, и социальность человека. Такой подход базируется у А.С.Арсеньева на его ясной и оригинально обоснованной философской антропологии. В плане интересующего нас вопроса о связи мотивации с решением проблемы свободы воли следует отметить, что автор открыто провозглашает онтологическую первичность духа, утверждая, что «не человеческий мозг создал человеческую мысль, а наоборот, человеческая мысль – как появившаяся новая функция – создала человеческий мозг и всю морфологию человека» [8, с.554]. А.С.Арсеньев подчеркивает: «Вспышка рефлексии-трансцендирования, приведшая к образованию самосознания, должна была произойти еще даже не в человеческом мозге, чтобы началась уже не биологическая, а собственно человеческая эволюция. Пожалуй, ее можно назвать «сверхбиологической», поскольку *началом, ведущим весь процесс, ... стало именно самосознание*, а биологические факторы заняли подчиненное положение» [курсив наш. - 8, 554]. Это означает, что исходной точкой эволюции человека была не биология и не социальные процессы (последние на самом деле сами есть плоды человеческого разумного бытия), а нечто третье, относящееся в терминологии Арсеньева к Актуальной Бесконечности, то есть к вневременной и внепространственной форме жизни, к «вертикали» бытия, «соприкасающейся со сферой духа» [8, с.550]. Если же дух и самосознание первичны, то потенциально человек обладает свободой преодолевать (трансцендировать) все типы земных («горизонтальных») детерминант. Как видим, эти мысли приближают А.С.Арсеньева к взглядам В.А.Снегирева, В.И.Несмелова и др., но с одной лишь разницей – отсутствует идея Личности Бога, без которой А.С.Арсеньев не может наметить действительный выход из «кризиса Неолита» (суть которого, по его мнению, в углубляющемся отчуждении человека от «актуально-бесконечного» Начала, создавшего Человека, и в порабощении его вещными отношениями), как не может и преодолеть имперсонализм гегельянства.

Свой вариант подхода к тайнам человеческой природы предлагает Д.А.Леонтьев – яркий представитель современной российской гуманистической психологии, директор Московского Института экзистенциальной психологии и жизнетворчества. Сквозной темой его работ является тема свободы и ответственности личности [129, 130, 131, 132]. Рассматривая традиционную для психологии проблему причинности поведения, Д.А.Леонтьев акцентирует свои исследования на понятии самодетерминации и саморегуляции [129]. По его мнению, предельная жизненная цель – это достижение такого уровня личностной зрелости, когда все поступки человек осуществляет сам и одновременно несет полную ответственность за все их последствия. При этом общечеловеческие и культурные ценности, нравственные нормы выступают и контекстом процессов смыслообразования, и тем, по отношению к чему самоопределяется личность, и

опосредованными психикой регуляторами деятельности. По мнению Д.А.Леонтьева эти ценности и нормы «не находятся между собой в иерархических отношениях» [130, с.53]. Например, рассматривая понятие духовности, Д.А.Леонтьев утверждает, что «там, где одна ценность подчиняет себе все другие, ни о какой духовности не может быть и речи» [129]. Д.А.Леонтьев, как Ж.-П.Сартр и В.Франкл, *признавая трансценденцию, не признает трансцендентное*, поэтому у него искомый смысл не может иметь какое-либо универсально-обязательное для всех людей содержание и не может указывать на должное в бытии⁹.

В концепции К.А.Абульхановой, активно апеллирующей к идеям «позднего Рубинштейна», утверждается, что логика познания последних причин поведения ведет не только к преодолению «парциального подхода к отдельным личностным образованиям», но и к выходу за пределы отдельных сфер деятельности – «к изучению жизненного пути личности» [3, с.9]. Личность понимается К.А.Абульхановой прежде всего как «субъект жизненного пути» [3, с.44]. В научно-исследовательский оборот автором вводятся такие понятия, как «жизненная позиция», «жизненная линия», «смысл или концепция жизни». Ключевой категорией, с помощью которой личность выражает и понимание смысла жизни, и направленность своих потребностей, и волю, является категория субъекта [2] и категория активности [3]. «Личность посредством своей активности находит предметы, условия и ситуации удовлетворения потребностей, регулирует отдельные действия и поступки и определенным образом категоризует, моделирует, преобразует действительность» - пишет К.А.Абульханова [3, с.45]. И здесь же добавляет, что «необходимость обращения к понятию активности вызвана тем, что оно шире деятельности, поскольку активность проявляется и в познании, и в общении, и, главное, в жизненном пути в целом...Активность есть функциональное проявление личности в деятельности, которая организуется, упорядочивается и структурируется самим субъектом» [3, с.45-46]. Критикуя слабые места деятельностного подхода, господствовавшего в советской психологии, К.А.Абульханова справедливо отмечает, что в его рамках «деятельность вытеснила своего субъекта и осуществила сама себя через никому не принадлежащую цель, мотив и результат. Постепенно она превратилась в способ объяснения и личности, и психики, и сознания» [2, с.57]. И далее: «мышление, память, воля выступают не как характеристики самой по себе личности, а как ее ресурсы, используемые так или иначе в деятельности, в жизни в целом» [2, с.67-68]. Это значит, что, во-первых, характеристики субъекта невыводимы из простой суммы его психических качеств, они опосредованы стратегическими жизненными параметрами – смыслом, целями, ценностями, интересами субъекта, и что, во-

---

⁹ Поскольку абсолютные, безусловные ценности (ранее обуславливаемые идеей Бога) Д.А.Леонтьев не признает, то отрицается и сфера должного, - человек теперь сам становится творцом ценностей. Как прямо писал об этом Ж.-П.Сартр: «Уж если я ликвидировал Бога-Отца, то должен же кто-нибудь изобретать ценности» [211, с.342].

вторых, будет гораздо продуктивнее пытаться понять деятельность через содержательные характеристики личности, чем наоборот. Следовательно, автор допускает мысль о том, что *личность логически и онтологически первична по отношению к деятельности*, так как сама *деятельность есть функция личности, а не наоборот*.

А.В.Петровский развивает «теорию самопричинности личности» [176, с.277]. Ключевой характеристикой личности выступает субъектность, под которой автор понимает способность человека «быть субъектом самого себя, или, иначе, - причиной себя» [176, с.229]. При этом предполагается, что субъектность формируется и развивается в ситуации неизведанного как вызова, в которой делается предпочтение непредрежденным действиям, то есть свободным и исходящим из самого субъекта. Как и в работах Д.А.Леонтьева, у А.В.Петровского сущностью человека называется способность к самотрансценденции. Акцент на «самопричинности» у А.В.Петровского вполне смыкается с идеей «самоактуализации» Маслоу и Роджерса, и становясь по сути самоцелью, делает человека зависимым от новой формы несвободы – «от заранее установленного своего собственного мерила», как писал Г.С.Батищев [14, с.99].

Выводы по § 1.2.

1. Проблема мотивация деятельности есть часть проблемы психической причинности;

2. Удовлетворительное решение проблемы мотивации деятельности предполагает в качестве необходимого условия религиозное, философское и научное разрешение проблемы свободы воли;

3. В истории человеческой мысли (а в ее рамках – и психологии) мы имеем четыре основных ответа на вопрос об онтологической свободе личности, зафиксированных в (а) спиритуализме, (б) материализме, (в) пантеизме и (г) христианском персонализме;

4. В христианской психологии личности онтологическая свобода имманентна человеку, о чем свидетельствует творческая свобода самосознания по отношению к «датам сознания» (В.И.Несмелов). Это означает, что начало личности логически и онтологически предшествует и сознанию, и деятельности. Данная точка зрения возможна лишь на основе принятия креационистской теории происхождения человека «по образу и подобию Божьему». Мотивация поступков человека в христианской психологии включает три основных детерминанты: биологию, социальность и духовность (истоки последней - сверхбиологичны и сверхсоциальны);

5. В марксистской психологии личности внешняя, «чувственно-практическая» деятельность первична и определяющая по отношению к сознанию и личности (А.Н.Леонтьев). Личность есть «совокупность общественных отношений» (К.Маркс), ее предельный горизонт и всеобщий источник всех духовных богатств – социум. Деятельность обретает статус субстанции, преобразующей Натуру в Культуру, превращающей обезьяну в разумного и

свободного человека. Согласно марксистскому подходу, именно в деятельности человек трансцендирует и свою натуральность, и свою социальность, то есть обретает свободу. Таким образом, мотивация рассматривается марксизмом в рамках двух детерминант – биологии и социальности;

6. Либералистская психология личности провозглашает радикальную свободу индивида – и от Бога, и от общества и, в отдельных случаях, даже от собственной биологической сущности (напр., обоснование эвтаназии «правом человека на свою жизнь»). Всеобщей философской базой либерализма выступает прагматизм в различных ипостасях – от фрейдизма до экзистенциальной психологии. Мотивационная сфера центрирована на «самопричинности», «самотрансценденции», «самореализации», «самоактуализации». Свобода от какой-либо заданной извне меры оборачивается «своецентризмом», несвободой от «заранее установленного своего собственного мерила» (Г.С.Батищев), что не позволяет либералистской психологии удовлетворительно разрешить поставленные задачи.

1.3. Понятие ценности и ее связь с мотивацией деятельности

Ценность, как любое другое многозначное и междисциплинарное научное понятие, по-разному интерпретируются в работах разных исследователей. Традиционное определение представлено в пятитомной «Философской энциклопедии»: «Ценность – философское и социологическое понятие, обозначающее, во-первых, положительную или отрицательную значимость какого-либо объекта, в отличие от его экзистенциальных или качественных характеристик (предметные ценности), во-вторых, нормативную, предписательно-оценочную сторону явлений общественного сознания (субъективные ценности)» [247, с.462]. В частных разработках отдельных философов ценность понимается и как «идеальное отношение субъекта интереса к объекту с точки зрения значения последнего для субъекта» (О.Г.Дробницкий), и как «обобщение устойчивых представлений о предпочитаемых благах и приемлемых способах их получения» (В.Сагатовский), и как «предельное основание актов сознания и поведения людей» (Н.Розов), и как «все, что благотворно значимо для людей» (А.А.Макейчик), и как то, «чем следует жить и за что следует умереть» (И.Ильин) и мн.др.

Можно выделить и то общее, универсальное, что объединяет многочисленные определения понятия ценности. В социокультурном аспекте ценность – это некая мера, с которой человек соотносит свою жизнь, все ее отдельные эпизоды и явления в горизонте от рождения до смерти. В социально-философском аспекте ценность есть «субъект-объектное *отношение*», связанное с оцениванием явлений и предметов на основе критериев, соотносимых с содержанием социальных ценностей и идеалов конкретного общества [96, с.64-67]. Психологическая специфика ценностей заключается в том, что они являются составной частью содержания и механизмов мотивационной сферы личности, соотносятся со всеми компонентами последней (потребностями, интересами,

установками) и выступают основанием выбора конкретного действия в структуре волевого акта.

Часть исследователей делят ценности на положительные и отрицательные (Н.Лосский, М.Шелер), другая часть считают словосочетание «отрицательная ценность» «насилием над языком» и вводят понятие «неценность» (В.Тугаринов).

Важное место в аксиологических разработках занимают попытки соотнесения понятия ценности со связанными с ним или смежными по смыслу понятиями потребности, цели, идеала, пользы, интереса, оценки, установки [96, 228, 54, 72, 260, 81, 281, 146]. Отметим, что вариантов различения между собой этих структурных единиц мотивационной сферы достаточно много, и провести четкую границу между ними достаточно сложно (В.К.Вилюнас даже утверждает – на наш взгляд, не без оснований, - что в попытках наполнить категории «потребность», «мотив» и т.п. конкретным содержанием «неизбежен элемент произвольности») [42, с.6]. При этом по-прежнему появляются весьма плодотворные разработки, цель которых – классификация ценностей по определенным основаниям (например, [117, 207]).

Весьма примечателен тот факт, что процессы формирования психологии как самостоятельной науки и зарождения новой отрасли философского знания – философии ценности, аксиологии (от греч. *axiōs* – ценный) - практически совпали по времени. Именно во второй половине XIX века появляются труды Р.Г.Лотце, Ф.Брентано, Ф.Ницше и ряда других европейских мыслителей, с именами которых по праву связывают разработки первых теорий ценности [117, 143]. И именно на рубеже XIX и XX веков, почти одновременно с З.Фрейдом, У.Джеймсом и М.Вертгеймером, складывается классическая философия ценностей, творцами которой были М.Шелер, Э.Гартман, В.Виндельбанд, Г.Риккерт и Г.Мюнстенберг [146]. Следует отметить также, что в европейских языках слова *Wert* (нем.), *valeur* (франц.) и *value* (англ.) означают одновременно и «ценность» в смысле достоинства, значимости, и «стоимость» в смысле цены в меновых товарных отношениях, тогда как в богатом русском языке для этих двух значений предусмотрено два отдельных слова [96].

С самого начала было очевидно, что ценности предельно антропоцентричны, что вне человека о них говорить бессмысленно: только человек имеет способность оценивать явления или предметы мира, только человек нуждается в таком оценивании [146]. Особенностью ценностей является и то, что они относятся к сфере осознанной целесообразной деятельности гораздо в большей степени, чем иные компоненты мотивационной сферы личности (например, потребности и установки [184, 225]). Однако выделение аксиологии в отдельную науку не означает, что до этого философия была внеценностной. По справедливому замечанию А.А.Макейчика, «не было, нет и не может быть аксиологически нейтральной философии» [146, с.5]. Тем более, невозможно представить ценностно нейтральное религиозное учение. Все, чем живет человек, любое его действие так или иначе связано со сферой ценностей, или «аксиосферой» (С.Каган) [96, с.10]. При этом, как показывают некоторые

исследования, ценностное отношение является универсальным и всепроникающим не только в сфере практической жизни человека, но и в сфере познания. Так, в работе одного из представителей известной в советское время грузинской школы философии Д.К.Бечвая обосновывается точка зрения, согласно которой «оценочное суждение входит в любое суждение вообще» [20, с.25], и поскольку «единственной формой выражения ценности является оценка» [20, с.21], то любой акт познания всегда будет связан с ценностным суждением. Так как мы не можем познавать, не оценивая, то именно ценность и будет значением предмета для субъекта. Другими словами, сама природа познания – ценностна. Поэтому в трудах Платона, Аристотеля, И.Канта, Г.Риккерта проблематика ценности как бы растворялась в гносеологии. Прообразом понятия ценности, по мнению Д.К.Бечвая, могут быть названы и «идея» Платона, и «форма» Аристотеля, и «долг» И.Канта [20].

Мы полагаем, что обостренный интерес именно в конце XIX века к тому, что ценно, дорого для человека, не является простым результатом развития научной мысли, а свидетельствует, скорее, о серьезном кризисе европейской культуры в понимании этого ценного и дорогого, является, по сути, попыткой преодолеть метафизическое сомнение в незыблемости тех ценностей, которые ранее освящались традицией, и прежде всего – христианской. В отдельных случаях утверждение ценностноцентрированной философии и онтологии проходило на антихристианских позициях (Ф.Ницше).

За полтора столетия западно-европейская мысль выработала достаточно много самых разнообразных аксиологических теорий. Среди них Н.О.Лосский выделяет две основных группы: в первую входят концепции, выстроенные с позиций объективизма (М.Шелер, Н.Гартман), во вторую – субъективистские концепции (И.Э.Гейде, Х.Эренфельс) [142]. В.В.Крюков и М.П.Данилкова предлагают классифицировать аксиологические разработки по следующим направлениям: «натуралистический психологизм» (Р.Перри), «аксиологический трансцендентализм» (И.Кант, Г.Риккерт и В.Виндельбанд), «онтологический персонализм» (М.Шелер), «социологические концепции ценностей» (М.Вебер, Э.Дюркгейм, Ф.Знанецки), «культурно-исторический релятивизм» (В.Дильтей, П.Сорокин, А.Тойнби, О.Шпенглер) [117]. Несколько иной подход представлен у В.П.Тугаринова. Он выделяет субъективистские концепции (в которых ценности не являются объективно сущими и есть лишь содержание нашего субъективного опыта), позитивистские (отрицающие ценностный подход вообще как антинаучный), логическо-объективистские (ценности не имеют «экзистенциального статуса», а есть лишь конструкции логического разума) и теистические, или объективно-идеалистические (ценности представляют идеалы и нормы сверхопытной, сверхъестественной реальности) [239, с.11].

Особая ситуация с развитием философии ценностей складывалась в России. Как указывает М.С.Каган, русская философия (досоветского периода) «не знает теории ценности, поскольку признает только одну подлинную

ценность – Божественную»¹⁰. М.С.Каган и многие другие авторы (см. [210, 115, 162, 54, 150]) исходят из презумпции множественности и равнозначности ценностей, которые должны приниматься человеком и культурой по принципу дополнительности. Возведение какой-либо ценности на вершину пирамиды, ее «абсолютизация» объявляется «редукцией», - так, например, М.С.Каган считает, что в русской мысли и жизни вообще нередко происходила «абсолютизация относительного»: у В.Соловьева, С.Франка, И.Ильина – все поглощено Богом, у Л.Толстого – этикой, у В.Ленина – политикой, у А.Луначарского – эстетикой [96, с.30-32]. Действительно, отдельная от христианской антропологии философия ценности в дореволюционной России не развивалась (известный труд Н.О.Лосского «Ценность и бытие» появился в эмиграции в 1931 году, к этому же периоду относятся и основные труды И.А.Ильина, в которых центральное место занимали такие базовые ценности культуры, как вера, любовь, истина, свобода, совесть, семья, Родина (см., напр.[93]). Но при этом традиционная аксиологическая тематика всегда была достаточно подробно представлена в таких разделах философии, как метафизика, этика, эстетика, политика и т.п. Также и психология косвенно разрабатывала концепцию ценностей, исследуя моральные чувства и волевые акты [166, 216].

В советский период истории России можно выделить два основных этапа в развитии теории ценности. На первом этапе (с 1917 по начало 60-х г.г.) считалось, что марксизм не нуждается в отдельной теории ценности (и в этой тоталистской самоуверенности явно просматривается претензия марксизма на статус «новой религии»), а аксиология объявлялась «буржуазной наукой» со всеми вытекающими из этой оценки последствиями. Провозглашалась борьба с западными концепциями ценности с целью развенчать идею абсолютных, вневременных ценностей и обосновать идею «конкретно-исторической» обусловленности ценностей, то есть – их изменчивости, преходящести, доказав тем самым необходимость и закономерность революционных преобразований. На втором этапе (60-80 г.г.) стратегия и тактика усложнилась: задача идеологической критики «буржуазных» теорий ценностей оставалась, но прибавилась новая - создание собственной концепции ценностей, причем абсолютных, несомненных, неизменных, «объективно-исторических». Об этом достаточно ясно и убедительно сказано у В.П.Тугаринова [239, с.6-10]. Не случайно, что именно на втором этапе происходит всплеск научных разработок в области содержания и структуры *убеждений*, поскольку убеждения прямо коррелируют с верой в истинность того, что человек считает важным и дорогим [147, 164]. Усилилось внимание и теме долга – так, например, в работах крупного советского философа О.Г.Дробницкого доказывалось, что именно долг определяет ценность, а не наоборот («форма долженствования является наиболее

---

¹⁰ На наш взгляд, не вполне корректное по форме и содержанию утверждение: этой подлинной ценностью признавался Сам Бог, а не что-либо производное от Него (например, ценность).

обобщающим способом...оправдания или критики тех или иных пониманий блага, ценностей» [72, с.13].

По мнению Н.О.Лосского, наличие большого количества самых разных - и иногда даже противоположенных - теорий ценности объясняется «вездесущим ценностным моментом», тем, что «ценность есть нечто всепроникающее, определяющее смысл и всего мира в целом, и каждой личности, и каждого события, и каждого поступка» [142, с.250]. А.А.Макейчик полагает, что наличие разных концепций ценностей связано с тем, что реальные ценности все время меняются вместе с динамикой «объективных потребностей и субъективных интересов людей» [146, с.56]. Согласно Ф.Ю.Гогоберидзе, ценность невозможно определить однозначно, поскольку человек, его потребности и интересы «многомерны» [54]. Е.Ю.Кривошеина ссылается на «историчность ценностей», то есть на конкретно-исторические условия их происхождения и, следовательно, на неизбежность их трансформации при изменении «исторических условий» [115]. Подобная логика прослеживается и в фундаментальном труде М.С.Кагана «Философская теория ценности»: он полагает, что поскольку «мир многомерен», то нельзя вывести какой-то единый для всех явлений ценностный критерий и судить, например, политика с позиции моральных ценностей, художника – с позиций религиозных ценностей и т.д. [96, с.84]. В целом, автор указывает на *объективность* социокультурного перехода «от традиционной культуры с ее стабильными принципами, освященными авторитетом мифа (под мифом автор подразумевает и все формы религиозного сознания – Ю.П.) и воспринимавшимися поэтому *не как ценности, а как объективные законы бытия*, к культуре личностно-креативной, динамичной и инновационной, ценностное обеспечение которой воспринималось уже не как раз и навсегда данное, божественное по своему происхождению, а как *человеческое, формирующееся в культуре и потому изменчивое...*» (курсив автора. – [96, с.13]). М.С.Каган в этом тезисе зафиксировал сущность действительного перехода европейской культуры в сфере религиозно-нравственного сознания: ценности стало возможно мыслить в отрыве от «объективных законов бытия» (то есть должного бытия). Ценным могло теперь стать то, что противоречит должному бытию, а должное в бытии могло стать неценным. Более того – само несовпадение первого и второго, судя по логике М.С.Кагана, становится нормой, и только благодаря появившемуся «зазору» между человеческим (субъективным) пониманием ценности и объективно-должным содержанием бытия появляется аксиология как особая теория ценности.

Спор об изменчивости системы ценностей есть часть более теоретизированной дискуссии о возможности или невозможности абсолютных (неизменных, «вечных») ценностей. Ряд авторов признают логическую и онтологическую необходимость существования абсолютных ценностей. Данная точка зрения соответствует *христианской* картине мира. Яснее и последовательнее всех эту позицию отстаивает Н.О.Лосский [142]. Для начала он разводит понятие «абстрактного» и «конкретного» бытия: первое всегда есть положительная ценность в сравнении с небытием (то есть, любое бытие ценнее

любого небытия), второе бытие («взятое в системе мира», т.е. в связях с другим бытием) может иметь как положительную ценность, так и отрицательную. Критерий ценности «конкретного бытия» - степень причастности к абсолютной полноте бытия Бога. В Боге нет разделения на ценность и бытие – любой аспект Его бытия есть безусловное благо, но в конкретной жизни земного человека это разделение неизбежно, - человек несовершенен и в его бытии положительные ценности присутствуют лишь частично. Другими словами, разрыв между ценностью и бытием существует, но он не есть норма (как это косвенно является у М.С.Кагана) и он преодолевается человеком по мере движения к Царству Божию. Таким образом, абсолютная ценность, воплощенная в Боге, не только объективно существует, но и должна быть, поскольку она есть условие существования и критерий ценности всех частичных форм бытия, к каковым относится и бытие человека. «Ценности существуют не иначе, как в соотношении с абсолютной полнотой бытия, которая...есть абсолютная самоценность, содержащая в себе совпадение бытия и ценности» - делает вывод Н.О.Лосский [142, с.277]. Следовательно, только Бог не нуждается во внешнем оправдании Своего бытия, а любой другой субъект должен его иметь.

Схожую постановку вопроса мы найдем у некоторых современных российских авторов. Например, Н.П.Медведев полагает, что «действительным вопросом и задачей аксиологии является обоснование системы высших ценностей как совокупности норм и идеалов, в соотношении с которыми познается ценность каждого конкретного явления» [150, с.16]. Отличие же от позиции Н.О.Лосского в том, что для Н.П.Медведева «высшей ценностью является сам человек», который и представляет собой «всеобщий критерий для оценки всей действительности» [150, с.16]. Абсолютность и объективность ценностей отстаивает (тоже с иных позиций, нежели Н.О.Лосский) Н.А.Бенедиктов в своей работе «Русские святыни», в которой он пишет: «фактически ценности объективны и абсолютны, но даны человеку в относительном, неполном виде» [16, с.36]. По мнению Н.Б.Черемина, «верховная ценность обладает особым онтологическим статусом, независимым от человека и человеческой деятельности» [257, с.13].

Другой подход – признание относительности ценностей. Если мы осуществим обзор основных направлений в истории аксиологии, то обнаружим, что основаниями для утверждения данного положения могут быть две фундаментальные идеи: первая – «объективно-историческая» детерминация ценностей (*марксизм*) и вторая – «объективно-антропологическая» детерминация (*либерализм*).

Согласно марксистской доктрине (как уже указывалось выше) система ценностей коррелирует не с абсолютным сверхопытным бытием Бога, а с конкретно-исторической фазой в развитии общества, поэтому ценности при феодализме будут иными, чем при капитализме, при капитализме – иными, чем при социализме и т.д. При этом усилия советских философов после 60-х годов по созданию развернутой концепции абсолютных (несомненных, неизменных) коммунистических ценностей не меняют сути дела: даже эти универсальные,

«общечеловеческие» ценности (свободы, равенства, братства, справедливости и т.п.) были в конечном итоге «увязаны» с идеей социального прогресса, то есть - с постоянными изменениями. «Марксизм считает ценностями лишь такие явления, которые ведут к прогрессу или выражают прогресс» - пишет В.П.Тугаринов [239, с.4]. Прогресс – объективен, коммунизм – неизбежен – в этом виделись основания незыблемости ценностей «коммунистического образа жизни». Но прогресс понимался как бесконечное движение к совершенству, в его рамках все относительно, абсолютны лишь вечные перемены, пусть даже это перемены к лучшему. Поэтому, фундируя ценности в идее прогресса, классики марксизма неизбежно вводили в их «абсолютность» опасную «дозу» относительности (которую они планировали обезвреживать искусством «диалектического мышления»).

XX век серьезно пошатнул веру человека в революции, в социальный прогресс и в действенность объективных законов истории. Основанием и одновременно критерием ценностей перестает быть абсолютный Бог (как в христианстве) и незыблемые природно-исторические закономерности (как в марксизме) – ими становится сам человек, его «естественная природа», его «естественные права и свободы», его представления и вкусы. Аксиология антропологизируется, а вся сфера познания, чувствования и волевого действия – аксиологизируется. Либерализм центральной ценностью провозгласил свободного индивида, а там, где свобода – там выбор между множеством возможных вариантов действий, а где выбор – там основания выбора и проблема мотивации действия. А система ценностей – по обоснованному мнению ряда исследователей - является составной частью мотивационной сферы личности [184, 255, 228, 54, 281].

По мнению И.П.Поляковой, «мотивы всегда соотносятся с ценностями личности», и более того – «ценности и ценностные ориентации...занимают доминирующее место в структуре мотивации» [184, с.16]. А.Г.Здравомыслов утверждает, что потребности, интересы и ценности являются «важнейшими стимулами человеческой деятельности» [81, с.3].

На связь мотивации и ценностного отношения указывал в своих трудах В.К.Вилюнас, используя понятие пристрастности. В мотивации, утверждал он, «выражается пристрастное отношение субъекта ко всему, что в некоторый момент им отражается» [42, с.40]. А эта пристрастность немислима без оценочного отношения ко всему, что, так или иначе, входит в состав деятельности субъекта и шире – в круг его жизни. Эту точку зрения подтверждал и Б.И.Додонов, который считал, что «эмоции и мышление имеют одни истоки и тесно переплетаются» и что эмоции не только отражают, не только оценивают явления действительности, но и «функционально и энергетически подготавливают организм к поведению, адекватному этой оценке» [70, с.37]. При этом, согласно утверждениям В.А.Ядова, ценности естественным образом группируются на ценности-цели и ценности-средства [224, с.96-99]. Данная точка зрения перекликается с концепцией М.Рокича, разделявшего ценности на «терминальные» (конечные, предельные) и «инструментальные». Терминальные

ценности М.Рокич определяет как убеждения в том, что какая-то конечная цель индивидуального существования (например, счастливая семейная жизнь, мир во всем мире) о личной и общественной точек зрения стоит того, чтобы к ней стремиться; инструментальные ценности - как убеждения в том, что какой-то образ действий (например, честность, рационализм) является с личной и общественной точек зрения предпочтительным в любых ситуациях [190].

М.Рокич рассматривает ценность как разновидность убеждений, определяя ее как "...устойчивое убеждение в том, что определенный способ поведения или конечная цель существования предпочтительнее с личной или социальной точек зрения, чем противоположный или обратный способ поведения, либо конечная цель существования" (цит.по [190, с.149]). По его мнению, человеческие ценности характеризуются следующими основными признаками:

1. Общее число ценностей, являющихся достоинством человека, сравнительно невелико;
2. Все люди обладают одними и теми же ценностями, хотя и в различной степени;
3. Ценности организованы в системы;
4. Истоки человеческих ценностей прослеживаются в культуре, обществе и его институтах;
5. Влияние ценностей прослеживается практически во всех социальных феноменах, заслуживающих изучения.

Полагая ценности в основание как общих жизненных устремлений, так и выбора конкретных, инструментальных способов достижения целей, М.Рокич ясно обозначил неразрывную связь системы ценностей и мотивации личности.

В совместной работе А.В.Петровского и М.Г.Ярошевского прямо утверждается, что «спрашивая, каковы ценности этого человека, мы задаемся вопросом о сокровенных мотивах его поведения» [176, с.19]. Но ценность – это не просто мотив, а мотив, занимаемый определенное место в системе самоотношений субъекта, то есть «включенный индивидом в образ себя». Для превращения мотива в ценность, продолжают авторы, «индивид должен осуществить определенное действие (ценностное самоопределение). Результатом этого действия является не только *образ* мотива (в мышлении. – Ю.П.), но и *переживание* данного мотива в качестве важной и неотъемлемой «части» самого себя (то есть – как ценности. – Ю.П.)» [176, с.20].

Рассматривая проблему связи ценности и мотивации, нельзя обойти стороной концепцию Х.Хекхаузена [256]. Его концептуальная модель мотивации так и называется «моделью «ожидаемой ценности» [256, с.23], а мотивы трактуются как «ценностные диспозиции» [256, с.26]. Так или иначе, согласно Х.Хекхаузену, человек действует в расчете (в ожидании) достичь определенные цели, обладающие для него ценностью, какой бы по содержанию она ни была. И в борьбе мотивов побеждает всегда тот, который обладает более выраженной субъективной значимостью, ценностью для индивида в данной ситуации.

Понятие «валентности» в теории поля К.Левина также может быть принято во внимание при рассмотрении проблемы соотнесения ценностей и мотивации. «Привлекательность для человека...деятельности, социальной позиции, объекта или любой другой возможной цели» есть его «положительная валентность» [126, с.282]. Выбор поведения, по К.Левину, есть выбор между двумя валентностями, то есть двумя «зарядами привлекательности» разной направленности или мощности [126, с.286]. Привлекательность же может быть понята как желаемая ценность.

До того, как понятие ценности было «легализовано» в советской науке, психологические аспекты ценностных ориентаций разрабатывались в рамках понятия «направленность личности». В трудах классиков отечественной психологии – С.Л.Рубинштейна [207], А.Н.Леонтьева [127], Б.Г.Ананьева [7] и других – было показано, что «потребности, интересы, идеалы составляют различные стороны или моменты многообразной и вместе с тем в известном смысле единой направленности личности, которая выступает в качестве мотивации ее деятельности» [207, с.120]. В терминологии школы Д.Н.Узнадзе речь идет о «социальной установке» [240], в терминологии школы В.А.Ядова – о «системе предрасположенностей, или диспозиций личности к разным способам активности в различных сферах деятельности» [224, с. 95].

Согласно В.В.Сусленко (последовательницы школы Д.Н.Узнадзе), в мотивационную сферу личности входят, наряду с потребностями, установками и «внутренней позицией» (или личностными смыслами, по Б.С.Братусю), также и ценностные ориентации [228]. Поведение может быть импульсивным, ситуативным – и тогда в рамках рефлекторных механизмов формируется установка на определенный тип реакции в определенных условиях внешней среды. Но поведение человека отличается и осознанным характером, что проявляется в волевом поведении и возможно благодаря «способности объективации» (то есть актам мышления и рефлексии) [240]. В.В.Сусленко полагает, что возникновение мотива относится ко второй подсистеме, то есть мотив есть акт воли. Импульсивное поведение, направленное на удовлетворение актуальной потребности, может вступать в противоречие с иными потребностями личности – тогда делается пауза («объективация») для *выбора* наиболее целесообразного варианта действия, - важнейшим фактором акта выбора и выступают ценностные ориентации. «Ценность есть отраженный в сознании объект, выполняющий роль ориентира» [228, с.9]. Здесь необходим небольшой комментарий. Объективация рассматривается Д.Н.Узнадзе как один из механизмов развития мышления, речи, способности к рефлексии [240]. Все содержание сознательных компонентов деятельности (рациональные представления о целях и средствах, о ценностях, нормах, об идеально-желательных формах бытия) исходит из способности человека к объективации. Но хотя акт объективации, по мнению Узнадзе, онтологически вторичен по отношению к установке (что соответствовало общеметодологическому принципу марксизма), он утверждал возможность диалектического превращения объективации в установку, а, следовательно, и превращения зафиксированных в

акте объективации целей, норм, ценностей и идеалов в первичные факторы мотивации. Таким образом, установка воплощается в действие при непосредственном участии ценностных ориентиров, - человек выбирает из нескольких вариантов самый действенный, эффективный, то есть, другими словами, самый ценный для него в данный момент, основываясь на своем представлении ценности того или иного способа действия в ситуации.

Отметим, что ценности относятся преимущественно к сфере осознанных действий, они формулируются в фазе объективации, то есть в мыслительном акте, хотя зачастую рациональное их обоснование на словах не совпадает с реальными поступками [101, 5]. Роль и место ценностей наиболее ясно раскрывается в ситуации конфликта различных мотивов, требующего *выбора оптимального способа действия*. По утверждению В.А.Снегирева, возможны три основных «класса случаев» столкновения мотивов: 1) при участии (относительном преобладании) мотива удовольствия; 2) при участии мотива пользы; 3) при участии мотива долга, или нравственного мотива [219, с.672-688]. Именно в противоречиях третьего типа мы и наблюдаем собственно *оценку* всех предыдущих мотивов с точки зрения «конечной цели и смысла всей человеческой жизни» [219, с.672]. А как верно отмечал В.А.Снегирев, «безразличных в нравственном отношении сознательных действий нет» [219, с.688], - следовательно, ценностное отношение всегда будет иметь нравственное измерение и всегда будет соотноситься с категорией должного бытия. Советская философия и психология в качестве подтверждения этого положения выводила (поднимала) проблему ценностного отношения в сферу идеала, морали и идеи долга [72, 210, 167, 147]. Христианская мысль прямо ставила ценностные отношения и суждения в зависимость от их соответствия или несоответствия абсолютной полноте и совершенству Царства Божьего и Личности Иисуса Христа [142, 166, 219]. Что же касается современных либералистских концепций ценности, то связь последних с идеалом и сферой должного выражена значительно слабее, чем в христианстве и марксизме. Ситуация с ценностями в современном либеральном мире (прежде всего речь идет о США и Западной Европе) описывается Ж.Бодрийяром как «вирусная стадия диффузии ценностей» [22, с.10]. То есть такая стадия, когда невозможно «провести расчеты в терминах прекрасного или безобразного, истинного или ложного, доброго или злого», когда «добро не располагается более по ту сторону зла» и когда «ничто не имеет определенного положения в системе абсцисс и ординат» [22, с.11]. Это состояние распада ценностной сферы отражается в трудах наиболее известных представителей западной психологии (З.Фрейд, К.Г.Юнг, К.Роджерс, А.Маслоу, В.Франкл и мн.др.). Ценностный релятивизм имплицитно представлен и в бихевиоризме, поскольку в нем ценностная проблематика принципиально вынесена за скобки [281].

Выводы по § 1.3

1. В социокультурном аспекте ценность - это некая мера, с которой человек соотносит свою жизнь, все ее отдельные эпизоды и явления в горизонте от рождения до смерти;
2. В социально-философском аспекте ценность есть «субъект-объектное *отношение*», связанное с оцениванием явлений и предметов на основе критериев, соотносимых с содержанием социальных ценностей и идеалов конкретного общества;
3. Психологическая специфика ценностей заключается в том, что они являются составной частью содержания и механизмов мотивационной сферы личности, соотносятся со всеми компонентами последней (потребностями, интересами, установками) и выступают основанием выбора конкретного действия в структуре волевого акта;
4. Основанием и одновременно критерием ценностей в христианской картине мира является абсолютный Бог, в марксизме - незыблемые природно-исторические закономерности, в либерализме - сам человек, его «естественная природа», его «естественные права и свободы», его представления и вкусы;
5. Анализ взглядов самых разных психологов на связь мотивации и ценностей показывает, что принципиального расхождения в этом вопросе не существует. Все сходятся во мнении, что эта связь – универсальна и необходимо присутствует независимо от содержания ценностей. Какими бы ни были ценности, они выступают важнейшим фактором и одновременно условием формирования мотива;
6. Ценности имплицитно присутствуют в структуре и содержании мотивации как «пристрастность» (В.К.Виллюнас), как «важнейшие стимулы деятельности» (А.Г.Здравомыслов), как «сокровенные мотивы» (А.В.Петровский, М.Г.Ярошевский), как гносеологические универсалии (Д.К.Бечвая), как «социальные установки» (Д.Н.Узнадзе);
7. Роль и место ценностей наиболее ясно раскрывается в ситуации конфликта различных мотивов, требующего выбора оптимального способа действия;
8. Ценностные ориентации относятся преимущественно к сфере осознанных действий, они формулируются в фазе объективации, то есть в мыслительном акте. И поскольку «безразличных в нравственном отношении сознательных действий нет» (В.А.Снегирев), то, следовательно, ценностное отношение всегда будет иметь нравственное измерение и всегда будет соотноситься с категорией должного бытия.

1.4. Ценностные основания и психологические особенности мотивации труда в русской культуре

Когда мы говорим о культуре в целом, то заведомо подразумеваем ее носителей, конкретных людей и их общности. Но если в отношении индивидуального субъекта как носителя определенной культуры различные

науки достигли известного согласия, то вопрос о «коллективном субъекте» (А.В.Брушлинский), то есть – о социальной, этнической или иной группе – остается дискуссионным. С другой стороны, исследования этой темы к настоящему времени усилиями специалистов социальной психологии, культурной антропологии, этнографии, исторической психологии и ряда других наук опровергли тезис о «ненаучности» таких понятий, как «менталитет» и «национальный характер» и в целом вышли на высокий качественный и количественный уровень. Мы считаем возможным употреблять оба термина, так как они взаимодополняют друг друга. «Национальный характер» подразумевает в большей степени явления душевные, основанные на *переживаниях*, а «менталитет» – умственные, основанные на *представлениях* (англ. mental переводится обычно, по первому значению, как «умственный», «мысленный» [159]). Менталитет – это манера понимания мира, а национальный характер – это, скорее, манера отреагирования и действия. В системе координат *исторической психологии* со стороны психологии феномен коллективной субъектности будет открываться как «национальный характер», а со стороны истории – как «менталитет».

Тема «коллективного субъекта» – это известная ранее тема «национального характера» (Н.О.Лосский, Н.А.Бердяев и др.), «психологии народов» (В.Вундт), «менталитета» (М.Блок, Л.Февр) [245].

Важность проблемы определения содержательных характеристик конкретного коллективного субъекта с точки зрения задач психологии личности в том, что, по нашему мнению, становление личности невозможно без развития чувства общности с культурой своего народа, без укоренения индивидуального духа в национальном духе. Индивидуальный субъект не есть безликий механический элемент коллективного субъекта (в таком понимании их связи – главный недостаток советской идеологии), но, в то же время, он неполноценен в отрыве от национальной почвы (в этой индифферентности к национальной культуре – слабое место либерализма).

В современной психологии сформировалось особое направление – историческая психология, изучающая «психологический склад отдельных исторических эпох, а также изменения психики и личности человека в истории» [268, с.15]. В отечественной психологии это направление представлено, прежде всего, именами В.А.Шкуратова [268], Е.Ю.Бобровой [21], а также рядом других (например, [183, 107, 116, 11]). Предметом исторической психологии, таким образом, одновременно выступает и психология «коллективного субъекта» (являющегося субстратом «психологии эпохи»), и индивидуальная «психология, сложившаяся как результат и одновременно регулятор реального способа жизни, найденного личностью в данной совокупности социальных условий и обстоятельств» [204, с.9].

Методологическое обоснование психологии коллективного субъекта представлено в трудах А.В.Брушлинского [34], а также ведущих сотрудников Института психологии РАН – К.А.Абульхановой, М.И.Воловиковой и др. [203, 204]. По мнению А.В.Брушлинского, потенциально «субъектом может быть

общность любого масштаба, включая все человечество» [34, с.14]. Но не всякая общность людей может стать коллективным субъектом, обладающим определенным набором психологических характеристик. Главным условием, при котором «группу людей можно и нужно...квалифицировать в качестве субъекта» - это «совпадение у членов группы определенных целей, интересов и т.д.» [203, с.42]. Конкретизируя данное положение, А.Л.Журавлев выделяет 3 главных свойства, делающих общность людей коллективным субъектом:

1. «Взаимосвязь и взаимозависимость индивидов в группе» [75, с.60]. При этом принципиально важным является а) степень сплоченности и б) содержание тех интересов и ценностей, вокруг которых сплачиваются представители данной группы;

2. «Качество (способность) группы проявлять различные формы совместной активности» [75, с.61]. Иными словами – способность действовать на основе тех связей и ценностей, о которых говорится в первом пункте;

3. «Качество (способность) группы к рефлексии, в результате которой формируется чувство «Мы» и образ-Мы» [75, с.63]. То есть речь идет о психологическом переживании принадлежности к группе и о формировании представления о группе и ее оценке.

Выделенные в теоретическом анализе три основных признака субъектности группы (взаимосвязанность, совместная активность и саморефлексивность) могут рассматриваться и как параметры, по которым можно изучать конкретные коллективные субъекты. Далее автор отмечает, что возможны и разные уровни развития (выраженности) коллективной субъектности: «потенциальная субъектность» на основе простой связанности членов группы (без совместной деятельности и без саморефлексии), субъектность на основе взаимосвязанности и активности, но без саморефлексии, и, наконец, высший тип – субъектность, включающая в себя все три признака [75, с.66]. «Национальный характер» в рамках изложенного подхода понимается как *обобщенный образ всех возможных характеристик и психологических реакций конкретного коллективного субъекта*. При этом, ставя вопрос о «национальном характере» и «ментальности», мы должны понимать, что обладать всем этим может человек, а не сама нация как некое «коллективное существо» [94]. И в дальнейшем, когда мы будем говорить о «национальном характере» и «национальном самосознании», мы будем подразумевать под этим «самосознание человека, *сознающего свою принадлежность к нации*, свою неразрывную связь с другими людьми, образующими нацию» [94].

К настоящему времени о русском национальном характере написано достаточно много и убедительно. Назовем таких известных авторов, как Н.О.Лосский [141], Н.А.Бердяев [17, 18], В.В.Розанов [201], П.А.Сорокин [223], Д.С.Лихачев [134, 135], Г.Д.Гачев [50], А.А.Зиновьев [85, 84], А.И.Солженицын [222], К.Касьянова [101], В.Ф.Шаповалов [263], М.М.Громыко [59] и целый ряд других. Из всего великого многообразия мнений и оценок по данной теме нас будут интересовать вопрос ценностных оснований и психологических

особенностей отношения к труду в русской традиционной культуре, а также психологических характеристик мотивации труда русского человека.

Естественно, что в труде – как в одной из форм проявления бытия народа и отдельного человека - реализуются базовые ценности конкретного типа культуры. Мы полагаем, что предварительно можно выделить несколько общих ценностей, конституирующих русский тип культуры, а именно:

– Кротость, мудрость, терпение, умение трудиться (Л.Н.Толстой) [141, с.9];

– Религиозность в форме искания абсолютного добра, свободолюбие, народолюбие, доброта, максимализм, потребность в мессианстве (Н.О.Лосский) [141];

– Упорство, готовность к самопожертвованию во имя блага народа (П.А.Сорокин) [223];

– Любовь, живое созерцание, свобода (И.А.Ильин) [91];

– Свободолюбие, доброта, обостренное сознание личности, эсхатологически-мессианская религиозность, благочестие, искание Бога, смирение (все это – положительные качества наряду с отрицательными при общей тенденции «впадения в крайности» как следствия «огромной силы стихии и сравнительной слабости формы») (Н.А.Бердяев) [18, с.44-45];

– Всеоткрытость, прямотушие, простота в поведении, несуетность, юмор, великодушие, уживчивость, широта характера и размах мышления, смирение, сострадательность, самопожертвование ради высших идей, готовность к раскаянию, легкость умирания, непогоня за внешним жизненным успехом, непогоня за богатством, довольство умеренным достатком (А.И.Солженицын) [222].

– «Душа выше и дороже всего», «глубина, многосторонность, энергическая подвижность и теплота внутренней жизни рядом с неспособностью и несклонностью ко всяким задачам внешней организации, внешнего упорядочения жизни и соответствующим равнодушием к внешним формам, внешним благам и результатам своей жизни и деятельности» (П.Е.Астафьев) (цит.по [213, с.61]).

Мы полагаем, что ценностное «ядро» русской культуры сформировалось под воздействием 4 типов идей: производных от двух религиозных систем (язычество и христианство) и от двух философско-идеологических (марксизм и либерализм). В досоветской России можно говорить о преобладании христианских ценностей с изрядной долей языческого «дионисийства» (Н.А.Бердяев). В советскую эпоху стали утверждаться гибридные ценности, в основе которых лежал синтез (а) глухих языческих архетипов, (б) глубоко укорененных и действенных христианских ценностей и (в) официально провозглашенных коммунистических (марксистских) ценностей. Последний ингредиент предполагал квазирелигиозную веру в прогресс, во всемогущество науки, в необходимость борьбы с религиозными предрассудками, в неизбежность развития России по западно-европейскому образцу и нек.др. (подробнее мы раскрыли эту тему в § 1.1.2). И, наконец, с крушением СССР в пространстве

общественной и частной жизни россиян стали преобладать современные западные (либеральные) ценности.

При этом мы понимаем, что *современность* на то и современность, что отличается от *традиции*: первое есть «здесь-и-сейчас», второе – передалось нам из прошлого «с прицелом» на будущее. В нашем исследовании к *традиционным ценностям* будут относиться те, которые отвечают следующим критериям:

1. «Животворность», или способность творить и продлевать жизнь народа: принимая их и реализуя, народ сохраняет себя в истории, демонстрируя соответствующие качества (выносливость, мужество, терпение, мудрость и т.п.)¹¹;

2. Длительность исторического существования: эти ценности должны успеть сформироваться, а затем закрепиться в жизни нескольких поколений;

3. Структурированность, систематизированность: они должны быть логически непротиворечивы по содержанию, иерархичны, иметь длительную историю интеллектуальной обработки и апробации в рамках жизни народа;

4. Национальный консенсус в признании этих ценностей своими (включая критерий массовости, т.е. количество приверженцев данных ценностей).

Это означает, что *либералистские ценности не могут быть названы традиционными ценностями русской культуры, и что к таковым можно отнести (в рамках вышеизложенной триады) христианские и, частично, советские ценности.*

Остается вопрос языческих ценностей. Кратко отметим, что с позиции исторического подхода этап господства языческого мировоззрения остался в далеком прошлом, и формально он не вошел в рамки нашего исследования. Тем не менее, мы полагаем, что языческие (проторелигиозные, натуралистические) воззрения оказали существенное влияние на формирование русского национального характера. Мы далеки от мысли, что без православия русский характер ни на что не годится. В действительности христианство усилило положительные его черты и сгладило отрицательные, наполнив новым смыслом все прежние формы жизни. Язычество формировало ценности, универсальные для любого традиционного общества (Древняя Русь здесь не исключение) – *простота, прямота, почитание богов, преемственность поколений, уважение древних установлений и заповедей, бережное отношение к природе, довольство скромным достатком, терпение, покорность судьбе.*

Христианство не отрицало эти ценности (за исключением политеизма), а изнутри преобразило, осветило и освятило их Духом Божиим. К специфически христианским ценностям можно отнести такие, как *высшая ценность личности,*

---

¹¹ Скажем, принимая современные либералистские ценности (индивидуализм, комфорт, удовольствия, устремленность к карьере и т.п.), народ просто начинает вымирать, так как разрушается семья, перестают рождаться дети и т.п. (эта тенденция проявляется во всех богатых странах). И наоборот – следуя традиционным ценностям (сохранившимся в религиозно-ориентированных обществах), нация физически сохраняется, тем самым обретая потенциальное будущее.

любовь, бессмертие души, свобода. По мнению П.Е.Астафьева, они целокупно представлены в «отличительно русском идеале «святости» (цит.по [213, с.61]).

Коммунистическо-социалистический этап истории России породил новый тип человека («советского человека»), модифицировав сложившиеся за предыдущие века базовые ценности русского народа. По мнению самих россиян (социологический опрос 1994 г.) «советскими» ценностями могут быть названы [154]:

1. Атеизм
2. Энтузиазм
3. Гарантия социальных прав личности
4. Верховенство государственных интересов
5. Борьба
6. Чувство долга
7. Терпеливость
8. Дисциплина труда
9. Образованность
10. Гостеприимство

В этом же опросе «западными» (либеральными) ценностями были обозначены:

1. Предприимчивость
2. Богатство
3. Деловитость
4. Неприкосновенность частной собственности
5. Прибыльность труда
6. Свобода выбора убеждений и поведения
7. Профессионализм
8. Невмешательство государства в частную жизнь граждан
9. Дисциплина труда
10. Гарантия политических прав

В параграфе 1.1 мы раскрыли содержательную сторону господствующих социокультурных представлений о смысле труда в разные эпохи истории России. Но эти концептуальные положения христианства, марксизма и либерализма (частью вербализованные, частью – нет, частью осознанные, а частью – нет) должны были особым образом *психологически преломиться* в душе каждого русского человека¹².

Это значит, что речь будет идти о субъективном образе объективной реальности, повлиявшей на становление психологии носителя русской культуры, об уникальном переживании «коллективным субъектом» внешних обстоятельств-вызовов, социокультурных императивов и собственных ответных

---

¹² «При объяснении любых психических явлений личность выступает как воедино связанная совокупность внутренних условий, через которые преломляются все внешние воздействия» - писал С.Л.Рубинштейн (цит.по [259, с.54]).

поступков. К теме психологических аспектов мотивации труда в русской культуре, несомненно, относится и раздутый до невероятных размеров миф о так называемой «русской лени», который мы обсудим чуть ниже.

Традиционно вопрос отношения к труду начинают рассматривать с анализа объективных природных условий (как наиболее неизменного и долговременного фактора), в которых приходилось и приходится трудиться россиянину, - и с точки зрения истории это вполне обоснованно – вплоть до советского времени Россия была на 90% страной аграрной, а земледельческий труд прямо зависел от природного фактора. Многие исследователи отмечают суровый, резко-континентальный климат, долгую зиму и короткое лето, низкое плодородие почв и связанные с этим высокие земледельческие риски [156, 55]. По подсчетам специалистов по аграрной истории России (досоветский период), урожайность во Франции, США, Германии и Англии была выше российской соответственно в 1,6, 2,0, 3,9 и 4,0 раза [55]. «Уровень колеблемости» урожайности зерновых (отношение лучшего и худшего урожая) в досоветской России был самым высоким в Европе: средний показатель – 2,014 (по отдельным губерниям – 5,6 – 7,3), тогда как в развитых странах Европы и в США – 1,35 – 1,45 (в СССР – 1,85) [55]. Климат влиял и на темпоритм труда. Русский крестьянин должен был за 5 месяцев летнего сезона выполнить объем работ, на который у его французского или немецкого «коллеги» обычно затрачивается 9-10 месяцев [156]. По мнению знаменитого русского историка В.О.Ключевского, под воздействием неравномерности распределения трудовых затрат между летом и зимой «великоросс приучался к чрезмерному кратковременному напряжению своих сил, привыкал работать скоро, лихорадочно и споро, а потом отдыхать в продолжение вынужденного осеннего и зимнего безделья. Ни один народ в Европе не способен к такому напряженному труду на короткое время, какой может развивать великоросс, но и нигде в Европе, кажется, не найдем такой непривычки к ровному, умеренному и размеренному постоянному труду, как в той же Великороссии» (цит.по [181, с.6]). Таким образом, русский умел (и умеет) трудиться, но в ином ритме, чем европеец. Здесь отметим мнение Н.О.Лосского, который утверждал, что умение концентрироваться и трудиться исключительно напряженно требует еще одной предпосылки – «могучей силы воли» [141, с.32], причем это качество прямо не может быть выведено из геоклиматических условий, а есть продукт социокультурного и духовного развития.

Фактором, обуславливающим специфику трудового поведения, можно назвать и уникальное богатство природы России, позволяющее «не торопиться» и безбоязненно выбирать экстенсивный путь развития. Это совсем не значит, что данный путь – легкий, но он всегда был и будет чреват соблазном обогащаться не за счет собственного ума и умелых рук, а за счет Богом данных природных сокровищ.

Другой аспект, влиявший на психологию труда, как пишет Л.В.Милов, это «отсутствие четкой взаимозависимости между мерой трудовых затрат и мерой получаемого урожая на протяжении столетий», который не мог не вызывать «определенное чувство скепсиса и обреченности у части крестьян» [156, с.430].

Психологически это могло переживаться как лень, хотя Л.В.Милов склонен называть это состояние «трагической апатией», что не одно и то же.

Осложняющими обстоятельствами социального происхождения называют обычно крепостное право и барщину, которые явно тормозили трудовую инициативу [57]. Мы полагаем, что последний аргумент требует осторожного обращения. Во-первых, дореволюционная Россия, вопреки устоявшемуся в советскую эпоху мнению об ее «отсталости», развивалась схожими темпами в сравнении с «передовыми» странами. О.А.Платонов отмечает, что крепостное право утвердилось в России в XVII веке, то есть *позже, чем в Европе*, к тому же почти половина крестьян не были крепостными (трудились на государственных землях, хотя и платили в несколько раз больше податей, чем крестьяне помещичьи) [181]. Крепостное право в Германии и Австрии было отменено лишь на 13 лет раньше, чем в России, а *рабовладение* в США – на 4 года *позже* [181, с.292]. Поэтому сам факт закрепления крестьян не может быть взят за основу понимания различий в сфере трудовой мотивации представителей разных стран. То же касается и сферы промышленности, где, вопреки бытующему мнению о «рабском труде», доля вольнонаемных работников в середине XVII века в России составляла около 50%, к середине XIX века – около 80% [181]. В свою очередь, принудительный труд до конца XVIII века был нормой и для Западной Европы («работные дома» для бродяг и т.п.) [13]. Во-вторых, прикрепление к земле (также как и уплата налогов и рекрутская повинность) крестьянами воспринималось не как следствие неких экономических процессов, а как элемент (форма) сословного служения Государству¹³. Более того, Л.В.Милов полагает, что, прикрепляя крестьян к земле, не всегда плодородной, но все-таки требующей освоения, и заставляя, где надо, трудиться, наказывая лентяев, помещик объективно действовал на пользу обществу и государству, поскольку, во-первых, «результаты земледелия всегда были общественно-необходимым продуктом», а, во-вторых, по словам общественного деятеля XVIII века князя М.М.Щербатова, если бы внезапно отменить крепостное право, то «центр империи опустел бы», пахари разбежались бы в поисках более благоприятных земель и условий [156, с.433].

Проблема принуждения к труду вообще является дискуссионной и не может быть отнесена только к российской истории. В разной степени элементы принудительности присутствовали в социально-экономической истории всех стран и народов, поскольку первооснова принуждения к труду – отчуждение человека от продуктов и процессов труда (о чем подробно изложено у К.Маркса в «Капитале») – есть явление универсальное и вненациональное. По мнению Т.Озерниковой, принуждение может быть рассмотрено как «специфический стимул к труду», в силу своей неэффективности утративший влияние в

---

¹³ «Крестьяне понимали тягло не как ренту верховному собственнику земли, а как выпавший на их долю способ служения Государству» [283, с.92].

современной экономике [170]. Косвенное экономическое, технологическое, социально-нормативное и административное принуждение в разной степени присутствует даже сегодня и даже в самых развитых экономиках. Мотивация труда может порождаться и в результате принуждения какими-либо обстоятельствами, вызывающими, например, страх, то есть может быть «вынужденной» или «принудительной» [170, с.100]. Чем больше отрицательных стимулов-санкций, чем больше ограничений в свободе выбора способов трудового поведения, чем ниже уровень, на котором работают эти ситуационные стимулы – тем сильнее выражена «вынужденная мотивация». Наиболее ярко принцип принудительности труда проявился в эпоху «казарменного социализма» в СССР [170, 193]. «Вынужденная мотивация» в разные исторические периоды имела различную акцентуацию: в досоветской России она проявлялась под давлением задачи хоть как-то прокормиться, физически выжить, в советской – к этому добавилось давление репрессивного аппарата и идеологии, в постсоветской - «вынужденная мотивация» порождалась страхом потерять работу и средства к существованию, а в более широком смысле (и это касается вполне благополучных стран) – страхом утратить достигнутый или не достичь желаемый уровень жизни. По данным социологов, при отсутствии прямого принуждения к труду в современной России, доля факторов косвенного принуждения (экономического, административного, идеологического, технологического) возросла [170]¹⁴.

Некоторые исследователи в числе важных особенностей психологии русского труда называют склонность к коллективизму, при этом давая порой диаметрально противоположенные оценки. Так, по мнению О.А.Платонова, самой органичной и эффективной в истории России формой жизни крестьян, то есть подавляющего большинства населения на протяжении многих веков, была община, в которой реализовались все основные ценности простого человека: и демократия как политическая ценность, и социальная справедливость, и экономическая эффективность (в рамках обеспечения всем необходимым членов общины и несения «тягла»)) [181]. Община устанавливала высокий «социокультурный стандарт» полезности труда: не только и не столько экономическая эффективность, сколько социальная гармония и соблюдение Правды [59, 181, 27, 26]. В дореволюционной деревне были распространены различные виды добровольного безвозмездного труда (общественные работы,

---

¹⁴ Например, по данным на 2000 год среди мотивов выбора места работы у наемных промышленных рабочих третью строку (после содержания работы и материального интереса) занимает «безальтернативность выбора» (22,6%), отмечается высокая степень неудовлетворенности условиями труда: «социальным пакетом» - 65,1%, заработком – 60,6%, возможностью участвовать в решении проблем своего предприятия – 60%, уровнем защиты прав трудящихся и возможностью карьерного роста – более 50% [170], около 75% считают, что их трудовые права так или иначе нарушаются [79]. Что как не свидетельство вынужденности и принудительности труда в подобных условиях есть эти факты?

«помочи» - погорельцам, семьям солдатских вдов, помощь друг другу в сезонных работах и т.п.) [59, 181, 118]. Другая точка зрения, активно утверждавшаяся в советское время и существующая до сих пор, содержит критику коллективистских общинных традиций, якобы тормозящих инициативность наиболее предприимчивых крестьян. Например, А. Прохоров считает общину главным «рассадником уравниловки» в истории России: «круговая порука» толкуется автором как «покрытие лентяя» за счет трудолюбивых членов общины, «земельный передел» – как «апофеоз уравнительности», распределение тягла с учетом зажиточности (с богатых - больше, с бедных – меньше) - также как неэффективная мера, и даже «помочи» объявляются автором как потакание нерадивым [192].

С.Ю. Барсукова отмечает широкую распространенность и ценностную приемлемость «неформальной экономики» в истории нашей страны, то есть тех форм трудовой активности, которые развивались параллельно - вне или даже вопреки - законодательным нормам [12]. Этому, на ее взгляд, способствовало следующее:

1. Сложные условия труда стимулировали коллективизм, труд в общине, где нормы обычного права преобладали над юридическими;
2. Удаленность от административных центров приучала жить «своим умом»;
3. Непродуманные государственные преобразования порождали «государствофобию», недоверие ко всему, что приходило «сверху» и создавали негативный образ государства, которое было «не грех» при случае обмануть [12, 101, 110]¹⁵.

Распространенность различных форм «неформальной экономики» было характерно во все периоды истории нашей страны. Речь идет о домашнем подсобном хозяйстве, о «приработках», о неофициальных сезонных и прочих работах, а также о сегменте «теневой» (полукриминальной) экономики [58, 44]. Все эти формы неофициальной занятости свидетельствуют о постоянном и напряженном труде простого русского человека.

В советскую эпоху с ее акцентом на возвышение социального статуса и морального значения труда и на обеспечение всеобщей занятости широкое распространение получил феномен рестрикционизма (от лат. restrictio – ограничение [218]) – то есть умышленного занижения производительности труда, «сознательного замедления темпов работы» [264]. Хотя, по мнению Н.И. Шаталовой, рестрикционизм присущ в разной степени всем странам, но в СССР он развился в целую философию «работы с прохладцей». Это было результатом недооценки коммунистическими идеологами роли материальных стимулов труда и преобладанием фиксированной и гарантированной заработной

---

¹⁵ По опросам социологов 2003 года 36,7% россиян считают морально оправданным уклонение от налогов [24].

платы. «Сдельная» система оплаты (то есть соответствующая объему выполненной работы) хотя и применялась, но по разным причинам ограничивалась: во-первых, эта система явно и преимущественно основывается на принципе экономической выгоды, на индивидуальной пользе, что в воспитательных целях было опасно, во-вторых, советское государство экономически не могло бы обеспечить выплаты премиальных всем энтузиастам, коих в первые пятилетки было достаточно много. В целом, по мнению А.Л.Темницкого, в коммунистической идеологии принцип справедливости (много и хорошо работаешь – много получаешь) «снимался» за счет провозглашения принципа равенства [232], который толковался весьма примитивно (хорошо, плохо ли работаешь – все равно всем заплатят и поровну). Однако со справедливостью в России не стало легче и после крушения социалистического СССР – по данным социологических опросов с 1996 по 2004 год доля работников, считающих свою зарплату справедливой, уменьшилась в 7 раз - с 23% до 3% [232].

Другим типичным для советской трудовой культуры явлением, косвенно связанным с рестрикционизмом, был и остается в значительной степени до сих пор патернализм (от лат. *paternus* – отцовский, отеческий [218]), то есть помощь работнику со стороны государства, общества или организации-работодателя [229]. Коротко отметим, что сам по себе патернализм имеет как социально-психологические корни (перенос на государство архетипа отца - главы большой семьи), так и социокультурные (понимание труда как служения надындивидуальным ценностям и соответствующим им социальным институтам). Русско-советский работник был готов в трудовом служении отдавать Родине (своему предприятию) чуть больше, чем получать от нее в виде чисто денежного вознаграждения, но взамен он ожидал (хотя эти ожидания, зачастую, были туманны и неструктурированы в его сознании) социального признания его заслуг. Подобный тип взаимоотношений труженика и государства (общества) институализировался в разветвленную систему *льгот и привилегий*, на которой во многом и держалась положительная мотивация труда в советское время. Недополучая в денежном выражении, работники всех сфер народного хозяйства и всех его уровней (от руководителя до подсобного рабочего) имели возможность компенсировать свой трудовой вклад, а также ощутить свою полезность и значимость в иной форме – получая доступ к социальным льготам разного типа (возможность пользоваться спец.буфетами, средствами производства, продукцией предприятия, его социальной инфраструктурой – санаториями, детскими садами и проч.). Таким образом, не размер зарплаты, а знаки социального внимания со стороны других людей, общества (олицетворенного, по традиции, в образе государства) выходили на первый план. Можно говорить даже о доминировании «коммунальной» составляющей труда в ущерб «деловой», - по мнению А.А.Зиновьева, наблюдательного исследователя работников как советского типа, так и западного, «коммунистическое общество (имеется в виду реальное общество – СССР. – Ю.П.) есть общество внутренне сложных, но плохо работающих бездельников, а западное общество есть

бездушный хорошо работающий механизм» [85, с.70]. Не принимая полностью подобное обобщение, мы хотели бы отметить его справедливость в части оценки роли социального смысла труда: действительно, личность человека в русской культуре признается важнее его функциональных умений. Социологические исследования показали, что российская провинция до сих пор предпочитает «хороший коллектив с низким заработком» (45,7%) «конфликтному коллективу с высоким заработком» (35,5%) [197]. По данным современного исследователя Н.Л.Захарова (подтвержденных полевым экспериментом на ряде предприятий г.Ижевска в 1998 году), на степень воровства и степень гордости за предприятие уровень зарплаты практически не влияет, а вот продуманная система льгот - влияет [80]. Понимание труда не только как способа заработать на жизнь, но и как социального служения обусловило болезненное восприятие российскими пенсионерами так называемой «монетизации льгот» в начале 2005 года. Для многих эта финансово безупречная и логичная процедура означала одно – мое искреннее служение стране пытаются пересчитать исключительно на деньги. При этом следует подчеркнуть, что подобные оценки характерны для старшего поколения, тогда как российская молодежь демонстрирует несколько иные ценностные ориентиры [174, 119, 187]. Это объясняется тем, что анализ специфики национального характера предполагает как диахронный подход, так и синхронный. Рассматривая связь явлений по «вертикали» истории, мы должны учитывать своеобразие моментов, составляющих ее «горизонталь». Так, например, всегда существовала и будет существовать несовпадение взглядов между представителями разных поколений, действующих синхронно в один и тот же момент истории [258].

По мнению многих авторов, либералистские реформы 90-х годов прошлого века, длящиеся до сих пор, по многим параметрам вошли в противоречие с социокультурными традициями как христианской, так и советской России [124, 271, 44, 231]. Это отразилось и на трудовой мотивации. Согласно исследованиям А.Л.Темницкого, среди российских рабочих «с начала либеральных реформ доминирующим стал инструментальный тип отношения к труду» [230, с.57], когда труд воспринимается как средство (заработать деньги и т.п.), а не как важная сама по себе ценность-цель. Либерализм в целом изменил мировоззренческий вектор жизни труженика (как и вообще человека независимо от времени и места проживания): священная серьезность христианства и идейный, часто невротически напряженный романтизм коммунизма (в которых так или иначе доминировали нравственные принципы, хотя и разных духовных источников происхождения) в конце XX века оказались вытеснены на периферию, а главной линией, «мейнстримом» становится «жизнь «без идеологии», больше ориентированная на прагматизм и здравый смысл, нежели на объединяющую силу моральных принципов» [258, с.118].

По данным современных социологических опросов (Фонд «Общественное мнение», 2002 год), в автостереотипах россиян по вопросу отношения к труду четко прослеживается 3 основные точки зрения [51]:

1. «Мы умеем работать так же, как и весь мир». (Но, по мнению респондентов, в силу различных внешних причин это умение трудиться сегодня не реализуется. Главным препятствием для полноценной трудовой деятельности опрошенные считают крайне низкую заработную плату.)

2. «Мы умеем работать, но не так, как все». (Именно сторонники этой позиции чаще всего – как в позитивном, так и в негативном контексте – вспоминают, что русские люди привыкли трудиться неразумно, аврально.)

3. «Русский человек ленив и к труду не способен». (Причем, высказав такое мнение, участники групповых дискуссий, как правило, поправляли себя, заявляя, что люди у нас в принципе работать могут, но в силу внешних обстоятельств не имеют мотивации к труду)

По словам автора, комментирующего результаты опроса, эти три вышеперечисленные позиции «отнюдь не являются взаимоисключающими»: речь идет о «трех аранжировках единой интерпретативной схемы: российский человек не может нормально трудиться в существующих условиях» - то есть мог бы и даже хотел бы, но обстоятельства мешают [51]. Косвенно это подтверждают данные опроса: 81 % респондентов считает, что трудолюбивому человеку сегодня трудно найти хорошую работу, 80 % полагают, что работа «в нашей сегодняшней жизни» редко приносит радость и моральное удовлетворение, поэтому, по мнению 47% опрошенных, «сегодня у нас в стране работают хуже, чем раньше» [238].

Мы полагаем, что и ответы респондентов, и комментарии специалистов находятся под воздействием давно известной (и ложной по содержанию) пресуппозиции, согласно которой русский человек скорее склонен к лени, чем к работе. В поисках аргументов сторонники этой точки зрения почти всегда (что подтвердили и наши исследования среди студентов-психологов [178]) апеллируют к «традициям», к «архетипам» и т.п., делая ссылку на некоторых героев сказок (Емеля, Иван-дурак) и на ряд распространенных поговорок («работа не волк – в лес не убежит», «от работы не будешь богат, а будешь горбат» и т.п.). При этом внимательное изучение содержания русских сказок, касающихся темы труда и праздности, дает основания утверждать, что использование их в качестве аргумента с целью доказать «природную лень» русского человека неправомерно [278, 236, 36]. Анализ русских пословиц и поговорок, собранных В.И.Далем, также опровергает в целом старый стереотип о «русской лени»: по нашему мнению, ни одна из пословиц, собранных знаменитым автором и представленных в современном двухтомнике, прямо не воспевают лень [63]. Вместе с тем народная мудрость, кристаллизованная в пословицах и поговорках, действительно дает богатый материал по поводу отношения русского человека к своему земному труду [59, 181]. Он понимает, что праздность без меры тягостнее даже тяжелого труда («Не то забота, что много работы, а то забота, как ее нет»), что труд и отдых имеют смысл лишь в сопоставлении друг с другом и в определенном чередовании («Делу время, потехе час»), – русскому труженику показалось бы безумием, скажем, создавать нечто, целиком основанное на праздности и развлечении (например,

круглосуточный канал MTV и т.п.). Он знал, что от безделья произрастают пороки и безрассудства («Трутни горазды на плутни»), что лень – своего рода душевная болезнь весьма опасного происхождения («Послал Бог работу, да отнял черт охоту»), что в работе переплетается и мука, и радость от полученного результата, и жизненная польза («Дело учит, и мучит, и кормит», «Горька работа, да хлеб сладок»), что нужно понимать границу своих человеческих возможностей и не забывать истинного Творца и Подателя всех плодов («Жилами не нажить, чего Бог не даст») [63]. При этом, по данным Е.В.Реутова, вопреки распространенному мнению о фатализме русского работника (якобы полагающегося в труде на Бога да на милость природы) лишь 18% пословиц о земледельческом труде содержат ссылку на Бога и природу как подателей урожая – в остальных прямо говорится, что без собственных усилий и ждать нечего («Нет плохой земли, есть плохие пахари») [199]. Ни богатство само по себе, ни праздность не выглядели для русского человека вершиной желаний и потребностей, не представлялось ему подлинным счастьем [69]. И даже сам труд не мог заполнить все пространство ищущей высшей правды души.

Как аргумент в пользу мифа о «русской лени» часто высказывают ставшее расхожим мнение, что, якобы, русских отучали трудиться две пагубные «традиции» - пьянство и большое количество праздничных дней в году (прежде всего, имеются в виду церковные и иные религиозные праздники [157]). В защиту русского труженика (вслед за О.А.Платоновым [181], А.В.Немцовым [163, 164] и др.) следует напомнить, что Россия стала превращаться в одну из «пьющих» стран *только в советскую эпоху*, точнее – начиная с 1960-х годов. По расчетам А.В.Немцова, потребление алкоголя в СССР и в современной России росло следующими темпами: 1960 год – 4,2 л, 1970 – 8,2 л, 1980 – 10,5 л, 1985 – 14,2 л, 1986 (антиалкогольная кампания при М.С.Горбачеве) – 10,5 л, 1995 – 14,5 л, 2001 – около 15 л (см. также [109, 169]).

По потреблению алкоголя Россия до 1917 года занимала *одно из последних мест в Европе*, уступая лишь Норвегии и Финляндии. Большая Советская Энциклопедия (1-е издание, 1926 год¹⁶) приводит следующие данные потребления алкоголя за период с 1906 по 1910 годы: Россия – 3,41 л условного алкоголя на 1 человека в год, Франция – 22,93 л, Италия – 17,29 л, Испания – 14,02 л, Швейцария – 13,71 л, Англия – 9,67 л, Германия – 7,47 л, Норвегия – 2,37 л, Финляндия – 1,54 л [25, с.238].

Что касается традиции многодневных праздников, то и здесь оснований для обвинений в адрес христианства вообще и РПЦ в частности, якобы отрицательно влиявших на трудовую мотивацию русского дореволюционного работника, попросту нет, поскольку, по подсчетам О.А.Платонова, русский крестьянин имел около 120-130 выходных дней в году (а городской ремесленник и того меньше – около 100-110 дней), что было в тот период нормой и для многих других христианских стран Европы [181, с.121-122]. Простой подсчет

---

¹⁶ Отметим, что приведенные далее цифры опубликованы не в дореволюционном издании, а в официальном, советском, академическом, которое трудно заподозрить в симпатиях к царской России.

показывает, что современный российский рабочий, отлученный Советской властью от церковной жизни, с учетом суббот (которые до 1917 года никогда не были выходными днями) и государственных праздников, отдыхает почти столько же - 116-118 дней в году.

Существенной чертой отношения к труду в русской культуре была внутренняя потребность к постижению смысла труда, к поиску ответа на вопрос «зачем?». Н.О.Лосский вполне обоснованно связывает это с «исканием абсолютного добра» как «основной, наиболее глубокой чертой русского народа» [141, с.5]. Рассматривая феномен «обломовщины», он пишет, что это есть «оборотная сторона высоких свойств русского человека – стремления к совершенству и чуткости к недостаткам нашей действительности» [141, с.42]. До тех пор, пока русский человек не уразумеет высокий смысл своей деятельности, он не готов вкладывать в нее все силы души и тела. Естественно, это чревато «зависанием» между фазами смыслообразования и активности, то есть состоянием, когда и смысл не находится, и дело не делается. Так, например, образ Обломова – это не только образ «метафизической лени» [263] и, конечно же, отнюдь не воплощение исключительно «русской лени», - это, прежде всего, иллюстрация полужизни в промежуточном мире между бессмысленной активностью (против которой справедливо восставал Илья Ильич) и осмысленной деятельной жизнью (до которой он так и не дотянулся).

Истинно народный любимец, сказочный Иван-дурак тем привлекает русского человека, что ищет главное в жизни, не разменивается на фальшивки, имеет духовный иммунитет от типичных земных «заразных болезней» – жадности, желания власти, славы, легкого богатства и т.д. и т.п. Но, как писал Е.Н.Трубецкой, мечтательная устремленность к «иному царству» у русского человека часто так и не соединяется с энергичным, волевым началом и остается лишь «прелестной поэтической грезой» [236, с.485]. Не всякий почитатель Ивана-дурака возвышается до труда и подвига ради приближения искомого «иного царства» [178].

Стремясь к совершенству, русский человек предъявляет высокие требования к результатам труда, что, в свою очередь, требует умений в «отделке мелочей», методичности, терпения, которых у него часто не хватает. На пути к совершенной цели всегда есть множество препятствий – ступеней, преодоление которых требует серьезных усилий, энергично питаемых страстным желанием достичь ее. При этом мы полагаем, что степень совершенства и сложности целей, которые ставит перед собой русский труженик, не обуславливается и не ограничивается технологической сложностью, - их сложность определяется включенностью цели труда в систему социальных, культурных и религиозных целей. Поэтому *смысл труда в русской культуре специфичен в меру специфичности общей картины мира*, то есть особенностям воззрений носителя русской культуры на Бога, на Природу, на других людей (общество) и на себя самого. Тщательный анализ содержания *представлений и устремлений* русского народа в сфере духовной жизни позволяет сделать вывод об их фундированности в православном христианстве ([273, 180, 59, 181, 263, 1, 118, 133, 114, 189, 52,

122, 221, 220, 283, 57, 106, 185, 262, 265, 141, 175, 69, 212, 213, 214, 160] и мн.др.)¹⁷. В свою очередь христианство, в том виде, каком оно сохранилось до сих пор в русской культуре, может быть определено как одна из самых сложных мировоззренческих систем ([39, 166, 237, 219, 15, 93] и др.). Сложным жизненным целям соответствуют и сложные трудовые цели и задачи. Чем сложнее задачи и чем глубже их осознание, тем строже отношение человека к себе и своей деятельности. Чем строже к себе человек, тем больше препятствий (религиозных, моральных, экологических и т.п.) в его хозяйственной деятельности и тем сложнее путь к достижению психологического удовлетворения от труда. Чем больше препятствий, тем больше требуется затрат энергии и мобилизации сил. Относительная бедность России не может быть аргументом в пользу тезиса о «неумелости» или «лени» русских. Затраты духовной энергии не имеют прямой корреляции с экономическим эффектом, в их отношениях возможна и обратная пропорция - как известно, природосберегающие технологии самые дорогостоящие (поэтому - маловыгодные), а духовносберегающие – тем более [235].

Выводы по § 1.4.

1. С научной точки зрения возможно говорить не только о психологии отдельной личности, но и о психологических качествах «коллективного субъекта» (А.В.Брушлинский);

2. Ценностные основания мотивации труда в русской культуре связаны с культурно-историческими процессами, на которые указано в § 1.1. На формирование типически русского отношения к труду оказали влияние такие факторы, как геоклиматические условия жизни русского народа (огромные просторы, ландшафт, климат), особенности социокультурного развития (влияние православного христианства, срединное положение между Европой и Азией), социально-политические детерминанты (традиция сильного государства, многочисленные войны, реформы «сверху», общинные формы социальной самоорганизации) и нек.др;

3. Чтобы успешно преодолеть неизбежную фазу кропотливого труда между замыслом и результатом, русскому работнику, более чем, например, европейцу, требуется почти страстное стремление к цели. Следствием этого, в частности, является (а) склонность к неритмичному, но чрезвычайно напряженному труду, (б) высокая продуктивность труда при совпадении его

---

¹⁷ Отдельная тема – трудовой этос русских староверов, славившихся повышенным благочестием, трудолюбием и предприимчивостью. Важным аспектом этой темы, на наш взгляд, является сопоставление отношения к труду представителей русского старообрядчества и западного протестантизма [235]. Интересующихся этими проблемами отсылаем к многочисленным работам отечественных исследователей ([35, 220, 62, 60, 97, 182, 257, 37, 243, 78, 99, 100, 123, 251] и др.).

смысла с общим смыслом жизни, (в) опасность «охладеть» к цели и не довести дело до конца;

4. Стремление соединить смысл труда со смыслом жизни нередко ведет к «зависанию» в промежуточной фазе между бессмысленной и суетливой активностью и подлинно смысловым трудом (эффект Обломова);

5. Нагруженность труда социальными смыслами (центрированность на личности человека и признание ценности служения) имеет как положительное влияние на мотивированность работника (так как качественно возрастает удовлетворенность от достигнутого своим трудом), так и отрицательное, когда начинает страдать дело с точки зрения технологической и экономической эффективности, что снижает степень удовлетворения и приводит к разочарованию и апатии;

6. Недоверие к государственным институтам побуждают русского труженика часть трудовой активности переводить в русло неформальной экономики, которая признается ценностно вполне приемлемой. В сфере трудовых отношений с государством (как традиционно самым крупным и постоянным работодателем в российской истории) присутствовала (и присутствует до сих пор) пресуппозиция, что государство явно «не доплачивает» и что не будет преступлением самому добрать то, что полагается «по справедливости». На государство нередко смотрели как на потенциального коварного врага, а на войне, как известно, почти все средства допустимы – можно обмануть, украсть и т.п.;

7. При этом именно советский период породил в массовом порядке такие явления, как рестрикционизм и иждивенческий патернализм. Это стало возможным благодаря почти тотальному подавлению частной инициативы. Стремиться эффективнее и качественно работать стало невыгодно, но и гарантированный минимум социальных благ принимался как норма;

8. Либералистские реформы 90-х годов поставили российского труженика в очень непростое положение. Честный, бескорыстный труд резко обесценился, задачи выживания многих толкнули к поиску новых форм труда. В современной России внутренне конфликтное отношение к труду (помимо традиционных сложностей мотивации) заключается в не до конца отрефлексированном смешении трех основных типов ценностно детерминируемых мотивационных комплексов – христианского, советского и либералистского.

Глава 2. Мотивация труда современных горожан-дачников

2.1. Понятие мотивации трудовой деятельности в психологии труда

Задачи осмысления и решения сложных теоретических и практических вопросов, связанных с трудовой деятельностью человека, дали толчок к развитию новой отрасли – психологии труда. Ее предметом становятся «закономерности психики человека, занятого трудом» [104, с.116] или, если еще шире – «человек как субъект труда» [193, с.6].

В Европе и США развитие психологии труда самым тесным образом было связано с утверждением капитализма и с ростом промышленности, поэтому на начальном этапе прикладные функции нового направления психологии преобладали. Та же картина, но с незначительным опозданием наблюдалась и в России. По мнению О.Г.Носковой, главные задачи, которые была призвана решить психология труда в России на рубеже XIX – XX веков, были универсальными для всех стран того периода: повышение производительности труда, предотвращение травматизма, учет человеческого фактора при проектировании орудий и условий труда, управление персоналом, профилактика переутомления, диагностика работоспособности человека, профориентация, профотбор и т.п. [168]. Связь с развитием промышленности отразилась, например, в классификации В.А.Толочка, по мнению которого первый этап развития психологии труда (конец XIX – начало XX века) может быть назван «индустриальной психологией», второй этап (50-70-е годы XX в.) - «инженерной психологией» и, наконец, третий (начиная с 90-х годов), - «организационной психологией» [234, с.10].

Вполне естественно, что в целом психология труда использовала в своих разработках общепсихологические теории мотивации, о сути которых мы высказывались в предыдущей главе. Процессы трансформации методологических оснований психологии труда проходили схожим образом, что и в психологии в целом. Отличительной особенностью психологии труда была лишь степень конкретизации этих теорий и более выраженный прикладной характер исследований.

По мнению целого ряда исследователей, тема мотивации труда впервые, хотя и косвенно, была поднята в концепции Ф.У.Тейлора [234, 193, 188, 87]. Главной идеей было максимально рациональное использование каждого работника на своем месте (от чернорабочего до управляющего), что должно было привести к такому увеличению производительности труда, прибавочного продукта и, в конечном итоге, зарплаты, что всякие социальные трения потеряли бы смысл. Как утверждал Ф.У.Тейлор, простой рабочий должен иметь возможность зарабатывать много – и это есть главный стимул к интенсификации труда: «высокая зарплата...является основой наилучшего управления» (цит. по [261, с.28]). В 30-40-е годы в США появляется теория «человеческих отношений» (один из авторов – Э.Мейо), согласно которой не только зарплата,

но и личное внимание к работнику, комфортные условия труда, сплоченный коллектив являются главными «двигателями» (мотивами) повышения эффективности труда [193, 188]. Чуть позже популярными в психологии труда становятся идеи представителей гуманистической психологии – Г.Олпорта, А.Маслоу, К.Роджерса, утверждавших, что центральным мотивом любой деятельности, включая и трудовую, выступает мотив личностного роста и самоактуализации [261].

В работах современных специалистов по психологии труда – как отечественных, так и зарубежных – упоминаются несколько теорий мотиваций, считающихся репрезентирующими общий подход психологической науки к данной проблеме. В разных сочетаниях называют, прежде всего, теории, ставящие в центр потребности человека – это теории А.Маслоу, Д.Мак-Клелланда, К.Альдерфера [261, 272, 71]. Подчеркивается, что для А.Маслоу важна иерархия потребностей, для Д.Мак-Клелланда и К.Альдерфера – разумное сочетание основных потребностей: в принадлежности, во власти, в успехе (Д.Мак-Клелланд) или - в существовании (Existence), в социальных связях (Relatedness) и личностном росте (Growth) («теория ERG» К.Альдерфера) [71]. Также стала широко известной «мотивационно-гигиеническая теория» Ф.Херцберга, согласно которой на мотивацию труда влияют 2 основных группы факторов – «гигиенические» (зарплата, условия труда, статус в коллективе, т.е. факторы, создающие условия, «чистоту» для функционирования главных «мотиваторов») и «мотивирующие» (факторы, способствующие признанию, достижению значимых целей, профессиональному развитию и продвижению, самостоятельности) [272, 71]. Американские авторы Д.Шульц и С.Шульц выделяют также «когнитивные теории» - «теорию общих ожиданий» В.Врума, согласно которой мотив рождается из ожидания поощрения или высокой оплаты, «теорию справедливости» Дж.Стейси Адамса, по которой мотивация зависит от соответствия трудового вклада получаемой отдаче, «теорию постановки целей» Э.Лока, утверждающую, что стремление достичь конкретные цели и определяет мотивацию [272].

Бурный рост психологии труда в России начался после 1917 года. Средоточием многочисленных теоретических и экспериментальных исследований стал Центральный институт труда, созданный в 1921 году (по прямому указанию В.И.Ленина). В работах А.К.Гастева, И.Н.Шпильрейна, К.Х.Кекчеева и других ставилась задача «рационального использования трудовых ресурсов человеческой личности» [194, с.38]. Решаться она должна была в рамках бурно развивающейся на тот момент психотехники (прямо выросшей из психологии, а не из тейлоризма) [193]. Методологической базой психотехнических разработок был бихевиоризм, подходивший к человеку, по словам А.К.Гастева, как к «машине с самым тонким авторегулятором – мозгом» [49, с.123]. «Принцип машинизма» не только признавался как факт внешней среды обитания человека начала XX века, но и утверждался в качестве ведущего принципа научения: «педагогику мы должны ввести в рамку инструкции, беспощадного анализизма сверху, чтобы создать в ученике автоматизм

разложения сложного труда на элементы» [49, с.7]. В этой «новой индустриальной педагогике» проблема мотивации фактически выводилась за скобки и общий подход к труду человека ограничивался сугубо технологическими вопросами (повышение производительности труда, рационализация мышечных действий в трудовых операциях, тестирование с целью оптимального профотбора кадров и т.п.). Истоками доминирования подобных подходов в первые годы советского строительства являются (кроме объективных процессов индустриализации всех сфер трудовой деятельности), в частности, недооценка и уничижительные характеристики трудового потенциала русского народа со стороны некоторых большевистских лидеров: так, в одной из передовиц «Известий» (от 21 января 1936г.) Н.И.Бухарин называл русский народ «нацией Обломовых» (цит.по [263, с.213]), а Л.Д.Троцкий в статье «Терроризм и коммунизм» (1920 г.) разглагольствовал о том, что по своей природе «человек есть довольно ленивое животное» и провозглашал принудительность труда как единственное средство построения социализма (цит.по [181, с.186]).

Марксистская психология труда эпохи «развитого социализма» более осторожно и сбалансировано подходит к проблеме мотивации труда. Предметом исследования становятся не столько психофизиологические аспекты труда, сколько социальные: трудовой коллектив, личность работника и мн.др. Принцип принудительности в целом был снят с повестки дня (после опыта «трудовых армий» Троцкого и ужасов ГУЛАГа) и поставлена задача формирования сознательного отношения к труду в рамках коммунистической идеологии. Так, в работе В.И.Чиркова теоретически обосновывается, что потребность в труде, в «деятельном созидании» есть естественная - как дыхание - потребность человека, которая, к сожалению, искажается вплоть до своей противоположенности под влиянием социальных факторов, а именно – под давлением таких общественных отношений, где господствует «отчуждение труда от человека» [261, с. 6-7]. При этом источник потребности - не природный, а также социальный и заключен в «противоречии между индивидуальным опытом и всеобщим социальным опытом человечества» [261, с.7]. Истоки отчуждения труда от человека – в разделении труда, которое бессмысленно упразднить, не совершив социальной революции в области распределения общественного продукта. В отношении человека к труду существуют две универсальных тенденции: труд как средство выживания и труд как потребность творчества целостного, «неотчужденного» человека. По словам В.И.Чиркова, в капиталистическом обществе доминирует первое, при социализме – второе, хотя и в соседстве с «родимыми пятнами» капитализма (жаждой личной выгоды и т.п.). Исторически генезис социалистического отношения к труду прошел в два этапа: труд как «революционный долг» (вынужденное восстановление страны после революции и Гражданской войны) и труд как потребность (движение стахановцев и т.п.). Главная идея книги В.И.Чиркова и всей марксистской теории в том, что с построением коммунизма и с исчезновением отчуждения труда «как следствие, отомрут проблемы мотивации трудовой деятельности» [261, с.24]. По мнению В.С.Магуна, с целью выполнить эту сверхзадачу идеологическая доктрина

советской эпохи в отношении к труду провозглашала первостепенным общественную пользу и духовные мотивы – в противовес личным целям и материальным мотивам [145]. Эта теоретическая конструкция подтверждалась и опытным путем. Так, в 1985 году в исследовании А.М.Мейеровича было показано, что «направленность на себя» коррелирует с мотивом личного благополучия, и при этом на эффективность труда определяющее влияние имеет фактор размера оплаты, тогда как «направленность на задачу (в координатах общества)» коррелирует с мотивами коллективизма и творчества, а на продуктивность труда влияют такие факторы, как содержание труда, высокий результат и успех коллектива. Психологическое состояние, влияющее на эффективность, в первом случае описывалось как повышенная тревожность, а во втором – как экстравертивная эмоциональная стабильность [151]. Автор, вслед за С.Л.Рубинштейном, Б.Г.Ананьевым, В.Н.Мясищевым и рядом других, склонялся к мнению, что «ведущей характеристикой, обеспечивающей интеграцию мотивационных, ориентационных и операциональных свойств личности, является направленность личности» [151, с.7]. Схожие выводы по результатам масштабного социологического исследования были сделаны коллективом авторов (руководитель проекта – А.Г.Здравомыслов) одного из первых научных изданий по социологии труда в СССР «Человек и его работа» (1967 г.) [259]. Была высказана гипотеза (которая, по мнению авторов, в итоге подтвердилась), что «ведущим мотивационным фактором» является содержание труда (интересная работа, возможность творчества, профессионального роста), а не уровень зарплаты, что «структура мотива труда в зависимости от его содержания будет колебаться больше, нежели в зависимости от различий в размере заработка» [259, с.55]. В качестве одного из аргументов приводился пример, когда на одном предприятии при почти одинаковом уровне зарплат (107 и 110 рублей) неквалифицированные рабочие имеют коэффициент удовлетворенности трудом «– 0,26», а пультавики-наладчики - «+ 0,2». Это исследование как бы подтверждало главную идеологическую установку того времени: материальный мотив – по мере приближения к коммунизму - постепенно должен уступать мотиву нематериальному. Как утверждал В.А.Ядов, структура трудовой мотивации содержит 3 компонента (цит. по [188, с.165]):

1. Материальные мотивы;
2. Моральные мотивы (нравственные, идейные);
3. Содержательные мотивы (связанные с удовлетворением от самого труда).

Следовательно, признавалось, что нематериальные мотивы могли быть двух типов: детерминируемые моральными соображениями и детерминируемые содержательными моментами самого труда, т.е. в определенном смысле морально нейтральными. Отметим такой нюанс: для советской идеологической машины акцент на содержании труда, по сути, мог стать спасительным выходом из непростой ситуации, когда работник не понимал или не принимал на веру идеологические императивы (служение надындивидуальным ценностям - идее мировой революции, коммунизму и т.п.), но при этом не принимал и

«враческую» мотивацию. Смещение фокуса в деидеологизированную сферу интересной самой по себе работы породило целый слой трудоголиков, весьма равнодушных к идеологии, но чрезвычайно полезных для режима и для экономики в целом. В экономической социологии и социологии труда этот слой связывают, прежде всего, с так называемыми «советскими специалистами» (или «советской интеллигенцией»), представляющими, по мнению Б.Гладарева, 6 «массовых профессий» - военных, врачей, инженеров, ученых, учителей, чиновников [53]. Именно в этой среде считалось, что «работа должна быть интересной, а уж потом хорошо оплачиваемой», а разговоры о деньгах воспринимались как «мещанство и буржуазность» [53, с.145]. Но именно из этой среды (за исключением, может быть, военных) вышли в конце 80-х главные «архитекторы» и «прорабы» перестройки, разрушившей изнутри советскую империю.

Наш анализ показал, что былого методологического единства среди современных российских специалистов по психологии труда не наблюдается. Часть исследователей остались на старых позициях. Например, В.А.Толочек прямо заявляет, что базирует свою психологию труда на идеях А.Н.Леонтьева, в том числе на его классическом определении мотива как «предмета деятельности» [234, с.11]. В работе И.В.Дорониной в части изложения содержания собственного подхода преобладает терминология советской деятельностной школы. Однако это не помешало автору в итоге признать высшим достижением теорию мотивации А.Маслоу, поскольку именно потребности, по мнению И.В.Дорониной «являются источником активности личности» [71, с.17]. В работах других авторов (Л.Г.Почебут, В.А.Чикер) также присутствует смешение разных методологических позиций разных научных школ, а тщательное изложение многочисленных подходов, разработанных в советский период, заканчивается некритичной ссылкой на теорию А.Маслоу как на референтную в данной области [188].

В работах по психологии труда представлены различные варианты типологии мотивов. По мнению И.В.Дорониной, среди мотивов труда можно выделить следующие [71, с.25]:

1. «Мотив принадлежности хорошему коллективу»;
2. Мотив «личного самоутверждения»;
3. Мотив «самостоятельности» (когда важны не доход и стабильность, а чувство хозяина собственного дела и жизни);
4. Мотив «надежности» (стабильности);
5. Мотив «приобретения нового (знания, вещей)»;
6. Мотив «справедливости»;
7. Мотив «состязательности».

Несколько иную классификацию предлагает С.Занюк [76]:

1. Мотив самоутверждения;
2. Мотив идентификации с другим человеком;
3. Мотив власти;
4. Интерес к процессу и содержанию деятельности;

5. Просоциальные (общественно-значимые) мотивы;
6. Мотив аффилиции (присоединения к референтной группе);
7. Мотив достижения;
8. Негативная мотивация.

В.А.Ядов называет основными мотивами трудовой деятельности такие, как (цит.по [188, с.165]):

1. Престиж профессии;
2. Содержание труда;
3. Возможность профессионального роста и карьеры;
4. Размер заработка;
5. Благоприятные отношения с коллегами;
6. Степень стабильности работы и заработка.

Пряжниковы Н.С. и Е.Ю., вслед за А.И.Зеличенко и А.Г.Шмелевым, отмечают, что в системе мотивационных факторов присутствуют как внешние (давление со стороны других людей или образов, требования объективного характера, инерция), так и внутренние (содержательно-профессиональные, условия труда, возможности для реализации внепрофессиональных целей) [193, с.72-73].

Продуктивным является разделение в ряде работ мотивов и стимулов [188, 259]. Общепринятым значением мотива признается его качество внутреннего побуждения к деятельности, а стимула – внешнего побуждения. Стимул – это внешние условия и обстоятельства, а мотив – «реакция на эти внешние побуждения»: «работник мотивирует свое поведение, пропуская внешние стимулы через призму своего сознания, своих ценностей и потребностей» [188, с.166].

Подводя итог краткому обзору современной литературы по психологии труда, следует отметить ряд ее методологических особенностей. Во-первых, в работах российских авторов по-прежнему – явно и неявно - преобладает деятельностный подход к изучению труда, то есть понимание труда не как составной части «жизненного пути» (К.А.Абульханова), не как «проявления духовной жизни» (О.А.Платонов), а как одну из многочисленных деятельностей со специфическим предметом, технологией и целью. К сожалению, социокультурный контекст труда, на наш взгляд, интересует больше социологов, экономистов, историков, культурологов, но отнюдь не психологов. Во-вторых, работы советского периода (то есть марксистская психология труда) выгодно отличаются от современных российских исследований методологической последовательностью, более четкой логикой, ценностной определенностью и артикулированной декларацией социогенетических оснований своих подходов. Современная психология труда – более эклектична методологически, ценностно нейтральна, центрирована на индивиде, что и позволяет говорить о ее укорененности в либералистской парадигме. В-третьих, в рамках современной психологии труда из трех мировоззренческих линий (христианство, марксизм, либерализм) должного изучения пока не получила лишь первая, тогда как работ в духе марксистской и либералистской психологии труда достаточно много.

Выводы по § 2.1.

1. Предметом психологии труда является «человек как субъект труда» (Н.С.Пряжников);

2. Психология труда использовала в своих разработках общепсихологические теории мотивации. Процессы трансформации методологических оснований психологии труда проходили схожим образом, что и в психологии в целом. Отличительной особенностью психологии труда была лишь степень конкретизации этих теорий и более выраженный прикладной характер исследований.

3. Зарубежная психология труда рассматривала в качестве главного мотивирующего фактора то высокую зарплату (Ф.У.Тейлор), то благоприятные «человеческие отношения» (Э.Мейо), то стремление к самоактуализации (А.Маслоу), то соблюдение справедливости в организации и оплате труда (Дж.Стейси Адамс), то гармоничное удовлетворение одновременно нескольких потребностей – в принадлежности, власти, успехе (Д.Мак-Клелланд) или существовании, социальных связях, личностном росте (К.Альдерфер);

4. Отечественная психология труда стала развиваться с конца XIX в. в рамках «индустриальной психологии». Никаких разработок, специально исследующих проблемы мотивации труда, в то время не существовало. Это объясняется, прежде всего, тем, что в дореволюционной России не было необходимости в отдельной концепции труда в условиях господства «по умолчанию» традиционной (христианской) трудовой этики;

5. С установлением советской власти доминирующим направлением стала бихевиористическая линия в развитии психологии труда (А.К.Гастев, И.Н.Шпильрейн, К.Х.Кекчеев). В этой «новой индустриальной педагогике» проблема мотивации фактически выводилась за скобки и общий подход к труду человека ограничивался сугубо технологическими вопросами (повышение производительности труда, рационализация мышечных действий в трудовых операциях, тестирование с целью оптимального профотбора кадров и т.п.);

6. Марксистская психология труда эпохи «развитого социализма» более осторожно и сбалансировано подходит к проблеме мотивации труда. Предметом исследования становятся не столько психофизиологические аспекты труда, сколько социальные: трудовой коллектив, личность работника, его потребности, ценности и мн.др. (А.Г.Здравомыслов, В.А.Ядов, В.И.Чирков);

7. Современная отечественная психология труда в целом представлена в работах двух типов – продолжающих традиции советской психологии деятельности (В.А.Толочек, Е.А.Климов) и синтезирующих советский (марксистский) подход и наиболее известные западные теории (И.В.Доронина, Л.Г.Почебут, В.А.Чикер и др.). Проблемы мотивации в них решаются на базе тех идей, которые подробно рассмотрены в § 1.2.

2.2. Культурный смысл и психологические особенности земледельческого труда горожан-дачников

Мы полагаем, что дачное хозяйство в современной России – феномен не только и не столько экономический, сколько культурно-исторический, социально-психологический и, в определенном смысле, духовный.

Рост городов и сокращение сельского населения – это глобальный тренд развития мировой цивилизации, и Россия – не исключение (в настоящее время в России соотношение городских и сельских жителей соответственно 73% и 27% от численности всего населения [291]). Рассматривая этот процесс в рамках диалектики и дихотомии «естественное – искусственное», мы должны признать, что городская цивилизация объективно увеличивает и усиливает сферу искусственно-технического в жизни человека, одновременно генерируя все новые зоны конфликтных столкновений с естественно-природной средой. И проблема загрязнения окружающей среды – лишь вершина айсберга, лишь самая «раскрученная» СМИ тема последствий наступления искусственного мира на мир естественный. Гораздо более серьезные проблемы разворачиваются в самом человеке, в его внутреннем мире. Речь идет об изменениях образа мысли, чувствований, желаний, ценностей, идеалов и всего того, что, в конечном итоге, определяет образ реальной жизни. Разумеется, вопрос не стоит и не должен стоять «либо-либо», – нет же, речь идет о полноте бытия, о целостном человеке, соединяющем в себе как природное начало, так и неприродное, о гармонии Культуры и Натуры. И в свете этой задачи особым образом раскрывается культурный смысл земледельческого труда горожан-дачников. Узкая полоса земельных участков вокруг городов – это «мост» между городской цивилизацией и сельской, между землей и асфальтом, между архаикой и модерном¹⁸. Как мудро заметил однажды Д.С.Лихачев, «город не противостоит природе, он идет к природе через пригород» [134, с.18]. Дачное хозяйство – это «общая территория» встречи разных поколений и разных миров, это в определенном смысле символ континуума истории России.

Общеизвестно, что труд современного дачника имеет ряд характерных особенностей: во-первых, он связан непосредственно с работой на земле, во-вторых, этот труд, как правило, почти не механизирован (то есть – преимущественно ручной) и основывается на древних приемах земледелия (лишь последние годы дачникам стали доступны различные мотокультиваторы, современная агрохимия и т.п.). Скорость новаций в сфере данного способа производства минимальна – мы при всем желании не сможем найти принципиальных отличий в технологии труда среднестатистического дачника,

---

¹⁸ Мы здесь подразумеваем, что связь современности с архаикой – т.е. древностью, прошлым – есть необходимое условие развития культуры. Как и историческая память и почитание своих предков («любовь к отеческим гробам», как замечательно писал А.С.Пушкин) есть неустранимое условие культурного, социально-гражданского и нравственного развития отдельного человека.

например, «образца 1960 года» и «образца 2006 года». А способу производства – согласимся здесь с положениями классической политэкономии марксизма – соответствует определенный тип общественных и личностных отношений. К.Маркс был прав в том, что изменения технологические влекут за собой социальные перемены, а последние формируют и определенный тип культуры. Оставив за скобками вопрос содержательной оценки тех и других изменений, отметим такой важный момент: чем быстрее меняется способ производства, тем меньше вероятности формирования социокультурной традиции. Слабая изменчивость предполагает многократную повторяемость, высокую значимость хранителя секретов мастерства, носителя традиционных способов производства – то есть, по сути, все это означает саму возможность рождения традиции. Традиция – это то, что передается по наследству, потому что признается ценным, жизненно важным. Земледелие в этом плане есть одно из наиболее консервативных занятий человека.

До начала XX века 9/10 русского населения – крестьяне – и формировали то, что сегодня именуют «традиционной русской культурой». В неспешном ритме деревенской жизни кристаллизовывалась она, чтобы в итоге дать типическое своеобразие, культурную неповторимость той группе племен, которые ныне и есть русский народ. Конечно, не одни пахари формировали русскую культуру, но по факту многовекового преобладания в социальной системе России они явились несомненным ее фундаментом.

Земледельческая культура – колыбель всех цивилизаций [112]. Известно, что в истории человечества «земледелец положил начало древнейшим цивилизациям, совершил неолитическую революцию. На протяжении многих тысячелетий это был кормилец и строитель, защитник родины и создатель основ народной культуры» [246, с.8]. Известный русский мыслитель Ф.А.Степун замечал по этому поводу: «Если культура есть целостность мировоззрения и вытекающее из нее единство стиля, то не подлежит никакому сомнению, что крепко веровавший, по старине живший, тонко чувствовавший традиционный чин жизни...русский дореволюционный хлебороб был высококультурным человеком в самом подлинном и строгом смысле этого слова» (цит. по [101, с.56]). Ему вторил и Г.И.Успенский, великий писатель, знаток и защитник русской крестьянской культуры: русский землепашец – это «цельный человек, творец великого таинства возникновения жизни, творец будущего урожая» (цит.по [246, с.9]). По данным нашего исследования 78% опрошенных дачников всех возрастов (от 17 до 71 года) чувствуют, что земля – живая, 63% - иногда разговаривают с выращиваемыми растениями.

Земледелие, по мнению Св.Димитрия Ростовского, «есть самое необходимое искусство; ему научил человека Сам Бог, когда создал его. Итак, да не устыдится земледелец простого звания своего, и никто да не попрекнет его незнатностью происхождения его: из земледельцев выходили и цари, и святые угодники Божии» (цит.по [209, с. 189]).

Отметим характерные черты земледельческого труда, объективно вырабатывающиеся на протяжении многих тысячелетий:

- Подчиненность ритмам природы;
- Признание силы и объективности законов Природы;
- Невозможность по своему капризу заставить землю давать урожай вопреки законам природы;
- Необходимость приложения культурных умений, знаний, любви и заботы, т.к. хотя все, что произрастает из земли – растет само, но требует искусственных усилий человека;
- Земледельческий труд – тяжел («летняя страда» - от глагола «страдать»), хлеб (урожай) добывается по-библейски - «в поте лица»;
- Благоговение перед щедростью Земли, поскольку она в ответ на приложенный труд и любовь нередко дарит урожай даже сверх ожидаемого, то есть отдает некоторую часть плодов бескорыстно, даром;
- Традиционно земледелие предполагало сочетание индивидуального и коллективного труда (в рамках семьи и общины), что вырабатывало два важных качества – личную ответственность и способность работать «артельно», в кооперации с другими людьми.

Все эти особенности труда объективно формировали исторически-конкретный личностный характер земледельца, частью которого являлись:

- Способность терпеливо ждать созревание плодов, не торопить события – отсюда степенность, размеренность, терпение;
- Признание силы Природы и осознание ограниченности сил человека – отсюда глубокое религиозное чувство благоговения перед Природой и ее Творцом, интуиция смирения и любви к Богу и Его Творению;
- Способность терпеть напряженный труд, переносить страдания труда – отсюда выносливость, неприхотливость, упорство, сила воли;
- Способность следовать ритму природных циклов – отсюда спокойное принятие трудностей, неурожая (шире – горестей, бед) и естественный переход к веселью и радости;
- Способность пережить трудности – отсюда умение ценить скупые радости жизни;
- Способность принимать дары природы – отсюда умение быть благодарным, щедрым, умение дарить другим свой труд, его плоды, доброту души;
- Способность осуществить индивидуальным усилием весь цикл сельскохозяйственных работ – что вырабатывало чувство ответственности за результат и чувство достоинства подлинного творца жизни;
- Способность работать в коллективе, сообща – отсюда навыки терпимого отношения к другим, уживчивость, уважение к инаковости.

«Дачный способ производства», как уже отмечалось выше, по-прежнему в целом базируется отнюдь не на передовых сельхоз.технологиях. Но если для «чистых» экономистов, озабоченных темпами реформ и проблемой рыночной модернизации России, это представляется знаком «отсталости» (такова,

например, тональность цикла исследований Р.И.Капелюшникова¹⁹ [98]), то для нас это совсем не очевидно. Как не очевидно и то, что «прогресс» заключается в непрерывном движении к новизне с неизбежным отрицанием старины (или в лучшем случае – снисходительным разрешением старине на статус этнографической резервации в бурно меняющемся современном мире). Здесь уместно отметить, что христианская составляющая русской культуры выработала определенную позицию в отношении европейской теории прогресса. Вот что писал по этому поводу св.Иларион (Троицкий) в начале XX в.: «Идеал Православия есть не прогресс, но преображение...Новый Завет не знает прогресса в европейском смысле этого слова, в смысле движения вперед в одной и той же плоскости. Новый Завет говорит о преображении естества и о движении вследствие этого не вперед, а вверх, к небу, к Богу» (цит. по [213, с.317]).

Наше время – начало XXI века – характеризуется столь стремительными изменениями во всех сферах жизни, начиная с технологий и заканчивая социокультурными процессами, что *традиция просто не успевает сформироваться*. И возникает очень серьезный вопрос – а будет ли являться полноценным народом то сообщество, которое не может (или не хочет) опираться на какую-либо традицию? Имеет ли будущее народ, не создающий традицию, не успевающий ее создавать? Чем в таком случае будет русский народ? Или это уже будет не русский, а какой-то другой народ? С этой точки зрения причастность труда современных горожан-дачников «дедовским» способам работы на земле и соответствующим формам человеческих отношений в процессе и по поводу этой работы, получают культурный смысл – как *специфической формы жизнедеятельности, в которых продлевается жизнь русского народа*. Не единственной, но все-таки одной из необходимых форм. И даже не столь важно – нужна ли заставляет современного человека вскапывать грядки, чудачество ли, привычка ли – важен результат: работая «в поте лица» на своем клочке земли, ухаживая за посадками, человек начала XXI века начинает лучше понимать своих предков, а те – наблюдая все это с высоты Царства Небесного – понимать и принимать его как свое продолжение. Если это так, то и современный человек живет не зря, и наши предки прожили не напрасно – они оправдывают существование друг друга, так как в этой духовной общности забот и радостей рождается чувство причастности к одному народу, к одной истории.

---

¹⁹ Выводы, к которым приходит исследовательская группа Р.И.Капелюшникова, выдержаны в духе экономического либерализма директора ГУ-ВШЭ Е.Г.Ясина: массивный сектор самообеспечения есть аномалия в системе рыночной экономики (низкая монетизация сектора, слабая мобильность работников из-за буквальной привязанности к определенному клочку земли и т.п.), работа в ЛПХ – это одновременно и «недоиспользование человеческого капитала», и «ускоренный физический износ трудовых резервов» (ведь трудиться приходится тяжело и параллельно основному занятию). Вывод – завершение рыночных преобразований естественным образом сократит (в идеале - до минимума) участие в ЛПХ как сельских жителей, так и горожан. Другими словами, либеральная рыночная экономика и ЛПХ (включая дачное земледелие) несовместимы.

Упрощенно-обыденный взгляд на труд дачников можно свести к следующей оценке: во-первых, этим занимаются бедные слои населения, пытаясь компенсировать нехватку средств жизни (например, продуктов питания) за счет сезонной работы на своем участке земли; во-вторых, этим «болеют» люди старшего поколения, со «старой закваской», многие из которых, кроме как из-за бедности, тянутся к земле еще и по факту своего деревенского происхождения; В целом аргументы в доказательство вышеизложенных взглядов понятны, логичны, но все-таки недостаточны и требуют отдельного исследования.

В советское время в садах и огородах дачник выращивал то, что государство не могло или не хотело производить – хорошего качества овощи, зелень, ягоды и т.п.. Реформы 90-х ситуацию кардинально не изменили: в магазинах, в отличие от советских времен, появилось все, но оно перестало быть доступным по цене быстро беднеющему населению. Объективная нужда в дачном хозяйстве сохранилась. Казалось бы, что социально-экономический фактор бедности является определяющим. Но по данным опроса населения по вопросам занятости (ОНПЗ) за 2004 год выясняется, что хотя в процентном отношении к основным доходам продукция личных подсобных хозяйств (а дачное хозяйство является ее основной частью – около 2/3) покрывает у бедных слоев россиян около 11 %, а у состоятельных слоев – менее 5 %, но в абсолютных цифрах богатые получают от ЛПХ в несколько раз большую прибавку к своим доходам – 260 рублей на одного члена семьи против 80 рублей у бедных [165]. Это означает, что не одной бедностью держится дачное хозяйствование, что и весьма состоятельные люди занимаются земледельческим трудом (к слову, любой наблюдательный человек подтвердит, что по весне в современной России забитый помидорной рассадой «Мерседес» совсем не редкость).

С другой стороны, именно с изменением экономической ситуации в последние несколько лет стали проявляться некоторые специфические черты психологии дачников. Насыщение рынка относительно дешевой сельхозпродукцией (прежде всего из регионов Средней Азии) поставило всерьез вопрос о целесообразности и рентабельности дачного хозяйства. Рациональный подход с сугубо экономических позиций заставляет признать, что дачное хозяйство скорее убыточно, чем прибыльно. Но как показало наше исследование, для дачников это не является убедительным аргументом: 86,5% всех опрошенных (n=106) всех возрастов сошлись во мнении, что дачное хозяйство – не бизнес, а образ жизни (следовательно, к нему не приложимы критерии экономической целесообразности); лишь 10% старшего и среднего поколения (условно мы определили эту категорию как «51 год и старше» и «от 26 до 50 лет» соответственно) признали, что часть урожая продают на рынке, но при этом и они, и представители младшего поколения («до 25 лет») – то есть 100% всех опрошенных – признали, что не ведут никакого учета расходов и доходов дачного хозяйства. С тем, что дача есть средство выживания согласились 29% представителей всех трех поколений (из них уверенно признали это лишь 14, 15 и 10%% соответственно). Таким образом, вырисовывается картина, косвенно

подтверждающая предварительную гипотезу: дело не в экономике, не в деньгах, не в бедности.

Вопрос о возрастных границах «настоящих дачников» также оказался сложнее, чем виделось со стороны. Обнаружилось, что молодое поколение («до 25 лет») дает по многим вопросам разработанной нами анкеты в рамках методики «Мотивация труда горожанина-дачника» (МТГД) вполне традиционные ответы, схожие со взглядами поколения старшего («после 51 ») и среднего («от 26 до 50»). Например, своими агрономическими достижениями гордятся 69% представителей молодого поколения (у старшего и среднего поколений – 68 и 72%% соответственно), а любовь к земле хотели бы передать своим детям и внукам 67% «молодежи» (у старшего и среднего поколений – 88 и 81%% соответственно), при этом 64% молодых дачников, в свою очередь, считают, что им эта любовь передалась от родителей (предков) (у старшего и среднего поколений эти цифры соответственно 69 и 85%%). Таким образом, если гипотетически «чистый тип» огородника-дачника традиционно связывается с образом человека старшего поколения (что, в целом, подтверждается данными нашего исследования), то можно говорить о различных степенях приближенности к «идеальному типу» в лице не только среднего поколения, но и молодого.

Можно констатировать, что дачный тип хозяйствования за последние несколько десятилетий сформировал особую психологическую установку его представителей, и мы вправе попытаться определить ее специфику, ее детерминанты и частные проявления. С другой же стороны, мы должны ясно понимать, что рурализация (от англ. rural – сельский, деревенский) – как антипод урбанизации и индустриализации – российской жизни второй половины XX века не является случайностью и сама может быть объяснена особенностями национальной русской психологии.

Выводы по § 2.2.

1. Дачное садово-огородное хозяйство следует рассматривать в рамках глобальной проблемы взаимодействия естественного и искусственного и, в частности, в рамках отношения городской и сельской цивилизации. Дача – это «мост» между городом и деревней, это медиатор двух типов культур;

2. Земледельческий труд требует определенных трудовых навыков и качеств от человека, которые, повторяясь и закрепляясь, составляют в итоге особый тип характера. Мы относим к земледельческому типу характера такие качества, как терпение, благоговение перед Природой и ее Творцом, способность напряженно и долго трудиться, естественность в переживании горестей и радостей, уживчивость с другими людьми, чувство городости и ответственности за плоды своего труда и нек.др;

3. Дачник есть прямой наследник крестьянской культуры не только и столько по социальному происхождению («дачную психологию» в нашем исследовании демонстрируют значительное количество горожан во втором

поколении), сколько по образу жизни и типу деятельности. Это значит, что дачник объективно сближается по нравственно-ценностным ориентациям и психологическим характеристикам со своим недавним предком – русским крестьянином;

4. Мы полагаем, что дачное хозяйство в современной России – феномен не только экономический, но и в значительной степени культурно-исторический, социально-психологический, духовный.

2.3. Дачное хозяйство и труд горожан-дачников в материалах научных исследований.

Масштабы участия россиян в садово-огородном (дачном) хозяйстве поражают воображение: количество занятых в этом секторе хозяйствования может достигать, по косвенным оценкам, до половины всего трудоспособного населения России [165]. Официальные данные статистики за 1999 год показывают, что владельцами садов и огородов (*без учета приусадебных участков сельских жителей*) являются 19 миллионов 243 тысячи семей [205, с.202], и если мы предположим численный состав среднестатистической семьи в 3,3 человека (что соответствует размеру российской нуклеарной семьи при коэффициенте суммарной рождаемости в 1,2-1,3 [206, с.12]), то с дачной хозяйственной жизнью так или иначе (прямо или косвенно) связаны без малого 70 миллионов жителей России, то есть почти половина всего населения, включая стариков и младенцев. Пропорциональные цифры мы получили и по Новосибирской области (любезно предоставленные статистической группой Агропромышленного комитета Администрации НСО): на 2001 год по области зарегистрировано 352.539 членов садово-огородных товариществ, что дает (с членами семей этих владельцев) в итоге около 1 миллиона жителей из 2 миллионов городского населения НСО [161]. По последним опросам Фонда «Общественное мнение» (2005 год) 66% россиян имеют дачный, садовый или приусадебный участок (91% сельчан, 68% жителей малых городов и 47% жителей мегаполисов), т.е. около 94 млн чел. [65, 66]. Сопоставимые данные предоставляет Росземкадастр (2002 год): приусадебными и дачными земельными участками, коллективными и индивидуальными огородами владеют около 35 млн. семей, то есть доступ к земле имеют не менее 70 млн. человек или 2/3 всего взрослого населения страны [98, с.110].

И при этом реальность нашей жизни, к которой причастен фактически каждый второй россиянин, до сих пор не является ни вопросом внятной социально-экономической политики, ни предметом комплексных научных исследований. К своему глубочайшему удивлению, мы не смогли найти в фондах ГПНТБ и других библиотек Новосибирска²⁰ *ни одной работы* (ни в формате монографий, ни в виде статей в научных сборниках или в специализированных журналах за последние 15 лет), в которой бы делалась попытка осмыслить этот

---

²⁰ Были проанализированы каталоги ГПНТБ, библиотеки аграрного и педагогического университетов.

феномен системно и глубоко. Дальше агротехнических советов (выбор семян, устройство теплиц, использование удобрений и т.д. и т.п.) дело, как правило, не идет. (Исключением можно назвать лишь объемистый труд (448 страниц) коллектива авторов Хабаровска, сделавшего попытку обобщить 30-ти летнюю историю развития дачного движения в крае, но и в нем преобладали материалы публицистическо-мемуарного жанра [67]).

С начала 90-х годов интерес к дачному хозяйству проявляют экономисты и социологи, но и в их исследованиях делаются лишь первые шаги. Как указывает Р.И.Капелюшников, опросы населения по проблемам занятости (ОНПЗ) ведутся в России с 1992 года, но корректная формулировка анкеты по ЛПХ, позволяющая учитывать и дачное хозяйство горожан, появилась лишь в 2001 году.

Дачный тип хозяйства горожан представляет несомненный интерес с точки зрения экономической эффективности. Она достаточно высока. Например, в 1992 году, владея лишь 1,3% всех пахотных угодий страны [202, с.417], владельцы садов и огородов давали 25% валового сбора картофеля, 28% - овощей и 37% - плодов и ягод [202, с.462]. В 2002 году весь сектор ЛПХ (личных подсобных хозяйств), то есть - садово-дачные участки горожан и приусадебные участки сельчан (в сумме 5,6 % всех сельхоз.земель) обеспечивал 90% урожая картофеля, 80% - овощей, 50-58 % - мяса и молока [98, с.113]. Р.И.Капелюшников по этому поводу замечает, что «на данный момент свыше половины всей сельскохозяйственной продукции в России обеспечивают ЛПХ²¹... Парадоксальность ситуации трудно переоценить: в обществе, которое по многим признакам приближается к постиндустриальному, миллионы людей занимаются примитивным ручным трудом, практически без применения машин и оборудования, и этот труд обеспечивает более половины всей производимой сельскохозяйственной продукции!» [165].

История развития массового дачного хозяйства в России начинается с конца 50-х гг. XX в., с Приказа №681 от 24 декабря 1955 года Министерства сельского хозяйства РСФСР «О дальнейшем развитии садоводства рабочих и служащих». На сегодняшний день правовой базой деятельности садоводов-огородников являются: 1) Указ Президента РФ от 7 июня 1996 года № 819 и постановление Правительства РФ от 27 июня 1996 года № 758 «О государственной поддержке садоводов, огородников и владельцев личных подсобных хозяйств»; 2) Федеральный Закон №66-ФЗ «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» от 15 апреля 1998 года (с изменениями на 2 ноября 2004 года).

Как подчеркивает Р.И.Капелюшников, «хотя нерыночный аграрный труд имеет давнюю традицию в истории России, массового вовлечения городского населения в сельскохозяйственную деятельность не существовало ни в царское

---

²¹ Отметим, что ЛПХ – это не сельскохозяйственные предприятия традиционного типа и не крестьянские фермерские хозяйства, а подсобные хозяйства населения, включающие приусадебные земельные участки сельских жителей и сады – дачи - огороды горожан.

время, ни в первые десятилетия советской власти. Начало этого процесса датируется 1960-ми годами» [98, с.110].

В советскую эпоху аграрный характер дореволюционной экономики России трактовался как признак «отсталости», и массовая миграция сельского населения в города (и до и после индустриализации 30-х годов) оценивалась, в целом, положительно – как с «классовой позиции», так и с экономической точки зрения. Одновременно из аграрной жизни активно вытеснялись все «несоциалистические» формы хозяйствования, поэтому мелкий частник-домохозяин со своим огородом по социально-политическому статусу был ниже не только городского безземельного пролетария, но и так называемой «сельской интеллигенции», которая и сама мечтала в будущем освободиться от работы на огороде.

Можно сказать, дачный тип хозяйства с самого рождения оказался в двойной социально-политической и психологической изоляции (во всяком случае, со стороны официальной идеологии): и как «рудимент» отсталого (аграрного) прошлого, и как «отголосок» частно-собственнической стихии человека. Очень распространенной практикой была раздача участков на почти непригодных землях (крутые склоны, болотистые низины, суглинок и т.п.). Налагались также различные ограничения на размер участка, на тип построек на нем. Но жизнь показала, что выносливый и неприхотливый дачник умел обустроить практически любой по качеству клочок земли и выращивать на нем то и столько, чего и сколько не могли произвести гиганты-совхозы и колхозы.

С момента зарождения феномена дачного хозяйства в СССР отношение к нему официальных властей (и, следовательно, официальной науки) было двойственным, неопределенным, поскольку наделение советских граждан земельными участками рассматривалось как *вынужденная уступка обстоятельствам и временная мера*. А если это не «всерьез и надолго», то не было и необходимости это научно изучать.

В Толковом словаре В.Даля «дача» - это «небольшая поземельная собственность, некогда даровая, от царя, или данная по дележу, по отводу; угодья и земли округленные, обмежеванные, собь владельца или общества...// Загородный дом, заимка, хутор, мыза, отдельная усадьба, жилье вне города» [64, с.678]. В Советском энциклопедическом словаре 1979 года слова «дача» нет, а есть «дачно-строительный кооператив» - добровольное объединение граждан для строительства и эксплуатации дач на выделенном для этого участке земли и на собственные средства. Однако в Словаре русского языка (издательство АН СССР, 1981 год) слово дача есть и оно означает «1) загородный дом для летнего отдыха городских жителей...; 2) часть лесничества, выделенное в самостоятельное хозяйство...» (цит.по [67, с.59]).

Дачное хозяйство подпадает под категорию «неформальной» («ненаблюдаемой») экономики (ненаблюдаемой, прежде всего, официальной статистикой). Труд в этой сфере социологи относят к формам «вторичной занятости», то есть занятиям, дополняющим основной способ заработать средства на жизнь. В отличие от различных форм теневой экономики, дачное

хозяйство является легальным и в целом доступным средством дополнительного повышения уровня жизни. В экономической литературе дачный тип хозяйства определяется как составная часть личного подсобного хозяйства, куда также относят деятельность на приусадебных земельных участках сельских жителей. Используется также понятие «домашнего хозяйства» [98]. Все это раскрывает главное содержание труда в сфере дачного хозяйства – получение дополнительного источника существования на основе принципа самообеспечения.

Доля «натурального хозяйства», то есть нерыночного, немонетарного сегмента в этом типе хозяйства была и остается очень высока. Из всего урожая всех форм ЛПХ в 2002 году поступало на рынок: картофель – 10%, овощи – 8%, мясо и молоко – 20% [98, с.113]. Этому способствовали и конкретные социально-экономические факторы («уход» государства из сферы обеспечения населения всем необходимым, экономический кризис и др.). Либеральные реформы 90-х гг. фактически отбросили страну на несколько десятилетий назад. Например, в сельской местности в период с 1991 по 2003 годы отмечается заметное (с 45-50% до 22-26%) уменьшение уровня механизации работ с одновременным ростом использования конно-ручного (с 5-7% до 12-15%) и ручного (с 15-20% до 57-60%) способов труда [226].

Вообще всплеск «вторичной занятости» обычно наблюдается в сложные, нестабильные переходные периоды, - это и произошло в 90-е годы прошлого века в России [58, 226, 110, 103, 53, 98, 231, 148]. Главным мотивом многих тогда было выжить²². По подсчетам И.Масловой и Т.Бараненковой, дополнительной деятельностью на неформальной основе в среднем за 1997-2001 годы занимались до 76,7 % трудоспособного населения [148, с.90]. Причем, как отмечает Карин Клеман, современная французская исследовательница российской специфики трудового поведения, об этом труде в сфере неформальной занятости часто не пишут, не говорят, будто его и нет, и называют русских «лентяями», да и сами рабочие «не осознают степень своей сверхработы» [103, с.71].

Таким образом, по данным *экономических и социологических* исследований можно выделить следующие специфические характеристики труда современных горожан-дачников:

1. Высокая доля немеханизированного (ручного) труда.
2. Высокая доля натуральности хозяйства (производство преимущественно «для себя», а не для продажи на рынке).
3. В целом высокая экономическая эффективность ЛПХ (продуктивность с единицы сельхоз.угодий) – прежде всего, за счет индивидуальных трудовых усилий, старания и мастерства.
4. Большой процент занятости дачным хозяйством (среди горожан – 47% [98])

---

²² Это происходило на фоне резкого сокращения объемов производства крупных сельхоз.предприятий: с 1980 г. по 2002 г. их доля в валовом сельхоз.продукте снизилась с 71% до 42%, а доля ЛПХ выросла с 29% до 53% [98].

По опросам социологов можно восстановить наиболее значимые мотивы ведения дачного хозяйства для конкретных групп населения. Так, по опросу Фонда «Общественное мнение» в 2001 году выяснилось, что [102]:

1. Приусадебные участки имеют 94% сельских и около 50% городских жителей;

2. 73 % респондентов связали свой труд на огороде или даче с необходимостью полностью или частично обеспечить свою семью основными продуктами питания;

3. Лишь 3% опрошенных ничего не выращивают на своей земле;

4. Около 5% стараются продать часть урожая на рынке.

Ответы респондентов различаются и в зависимости от уровня доходов и степени близости к крупным городам (опрос 2005 г.) (Таблица 1) [65].

Таблица 1

Вопрос: "Ваш садовый, дачный или приусадебный участок нужен Вам прежде всего для того, чтобы..." (Карточка. Не более трех ответов.)

	Доход на члена семьи, руб.			Тип населенного пункта				
	до 1500	1501 - 2999	3000 и более	Москва	мегаполис	большой город	малый город	село
Обеспечить свою семью основными продуктами питания	75	71	50	25	23	56	69	80
Иметь некоторое подспорье в обеспечении семьи продуктами	43	42	34	21	40	39	40	42
Отдохнуть, получить удовольствие от общения с природой	13	23	48	75	65	37	25	13
Вывозить детей на время каникул	3	4	10	37	13	5	4	1
Общаться, приглашать друзей	3	4	13	25	15	17	6	3

Таким образом, общая тенденция такова: чем выше доходы и чем ближе к мегаполису – тем менее выражен мотив экономический (обеспечение семьи продуктами) и тем более выражен мотив рекреационный (отдых, общение, удовольствие для себя и/или для детей). Для сравнения с аналогичным опросом в 2001 г.: среди опрошенных жителей мегаполисов доля утверждающих, что

дачный участок нужен им прежде всего для обеспечения семьи продуктами, снизилась с половины до четверти, а доля утверждающих, что он нужен им для отдыха, напротив, увеличилась с половины до двух третей [65].

Поскольку *психологических* исследований мотивации труда горожан-дачников в России до сих пор не проводилось, мы будем опираться на данные, полученные нами в ходе экспериментальной части подготовки диссертации.

Выводы по § 2.3.

1. В дачном хозяйстве принимают прямое или косвенное участие около половины всего населения России;
2. До настоящего времени системных психологических исследований этого феномена не проводилось. Первенство принадлежит экономистам и социологам, и то отсчет начала серьезных разработок относится не ранее конца 90-х гг.;
3. Дачники демонстрируют высокоэффективное хозяйство, что свидетельствует об умении работать;
4. В структуре дачного хозяйства (как и в целом ЛПХ) преобладает натуральное производство и потребление. Не более 5 % дачников стараются реализовать плоды своего труда на рынке;
5. Дачное хозяйство – это весьма значительный сегмент «вторичной занятости» населения, один из способов дополнительного заработка. Его массовость опровергает обывательский миф о «русской лени» и свидетельствует о способности и желании россиян трудиться;
6. По данным социологических опросов экономические мотивы ослабляются с ростом благосостояния, уступая мотивам рекреационным и коммуникационным.

Глава III. Экспериментальное исследование социокультурных оснований мотивации труда современных горожан-дачников

3.1. Организация и методы экспериментальной работы

Для подтверждения положений, выдвигаемых на защиту, нами было проведено экспериментальное исследование ценностных оснований мотивации труда современных горожан-дачников, структура которого включала в себя следующие компоненты: формулирование предварительной гипотезы; составление плана исследования, включающего выбор исследовательских методик, определение и обоснование выборки; проведение пилотажного эмпирического исследования; анализ результатов пилотажного исследования и корректировка плана исследования; проведение основного этапа эмпирического исследования; анализ данных и их интерпретация; выводы по итогам экспериментального исследования. В качестве основных методов эмпирического исследования выступили: наблюдение, включенное наблюдение, письменный опрос, методы статистического анализа, содержательный анализ данных. Были задействованы 4 исследовательские методики:

1. Авторский опросник «Мотивация труда горожанина-дачника» (МТГД);
2. «Диагностика полимотивационных тенденций в «Я-концепции» личности» С.М.Петровой;
3. Модифицированная методика исследования ценностных ориентаций М.Рокича;
4. Методика «4 вопроса» Н.Я.Большуновой.

Методы статистической обработки включали корреляционный анализ по критерию Спирмена, факторный анализ, выявление значимых различий в уровне исследуемого признака по критерию ϕ^* Фишера (углового преобразования Фишера).

В целом в исследовании приняло участие 218 человек (77 – в пилотажном исследовании и 141 – в основном исследовании). В том и в другом исследованиях участвовали только горожане, имеющие дачи и занимающиеся земледельческим трудом на своем дачном участке. В ходе анализа результатов пилотажного исследования был сделан вывод о необходимости усложнить выборку введением так называемой «фоновой группы», в которую бы вошли те, кто не имеет дачи и не участвует в данном виде труда. Этот шаг позволил более контрастно, выпукло выявить специфические характеристики основной группы (то есть группы дачников). На основном этапе эмпирического исследования респонденты (n=141) были разделены на 2 группы - основную (дачники) (n=106) и «фоновую» («недачники») (n=35). По гендерным, возрастным характеристикам, а также по месту рождения (село, поселок городского типа, город) обе группы не имеют значимых различий.

Общая характеристика выборки на основном этапе эмпирического исследования:

Общее количество респондентов: 141 человек, из них «дачников» – 106 (75%), «недачников» – 35 (25%).

Возраст респондентов (n=141): от 17 до 71 года.

Распределение по возрасту: в группе «дачников» (n=106): до 25 лет – 43 чел. (40,5%), от 26 до 50 лет – 43 чел. (40,5%), 51 год и старше – 20 чел. (19%); в группе «недачников» (n=35): до 25 лет – 15 чел. (42,8%), от 26 до 50 лет – 12 чел. (34,3%), 51 год и старше – 8 чел. (22,9%)²³.

Гендерный состав (n=141): женщины – 101 (71,6%), мужчины – 40 (28,4%).

Гендерный состав дачников (n=106): женщины – 75 (70,7%), мужчины – 31 (29,3%); гендерный состав «недачников» (n=35): женщины – 26 (74,3%), мужчины – 9 (25,7%).

Происхождение по месту жительства (n=141): родившиеся в селе – 34 (24%), в поселке городского типа (ПГТ) – 12 (8,5%), в городе – 95 (67,5%).

Происхождение по месту жительства дачников (n=106): село – 27 чел. (25,5%), ПГТ – 7 (6,6%), город – 72 (67,9%).

Происхождение по месту жительства «недачников» (n=35): село – 7 (20%), ПГТ – 5 (14,3%), город – 23 (65,7%).

Эмпирическое исследование проводилось в виде анонимного комплексного опроса в письменном виде. Комплект заданий состоял из 5 разделов: первый раздел представлял из себя краткую анкету (перечень вопросов) по индивидуальным параметрам респондента (возраст, пол, место рождения и т.п. – см. Приложение 1), четыре других – задания по 4 исследовательским методикам.

Пилотажное исследование, проводившееся автором в течение 2004-2005 гг. имело целью проверить предварительную гипотезу и провести апробацию авторской методики МТГД. В пилотажном эксперименте участвовало 77 человек в возрасте от 17 до 67 лет. Результаты, полученные в ходе апробации опросника МТГД, совпадают по ключевым параметрам с данными основного этапа исследования, что свидетельствует о надежности методики (результаты пилотажного исследования изложены в статье автора «Психология российского дачника в категориях исторической психологии: введение в проблематику явления» [219]). Сопоставительный анализ с показателями второй методики (С.М.Петровой), направленной на выявление мотивационных тенденций дачников, свидетельствует о релевантности вопросов опросника МТГД задачам исследования (см. следующий параграф).

Описание исследовательских методик

Первая методика - авторская разработка «Мотивация труда горожанина-дачника» (МТГД) (Приложение 2). Состоит из 30 утверждений, на которые нужно дать ответ в диапазоне от «да, совершенно согласен» до «нет, совершенно не согласен» с промежуточными степенями согласия («скорее да, чем нет» и

---

²³ Соотношение возрастных параметров внутри обеих групп может быть рассмотрено и по другому критерию - «до 40 лет» и «после 40 лет». В группе дачников это соотношение 62 к 44 (58,5% и 41,5% соответственно), в группе «недачников» - 19 к 16, или 54% и 46% соответственно.

«скорее нет, чем да»). С целью математической обработки полученных данных нами была введена 4-х балльная шкала в соответствии с типом ответа: «да» - 4 балла, «скорее да, чем нет» - 3 балла, «скорее нет, чем да» - 2 балла, «нет» - 1 балл.

Апробация опросника МТГД в пилотажном эксперименте позволила зафиксировать три основные мотивационные тенденции, условно названные «душа всего дороже», «нормативно-нравственная» и «индивидуализм – прагматизм». Коррекция методической компоненты опросника состояла в селекции вопросов, в их группировании и дополнительной маркировке краткими индексами, соответствующими одной из трех гипотетических мотивационных тенденций. Образовалось 3 группы по 10 вопросов (представленных в опроснике вразброс). Первая группа – утверждения № 2, 7, 8, 9, 10, 11, 22, 23, 24 – мотивационная тенденция «Душа всего дороже» (сокращенный индекс – «двд»). Вторая группа – утверждения № 1, 3, 4, 5, 14, 15, 16, 25, 26, 27 – мотивационная тенденция «Индивидуализм – прагматизм» (сокращенный индекс – «ип»). Третья группа – утверждения № 6, 12, 13, 17, 18, 19, 20, 21, 29, 30 – мотивационная тенденция «Нравственно - нормативная» (труд как нравственная норма) (сокращенный индекс – «нн»). Были проанализированы (методом факторного анализа) данные как по каждому отдельному утверждению, так и по средним показателям по трем основным мотивационным тенденциям, описанным выше.

Вторая методика - «Диагностика полимотивационных тенденций в «Я-концепции» личности» (вариант А) С.М.Петровой [244, с.86-89]. В ее основе – анализ общих мотивационных тенденций респондентов на материале русских пословиц. Стимульный материал представляет из себя список из 32 пословиц и поговорок, сгруппированных парами и составляющих в итоге 16 мотивационных тенденций (Приложение 3). Методологической базой данной методики выступили идеи Б.И.Додонова о связи ценностей, эмоций и мотивации [70]. Поскольку в исследовании принимали участие не только студенты вузов, но и представители других возрастных групп и профессий, то решающим аргументом в пользу выбора данной методики была ее простота и доступность для некоторой части испытуемых (для которых сложное интеллектуальное задание потенциально могло стать препятствием в ответах – например, для пожилых людей, представителей «неинтеллектуальных» профессий и т.п.). Достоинством методики может быть названа и полисемантическая утверждений, для оценки которых требуется не только рациональное суждение, но и интуиция и эмоциональное отношение. Как замечает сама С.М.Петрова, «использование стимульного материала в виде пословиц для изучения мотивационной сферы личности обусловлено их близостью к архетипическим образованиям психики и ментальным формам сознания, а также их образностью, понятностью, должным эмоциональным потенциалом» [244, с.86].

Третья методика - модифицированная методика исследования ценностных ориентаций RVS (Rokeach Value Survey) американского психолога Милтона Рокича. Функциональность и удобство данной методики основывается на двух ее принципах: во-первых, предварительное разделение ценностей на две

группы (терминальные и инструментальные ценности), во-вторых, использование прямого ранжирования ценностей.

Тщательный анализ содержания текста методики М.Рокича и его сравнение с русским переводом показали, что современные российские исследователи пользуются русскоязычным вариантом данной методики, восходящим к работам советского периода. Адаптация методики М.Рокича на русском языке (и её выборочное использование) впервые была выполнена в рамках исследовательского проекта Института конкретных социальных исследований АН СССР «Соотношение ценностных ориентаций и реального (явного) поведения личности в сферах труда и досуга» под руководством В.А.Ядова в самом конце 60-х гг. [136, 137])²⁴. Следующим этапом модификации данной методики применительно к социокультурным реалиям СССР стала работа на психологическом факультете МГУ в 1984-1986 гг., плодом которой явился «Практикум по психодиагностике» под редакцией А.И.Зеличенко, И.М.Карлинской, В.В.Столина и А.Г.Шмелева [190]. Именно из этого издания перепечатываются до сих пор стандартная инструкция и перечень ценностей по методике М.Рокича (см., напр., [144, 56, 292, 293]). Для выяснения характера «адаптации» автором был осуществлен перевод с английского языка с нескольких параллельных текстов, восходящих к оригиналу и доступных в Интернете [285, 286, 287, 290]. Сравнение с оригиналом показало, что из списка терминальных ценностей были удалены такие ценности, как «Мир во всем мире» (a World at Peace, a world free of war and conflict), «Равенство» (Equality, brotherhood and equal opportunity for all), «Национальная безопасность» (National Security, protection from attack), «Спасение души» (Salvation, saved, eternal life), «Самоуважение» (Self-Respect, self-esteem). Вместо них были введены: «Интересная работа», «Познание», «Развитие», «Счастье других» и «Творчество». Набор инструментальных ценностей также изменился: в русском варианте исчезли «Богатое воображение» (Imaginative, daring, creative), «Способность любить» (Loving, affectionate, tender) – вместо них появились «Твердая воля» и «Непримиримость к недостаткам в себе и в других» [190, с. 158-159]. (Стандартный российский вариант представлен в Приложении 4, оригинальный список М.Рокича – в Приложении 5, перевод на русский язык оригинальной версии, выполненный автором диссертации, размещен в Приложении 6).

Надо сказать, что и используемые на Западе варианты теста М.Рокича имеют некоторые различия между собой: так, например, в списке терминальных ценностей чередуются «Счастье» (Happiness, contentedness) и «Здоровье» (Health,

---

²⁴ В практической части исследования был предложен, в частности, набор из 7 ценностей: «хорошие друзья», «любимая работа», «здоровье», «семейное счастье», «удачливость в делах», «бытовой комфорт», «материальный достаток» (эксперимент Г.И.Саганенко [136, с.40-46]). В опубликованном чуть позже втором выпуске фигурирует другой список (9 позиций): «личная жизнь», «друзья», «удовлетворенность работой», «чистая совесть», «общая хорошая обстановка в государстве, в обществе», «материальная обеспеченность», «творчество», «веселое времяпровождение», «продвижение по службе» (эксперимент З.И.Файнбурга [137, с.59-99]).

physical and mental well-being), а среди инструментальных ценностей – «Жизнерадостность» (Cheerful, lighthearted, joyful) и «Преданность» (Loyal, faithful to friends or the group) (ср., например, [290] и [287]).

Мы полагаем, что введение в «советский вариант» в середине 80-х годов таких ценностей, как, например, «Непримиримость к недостаткам в себе и в других», «Твердая воля» и «Счастье других» с одновременным изъятием ценностей «Спасение души», «Способность любить» и «Самоуважение» [190] могло быть политическим и идеологическим заказом (даже если он и не был открыто и прямо высказан)²⁵. Так, например, в докладе В.А.Ядова на VIII Всемирном социологическом конгрессе в 1974 году был подвергнут критике сам набор ценностей у М.Рокича – по мнению докладчика, «комфорт», «жизнь, полная удовольствий» и т.п. подспудно ориентировали респондентов на индивидуализм и «уход в личные проблемы», что неприемлемо для советского труженика [278, с.8]. Позже, в середине 80-х гг., неприятие оригинального списка ценностей сохраняется, хотя аргументация усложняется: часть ценностей – «Равенство», «Национальная безопасность», «Мир во всем мире» - признаются «абстрактными, имеющими смысл только в контексте больших социальных групп», а не «выступающими в качестве мотивов индивидуальной деятельности» [190, с. 151].

Добавим, что с технической точки зрения различия в списке предлагаемых ценностей затрудняют кросскультурные исследования. Так, например, по данным трех опросов американских студентов Университета Эшланда (Ashland University), штат Огайо, проведенных по методике М.Рокича в 1999-2002 годах, ценность «Спасение души» устойчиво лидирует по критерию «первого выбора» («by First Choice») [285], в то время как российские студенты лишены самой возможности высказаться на эту тему, так как в русскоязычном варианте методики М.Рокича до сих пор этой ценности нет²⁶.

В конечном итоге нами был взят за основу оригинальный набор из 18 ценностей, предложенный М.Рокичем (оставив в списке терминальных ценностей «Здоровье», а не «Счастье», поскольку последнее слишком многозначно), добавив 2 пункта из «советского списка»: «Творчество» и «Счастье других» (таким образом, количество ценностей в списке увеличилось

---

²⁵ Показательно, что в списке нравственных принципов «Морального кодекса строителя коммунизма», принятого на XXII съезде КПСС в 1961 году, из 12 принципов 4 провозглашали «нетерпимость» и «непримиримость» [191]. Это была третья и последняя Программа КПСС – поэтому появление даже в 80-х годах в списке ценностей такой, как «непримиримость к недостаткам в себе и в других» вполне логично.

²⁶ Анализ материалов англо-, немецко-, испаноязычного Интернета показывает, что исследователи в разных странах придерживаются, как правило, оригинального набора ценностей М.Рокича, ограничиваясь прямым переводом (см., напр., [284, 288, 289]). Хотя творческий подход также присутствует – например, тайские психологи адаптировали список М.Рокича, изъяв ценность «Спасение души», поскольку традиционная религия Таиланда – буддизм - не признает ни реальность души, ни ее спасение в вечности (поэтому вместо Salvation использована нейтральная ценность Religious-spiritual life, или «Религиозно-духовная жизнь» [288]).

до 20). При этом, в зависимости от задач исследования и степени удачности прежних формулировок, мы давали краткую расшифровку в скобках на основе как точного перевода английских образцов, так и принятую в российском варианте. Набор инструментальных ценностей представлен в нашем исследовании также 20-ю ценностями, в основу которых был положен американский вариант со следующими изменениями (по принципу конвергенции всего положительного из американского и советского вариантов):

- «Широта и открытость мышления» (Broadminded, open-minded) как самостоятельная ценность изъята, но в качестве краткой расшифровки в скобках сохранилась в ценности «Богатое воображение»;
- «Способность прощать» (Forgiving, willing to pardon others) объединена с «Терпимостью» из советского списка, перейдя в скобки как вариант расшифровки;
- оставлена в соответствии с задачей исследования такая «советская» ценность, как «Непримиримость к недостаткам в себе и в других»;
- добавлены ценности, которых не было ни в американском, ни в российском списке: «Терпение», «Трудолюбие», «Верность традициям» с авторской краткой расшифровкой.

Авторская (не совпадающая ни с американским, ни с российским вариантами) интерпретация представлена также в расшифровке таких ценностей, как «Национальная независимость», «Счастливая семейная жизнь», «Способность любить».

Итак, в нашем исследовании использовались следующие 2 набора по 20 ценностей:

Набор №1. Терминальные ценности:

1. Комфортабельная жизнь (процветание, преуспевание, материальная обеспеченность)
2. Активная жизнь (волнующая, эмоционально насыщенная)
3. Мир во всем мире (мир, свободный от войн и конфликтов)
4. Равенство (братство, равные возможности для всех)
5. Свобода (самостоятельность и независимость суждений и поступков)
6. Здоровье (физическое и психическое)
7. Национальная независимость (суверенная, свободная от внешнего диктата, защищенная от нападений Россия)
8. Удовольствие (приятное беззаботное времяпровождение, жизнь в наслаждениях)
9. Спасение души (спасенная, вечная жизнь)
10. Общественное признание (уважение, восхищение окружающих)
11. Настоящая дружба (наличие хороших и верных друзей)
12. Счастливая семейная жизнь (взаимопонимание, гармония отношений на основе ответственности за духовное и материальное благополучие семьи)
13. Внутренняя гармония (уверенность в себе, свобода от внутренних конфликтов)

14. Любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком)
15. Творчество (возможность творческой деятельности)
16. Продуктивная жизнь (плодотворная жизнь, максимальное использование своих способностей)
17. Мудрость (зрелое понимание жизни)
18. Красота (красота природы и искусства)
19. Счастье других (благополучие других людей, благо всего человечества)
20. Самоуважение (чувство собственного достоинства)

Набор №2. Инструментальные ценности:

1. Амбициозность (высокие запросы, устремленность к высоким и трудным целям)
2. Терпение (умение переносить длительные трудности)
3. Умелость (компетентность, эффективность в делах)
4. Жизнерадостность (беззаботность, веселость, чувство юмора)
5. Аккуратность (чистоплотность)
6. Смелость (мужество в поступках, в отстаивании своих взглядов)
7. Терпимость (снисходительность, готовность прощать других)
8. Отзывчивость (готовность помочь другим)
9. Честность (искренность, правдивость)
10. Богатое воображение (широта, смелость и оригинальность замыслов)
11. Независимость (уверенность в себе, самодостаточность)
12. Интеллектуальность (понятливость, способность к размышлению, созерцанию и рефлексии)
13. Рациональность (последовательность, логичность)
14. Способность любить (отдавать любовь даром, быть чутким, терпеливым, сильным)
15. Трудолюбие (отношение к труду как к естественной основе жизни, наполненность жизни трудом, привычка трудиться)
16. Верность традициям (национальным, семейным; мировоззренческая устойчивость; уважение и доверие к мудрости предков)
17. Самоконтроль (самодисциплина, сдержанность)
18. Исполнительность (ответственность, следование долгу)
19. Воспитанность (учтивость, вежливость, хорошие манеры)
20. Непримируемость к недостаткам в себе и в других

Четвертая методика, используемая нами в данном исследовании – «4 вопроса», разработанная и апробированная Н.Я.Большуновой [29]. Ее главное достоинство – открытость вопросов, то есть предоставление возможности респондентам добавить свой список ценностей, помимо того, что предложено нами в модифицированной методике М.Рокича. По мнению Н.Я.Большуновой, каждый из 4 вопросов обращен к определенной сфере личности и активизирует конкретные психические структуры. Первый вопрос – «*Что Вы больше всего цените в жизни?*» - апеллирует к сознанию, к рефлексивному мышлению. Здесь должны быть названы рационально осмысленные ценности. Второй и третий

вопросы - «Что Вы больше всего ненавидите?» и «Чего Вы больше всего боитесь в жизни?» - обращены к неосознаваемым душевным процессам, связанным с негативными мыслями и чувствами (ненависти и страха). И, наконец, последний вопрос – «Если бы Вы были волшебником, что бы Вы сделали в первую очередь? (назвать одно главное желание)» - является проективным и направленным на то, чтобы выяснить намерения испытуемого по реализации названных ценностей и недопущению обстоятельств, обозначенных во 2 и 3 вопросах.

Математическая обработка данных осуществлялась с использованием пакета программного обеспечения STATISTICA и SPSS.

3.2. Экспериментальное исследование мотивации труда и ценностных ориентаций современных горожан-дачников

Опросник «Мотивация труда горожанина-дачника» (МТГД)

Пилотажное исследование 2004-2005 гг., призванное апробировать данный опросник, продемонстрировало ряд важных моментов. Например, около 80% всех опрошенных (n=77) всех возрастов (от 17 до 67 лет) сошлись во мнении²⁷, что дачное хозяйство – не бизнес, а образ жизни, что свидетельствует о преобладании общей ориентации не на экономические интересы; лишь 5% старшего поколения (51 год и старше) признали, что часть урожая продают на рынке, при этом, и они, и представители среднего (условно 26-50 лет) и младшего поколений (до 25 лет), то есть 100% всех опрошенных, не ведут никакого учета расходов и доходов дачного хозяйства. Это подтверждает ответы, указанные выше. С тем, что дача есть средство выживания согласились лишь каждый второй представитель старшего поколения, и не согласились 100% среднего и младшего. Любопытен тот факт, что молодое поколение (в нашей выборке это респонденты до 25 лет включительно) дает по многим вопросам разработанной нами анкеты вполне традиционные ответы, схожие со взглядами поколения старшего и среднего. Например, своими агрономическими достижениями гордятся около 65%, что свидетельствует о достаточно глубоком вхождении в хозяйственные дела, о сознательном и эмоционально позитивном участии в агрономических мероприятиях молодых дачников. Любовь к земле хотели бы передать своим детям и внукам 60% «молодежи», при этом около 95% молодых респондентов, давших этот ответ, в свою очередь, считают, что им эта любовь передалась от родителей (предков). Важна в подобных суждениях, на наш взгляд, пресуппозиция ответа – если есть желание передать любовь к земле детям, то значит есть что передавать, значит сами респонденты испытывают это чувство. Таким образом, выяснилось, что осмысленное участие в дачном хозяйстве принимают не только представители старшего и среднего поколения, но и младшего.

На основном этапе эмпирического исследования получены следующие результаты по методике МТГД. Факторный анализ данных (Приложение 7) в

---

²⁷ Здесь и далее учитывались ответы «да, совершенно согласен» и «скорее да, чем нет».

целом подтвердил наличие трех мотивационных тенденций (индивидуализм-прагматизм, коммуникативная, нравственно-нормативная), на базе которых выделилось 5 факторов (Таблица 2). Мы дали им следующие условные названия:

1. «Душа всего дороже»
2. Рационально-прагматический
3. Коммуникативный
4. Нравственно-нормативный
5. Досугово-релаксационный

Первый фактор выявил ярко выраженный, «чистый» тип ориентации на принцип «душа всего дороже». Представители этого типа воспринимают дачную жизнь и дачный труд как ценность, не конвертируемую в деньги (дачу не бросят, даже если неожиданно придет богатство, и даже не превратят грядки в газон). Можно отметить в данном типе выраженный психотерапевтический эффект от дачного труда (дача успокаивает, не забирает, а, скорее, дает силы), с некоторым элементом анимизма, мистического слияния с природой («земля – живая», растения – тоже, с ними можно разговаривать). Душевная гармония высоко ценится, возможно, более на уровне интуиции, чем рационального осознания. Дача есть некая подлинная ценность, которую хотели бы передать детям и внукам, и не в виде мертвого наследства (дом, баня), а как особую форму жизни.

Таблица 2

МТГД. Распределение переменных по факторам в группе дачников (n=106)

	Переменные и их факторная нагрузка (прямая корреляция)	Переменные и их факторная нагрузка (обратная корреляция)
Фактор 1 «Душа всего дороже»	двд2 (дача – для души) 0,73 двд28 (зимой мечтаю о даче) 0,67 двд7 (дача успокаивает) 0,65 двд10 (дача не отнимает много сил) 0,64 двд9 (иногда разговариваю с растениями) 0,63 двд11 (земля – живая) 0,54 нн17 (хочу передать любовь к земле внукам) 0,54 двд8 (дачу не продам) 0,5 нн21 (дача не развивает корысть) 0,48 нн18 (внукам лучше знать, что такое дача) 0,44	ип4 (будь у меня миллион я бы продал дачу) 0,65 ип3 (дача – для отдыха) 0,33 ип5 (будь у меня миллион, я бы грядки превратил в газон) 0,32
Фактор 2 Рационально-прагматический	ип15 (часть урожая продаю) 0,69 ип16 (веду учет расходам) 0,63 нн12 (зависимость от дачи неунизительна) 0,59 ип1 (дача - средство выживания) 0,41 ип14 (дача скорее бизнес) 0,37	нн21 (дача не развив. корысть) 0,58 нн20 (дача учит терпению) 0,46 двд22 (соседи не тяготят) 0,39 двд8 (дачу не продам) 0,33

Фактор 3 Коммуникативный	двд24 (многолетняя дружба с соседями) 0,64 двд23 (не ишу отдыха от людей) 0,51 двд22 (соседи не тяготят) 0,48	ип25 (держусь от соседей подальше) 0,75 ип26 (не делюсь радостью с соседями) 0,61 ип3 (дача – для отдыха) 0,37
Фактор 4 Нравственно-нормативный	нн13 (гордость за агроном.успехи) 0,78 нн20 (дача учит терпению) 0,61 нн19 (любовь к земле передалась мне от родителей, предков) 0,58 нн17 (хочу передать любовь к земле внукам) 0,56 нн29 (дача – лучшее дело на пенсии) 0,56 нн30 (тружусь, следовательно существую) 0,49 двд11 (земля – живая) 0,43 двд28 (зимой мечтаю о даче) 0,41	ип26 (не делюсь радостью с соседями) 0,33
Фактор 5 Досугово-релаксационный	ип5 (будь у меня миллион, я бы грядки превратил в газон) 0,67 ип 27 (я не делюсь агрономич. опытом с соседями) 0,63 ип3 (дача – для отдыха) 0,32 нн29 (дача – лучшее дело на пенсии) 0,39	нн30 (тружусь, следовательно существую) 0,43 ип16 (веду учет расходам) 0,31 нн18 (внукам лучше знать, что такое дача) 0,28

Второй фактор - рационально-прагматический – указывает на один из распространенных типов современных дачников. Причем, нужно отметить некоторую его противоречивость. Например, с одной стороны утверждается, что ведется учет расходам, что часть урожая продается, что «дача есть скорее бизнес», но при этом признается, что при условии обретения богатства дачу можно и продать. Признается связь дачного хозяйствования с корыстью (отрицательная корреляция нн21), в целом рационализм отрицательно коррелирует с такими утверждениями, как «дача учит терпению», «дачные соседи не тяготят». Возможно, что объективное основание подобному соединению разных установок в том, что экономическая эффективность дачного хозяйства проблематична и в последние годы заметно снижается. Мы полагаем, что если бы опросы проводились в 60-80-х годах, то подобного скепсиса по поводу реальной выгоды от дачного труда не было.

Третий фактор соответствует «коммуникативному типу» дачников, то есть тем, кто ценит общение, кто не устает от контактов с другими людьми, для которых дача есть форма неискаженных, непосредственных, уже невозможных в условиях города отношений людей. Таких дачников, как правило, связывают с соседями узы многолетней, искренней дружбы. Общая деятельность (труд на участке) способствует сглаживанию социальных, имущественных и иных различий, что прямо пропорционально развитию подлинного общения. Отметим и отрицательную корреляцию с утверждением «дача – для отдыха», то есть установку коммуникативного типа в том числе и на труд.

Четвертый фактор («нравственно-трудовой») отражает тип дачника, ориентированный на труд как нравственный императив. Привязанность и любовь

к земле понимается как ценность, дающая смысл жизни («тружусь, следовательно существую») и удовлетворительное занятие на пенсии. Подчеркивается важность нравственного содержания дачного труда («дача учит терпению»), что обуславливает его нормативность (убеждение, что так должно быть), отчетливо заметна идея преемственности («мы восприняли любовь к земле от родителей, предков и желательно, чтобы наши дети и внуки имели ее»).

Пятый фактор («досугово-релаксационный») дает тип, несколько растерявшийся в сложных перипетиях жизни. Продолжая быть дачником, он готов дачу при первой возможности превратить в зону отдыха («грядки превратить в газон» 0,67), ее предназначение – совсем не труд («тружусь, следовательно существую» - отрицательная корреляция 0,43), а нечто другое. Что именно – определить трудно, поскольку остальные параметры выражены слабо, они как бы «размазаны» по всему спектру возможных ответов. Эта неопределенность и заставляет признать ненужность дачи для потомков («внукам лучше знать, что такое дача» - отрицательная корреляция 0,28).

Таким образом, важным итогом явилась не только фиксация таких мотивов, как психотерапевтический, прагматическо-экономический, коммуникативный, нравственно-нормативный и досуговый, но и их иерархическое распределение в ответах группы дачников – именно в том порядке, как указано выше. Следовательно, самым сильным фактором выступает ориентация на «глубину, многосторонность, энергическую подвижность и теплоту внутренней жизни» (П.Е.Астафьев), что соответствует традиционно русскому социокультурному типу, а самым слабо выраженным – мотив досуга. На полученной шкале порядка мотив рационально-прагматический, связанный с «принципом реальности» и с исторически важным в советское время, в эпоху зарождения дачного движения мотивом выживания, оказался выше коммуникативного и нравственно-нормативного.

*Методика «Диагностика полимотивационных тенденций
в «Я-концепции» личности» С.М.Петровой*

Данная методика призвана зафиксировать мотивационные тенденции группы дачников вне связи с дачным трудом (поэтому правомерно и сравнение с группой «недачников» по аналогичным показателям). Важной задачей стало соотнесение данных по методике Петровой с данными по методике МТГД для фиксации общих показателей и для выяснения надежности последней.

На основе корреляционного анализа по критерию Спирмена (Приложение 10), был осуществлен факторный анализ данных в группе дачников (n=106), по результатам которого определилось 4 фактора, представляющих основные мотивационные тенденции (Таблица 3. Приложение 8):

1. Коммуникативно-оптимистический
2. Достижительность и личностный рост
3. Прагматизм - эгоцентризм
4. Труд как нравственная норма

Таблица 3

Методика С.М.Петровой. Распределение переменных по факторам в группе дачников (n=106)

	Переменные и их факторная нагрузка (прямая корреляция)	Переменные и их факторная нагрузка (обратная корреляция)
Фактор 1 «Коммуникативно-оптимистический»	Оптимистическая 0,68 Коммуникативная 0,54 Альтруистическая 0,48 Стремление к совершенству 0,39 Позитивное отношение к людям 0,33	Гедонистическая 0,32
Фактор 2 «Достижительность и личностный рост»	Стремление к превосходству 0,68 Избегание неприятностей 0,61 Пугнистическая (борьба, приключения) 0,58 Стремление к совершенству 0,36 Гедонистическая 0,34	
Фактор 3 «Прагматизм-эгоцентризм»	Эгоцентрическая 0,65 Индивидуалистическая 0,56 Акзигитивная (материально-накопит.) 0,5 Гедонистическая 0,4	Позитивное отношение к людям 0,29 Нравственная 0,26
Фактор 4 «Труд как нравственная норма»	Трудовая 0,62 Нормативная 0,62 Нравственная 0,5 Познавательная 0,45	Стремление к совершенству 0,34

Смысловые связи выделенных факторов по методике Петровой обнаружены с тремя из пяти факторов методики МТГД:

1) Первый фактор - «коммуникативно-оптимистический» сближается по структуре и содержанию отдельных показателей с фактором 1 «душа всего дороже» - положительная корреляция с душевным, глубоким, позитивным принятием жизни, труда, общения и с отрицательной корреляцией с мотивами эгоистическо-прагматическими (индексы ип3, ип4, ип5 в МТГД) и гедонистическими (в методике по Петровой). Отличия выявлены в степени открытости образа жизни – данные по опроснику МТГД показывают менее активную коммуникацию, некоторую внутреннюю сосредоточенность по сравнению с ответами тех же респондентов по методике Петровой. Объяснение возможно в том, что в методике С.М.Петровой отсутствуют индикаторы, посредством которых респонденты могли бы выразить интимную, камерную настроенность своих мотивов, тогда как в опроснике МТГД они есть.

2) 3-й фактор – «прагматически-эгоцентрический» - совпадает по общему смыслу с фактором 2 в МТГД: совпадают акзигитивная и индивидуалистическая

мотивация (по Петровой) и индивидуалистическо-прагматические индикаторы в МТГД (стремление продать часть урожая, ведение учета расходов и др.). Усиливает эффект согласованности и данные по отрицательной корреляции – в МТГД на отрицательном полюсе фактора расположились мотивы нравственно-нормативные и коммуникативные, в методике Петровой, хотя и со слабым факторным весом, но выделены мотивационные тенденции «позитивное отношение к людям» и «нравственная».

3) 4-й фактор – «труд как нравственная норма» - сопоставим с 4-м фактором в методике МТГД («нравственно-нормативный»). Отметим близость показателей, помещенных в положительный сектор, причем в методике Петровой дан как бы общий фон, но достаточно четко, в МТГД идет конкретизация, детализация этих же тенденций.

Для уточнения отдельных аспектов мотивации дачников было осуществлен факторный анализ данных по методике Петровой в группе «недачников» (n=35) (Таблица 4. Приложение 9 и 11). Зафиксировано 4 фактора, получивших те же условные наименования, что и для группы дачников. Их содержательный анализ

Таблица 4

Методика С.М.Петровой. Распределение переменных по факторам в группе недачников (n=35)

	Переменные и их факторная нагрузка (прямая корреляция)	Переменные и их факторная нагрузка (обратная корреляция)
Фактор 1 «Труд как нравственная норма»	Нравственная 0,67 Познавательная 0,62 Трудовая 0,56 Коммуникативная 0,52 Нормативная 0,5 Стремление к совершенству 0,39	Оптимистическая 0,33
Фактор 2 «Прагматизм-эгоцентризм»	Гедонистическая 0,69 Эгоцентрическая 0,64 Стремление к совершенству 0,61 Коммуникативная 0,49 Акзигитивная (материально-накопит.) 0,41 Стремление к превосходству 0,31	Пугнистическая (борьба, приключения) 0,37
Фактор 3 «Достижительность и личностный рост»	Избегание неприятностей 0,69 Стремление к превосходству 0,62 Пугнистическая (борьба, приключения) 0,57 Стремление к совершенству 0,36 Гедонистическая 0,34	Эгоцентрическая 0,36
Фактор 4 «Коммуникативно-оптимистический»	Альтруистическая 0,6 Оптимистическая 0,53 Трудовая 0,37 Эгоцентрическая 0,35 Пугнистическая (борьба, приключения) 0,35	Индивидуалистическая 0,52 Нормативная 0,43 Стремление к превосходству 0,38

не позволяет говорить о значимых различиях. Различия обнаружены лишь в порядке расположения факторов – отметим инверсию крайних факторов у «недачников»: фактор «труд как нравственная норма» по сравнению с дачниками поднимается с последнего, 4-го места на первое. Это свидетельствует о том, что для дачников нормативная сторона труда уступает мотиву оптимистического, открытого общения, что подтверждается и данными по МТГД (самый сильный фактор – «душа всего дороже»), у «недачников» же картина несколько иная. У «недачников» выявленный порядок факторов дополнительно подчеркивается появлением в первом факторе отрицательной корреляции с оптимистичностью. Вместе с тем, в факторе 1 с весом 0,52 выделена коммуникативная тенденция, смягчающая последствия указанной инверсии. В качестве вывода следует отметить, что данные по методике С.М.Петровой позволили подтвердить отдельные показатели по авторскому опроснику МТГД, что важно в плане методического обоснования исследования. Статистически значимых различий между двумя группами (дачников и «недачников») не выявлено, различия в расположении факторов несут эвристический смысл, который может обогатиться и конкретизироваться в ходе дальнейшего исследования. Это связано, во-первых, с социокультурной общностью обеих групп (поэтому общность, схожесть мотивов будут вероятнее, нежели различия) и, во-вторых, со спецификой самой методики, ее инструментария (достоинства методики - доступность, простота, полисемантность высказываний - могут проявляться и как ее слабые стороны, когда многозначность пословиц может приводить к неартикулированным профилям). В то же время, выявленные при факторизации данных различия свидетельствуют о правомерности выделения внутри целостной социокультурной общности особой группы дачников.

Исследование ценностных ориентаций по модифицированной методике М.Рокича

По результатам *факторного анализа* показателей методики М.Рокича (Приложение 16), осуществленного на основе ранговой корреляции данных по критерию Спирмена (Приложение 14), в группе дачников были выделены 3 фактора (Таблица 5).

Прежде чем представить анализ и интерпретацию данных факторного анализа, обоснуем правомерность выделения трех типов ценностей в контексте культурно-исторических типов мировоззрения. В соответствии с материалом теоретической части диссертации, обосновывающим наличие трех культурно-исторических типов мировоззрения и раскрывающим их специфику в

Таблица 5

Методика М.Рокича. Распределение переменных по факторам в группе дачников (n=106)

	Переменные и их факторная нагрузка (прямая корреляция)	Переменные и их факторная нагрузка (обратная корреляция)

Фактор 1 «Советские ценности»	Равенство 0,72 Национальная независимость 0,6 Мир во всем мире 0,57 Исполнительность 0,48 Счастье других 0,46 Непримиримость к недостаткам в себе и в других 0,45 Трудолюбие 0,32	Внутренняя гармония 0,64 Жизнерадостность 0,47 Любовь 0,45 Самоуважение 0,36 Здоровье 0,33
Фактор 2 «Христианские ценности»	Счастливая семейная жизнь 0,56 Отзывчивость 0,55 Терпимость 0,54 Честность 0,53 Терпение 0,4	Интеллектуальность 0,62 Рациональность 0,58 Творчество 0,52 Амбициозность 0,5 Независимость 0,46 Богатое воображение 0,43 Продуктивная жизнь 0,38
Фактор 3 «Либералистские ценности»	Комфортабельная жизнь 0,67 Активная жизнь 0,58 Общественное признание 0,52 Амбициозность 0,37 Удовольствие 0,36 Настоящая дружба 0,33 Аккуратность 0,32	Мудрость 0,57 Верность традициям 0,55 Счастье других 0,55 Спасение души 0,5 Национальная Независимость 0,43 Красота 0,37 Терпимость 0,32

различных проекциях – в духовной сфере, в философии, науке, идеалах, ценностях и др., мы дали этим факторам условные наименования «советские ценности», «христианские ценности» и «либералистские ценности»²⁸.

Фактор 1 «Советские ценности». На предварительном этапе мы намеренно изменили список ценностей, входящих в стандартную для современных российских психологов методику М.Рокича, вернув туда из оригинального (американского) списка «равенство», «национальную безопасность (готовность защищать родину)», «мир во всем мире», ориентируясь на вполне очевидные вещи, в частности на то, что эти ценности в советское время были референтными не только с точки зрения официальной коммунистической идеологии, но и с точки зрения простых людей. Чтобы обнаружить, найти нечто, необходимо знать некоторые признаки искомого. Советский культурно-исторический тип мировоззрения, как доказывается в нашем исследовании, не есть фантазия, он реален, фактичен, более того, он не стал пока историей, он проявляется в ценностных ориентациях современных россиян. Для его фиксации и были введены упоминаемые выше ценности, выступающие своеобразными индикаторами (маркерами) этого типа. Из стандартного списка мы сохранили ценности «счастье других» и «непримиримость к недостаткам в себе и в других», также отнеся их к индикаторам (маркерам) советского типа. Альтруизм (как стремление нести добро другим, всему человечеству) именно в советскую эпоху

²⁸ Сложившаяся практика интерпретаций выявленных факторов в рамках процедуры факторного анализа предполагает надделение каждого из них обобщающим именем для символического раскрытия смысла фактора. При этом названия разных факторов могут быть как связаны одной идеей или концепцией, так и не связаны [74]. В нашем случае речь идет о первом варианте.

получает ярко выраженную форму, иногда даже в ущерб для самих простых советских людей. Несомненно, эта ценность не противоречит традиционной для русского типа отзывчивости, просто в советском обществе ее начинают эксплуатировать в политико-идеологических целях. Специфически советский акцент получила и ценность «непримиримость к недостаткам», так как ее первая часть («...к недостаткам в себе») вполне соотносится с христианской «духовной бранью» со своими грехами и страстями, но вторая часть («...и в других») перечеркивает этот христианский посыл. Мы полагаем, что в той форме, в какой стандартно используется данная ценность (то есть в ее двойственности), она более соответствует советскому типу²⁹. Коммунизм многое воспринял от христианства (вспомним хотя бы евангельское «кто не работает, тот не ест», вошедшее в «Моральный кодекс строителя коммунизма»), намеренно не афишируя этого. В результате подобных заимствований происходило смешение, «соединение несоединимого», что мы и видим в анализируемой ценности. Добавим, что тип мировоззрения не исчерпывается набором соответствующих ценностей, но эти ценности указывают на тип и в некоторой мере представляют, репрезентируют тип (см. § 2.1). Также важно подчеркнуть, что к ценностям-маркерам можно отнести не только «эксклюзивные», ярко выраженные индикаторы конкретного культурно-исторического типа мировоззрения, но и менее выраженные, но *значимые в контексте их связи с другими ценностями*. Так, к советскому типу мы отнесли «терпение», «трудолюбие» и «отзывчивость» (последняя вполне самостоятельна на фоне ценности «счастье других»). Из материала предыдущих глав следует, что все эти ценности имеют отношение к традиционным, универсальным, базовым ценностям русской культуры, следовательно, советский тип мировоззрения сохраняет значимые индикаторы прежнего, досоветского типа. А этот досоветский тип, как не раз подчеркивалось, характеризуется в целом христианскими мировоззренческими установками.

Для «идентификации» фактора 2, то есть выявления христианского культурно-исторического типа мировоззрения мы предварительно восстановили в списке ценностей утраченную в советском переводе ценность «спасение души». Действительно, для атеистической коммунистической идеологии и для марксистской науки она была совершенно излишней. Но и эта специфически религиозная ценность не в состоянии самостоятельно репрезентировать христианский мировоззренческий тип. Более того, эта ценность была введена американцем М.Рокичем для респондентов, представляющих протестантскую ветвь христианства. Для православной России (как в прошлом, так и в настоящем) принципиально важно в комплексе каких других ценностей «спасение души» будет представлять российский вариант христианского типа. Именно поэтому мы вводим в качестве индикаторов «терпение»,

---

²⁹ Эта ценность явно не укладывается в рамки либералистского типа мировоззрения, один из принципов которого - жить «легко и быстро» и «здесь-и-теперь» [177]. Либерализм готов мириться с чем угодно, лишь бы это не мешало индивиду «самореализовываться».

«отзывчивость», «терпимость (готовность прощать)», представляющих, на наш взгляд, традиционные положительные и референтные качества русского народа. Универсальными для всех христианских конфессий в той или иной степени являются ценности любви, семьи, свободы, поэтому мы отнесли их к маркерам данного типа в контексте связи с ценностью «спасение души» и тремя указанными выше ценностями. Самоуважение (чувство собственного достоинства) также входит в круг ценностей, репрезентирующих христианский тип – в традиционной русской культуре оно внешне проявляется в степенности, благочинии, несуетности, внутренне – в переживании свободы, которая дарована истиной и которую никто не в силах отнять (вспомним ап. Иоанна: «познайте истину, и истина сделает вас свободными»). «Верность традициям» ближе всего именно христианскому типу, заинтересованному в сохранении веры, апостольского предания, церкви, русского народа как носителя православия и т.д. Советская эпоха амбивалентна к данной ценности – ее истоки, как известно, берутся из отрицания «старой России», из отказа от дореволюционных традиций, хотя, с другой стороны, в СССР прилагали большие усилия к конструированию новых, «советских традиций». Верность традициям трудно сопрягается и с либерализмом, базирующимся на идее примата индивидуальной свободы по отношению к социальным канонам и традициям, на идее постоянных перемен, движения вперед, - традиция здесь будет скорее мешать, препятствовать. Другими словами, ценность «верность традициям» логичнее отнести именно к христианскому типу. В целом же подчеркнем важный момент: *традиционные ценности как общепризнанный в науке концепт содержательно наиболее близки христианскому типу мировоззрения и репрезентирующим его ценностям. Ценности советского типа – скорее, исторически «уходящие», ценности либералистского типа – «приходящие», ценности, отнесенные к христианскому типу – через воспроизводство традиционных ценностей обеспечивающие преемственность, устойчивость культуры.*

К индикаторам-маркерам либералистского типа (фактор 3) нами были отнесены, прежде всего, такие ценности как «удовольствие», «комфортабельная жизнь», «амбициозность», поскольку ни одному из двух рассмотренных выше типов они не соответствуют и поскольку в значительной степени отражают «духовную ситуацию» современного постмодернистского мира. Но не менее важны и другие ценности, составляющие либералистский комплекс – свобода, любовь, активная жизнь, независимость, умелость, интеллектуальность. Прагматика и ставка на индивидуализм требует определенных качеств от личности – динамичности, автономности, способности конвертировать ум и умелость в доходное дело или престижную высокооплачиваемую профессию, способности напряженно и много трудиться. «Рыночный тип» (как квинтэссенция либералистского типа) перекраивает смысловое поле всех старых ценностей – любви, свободы, трудолюбия. Еще раз подчеркнем, что любовь, свобода и др. рассматриваются нами в контексте всех других ценностей, отнесенных в совокупности к определенному типу. Любовь, стоящая в паре с

терпением – это совсем иное, чем любовь, положительно коррелирующая, например, с амбициозностью. И так в каждом конкретном случае.

Таким образом, мы выделили несколько «ценностей-маркеров» из списка терминальных и инструментальных ценностей по модифицированной методике М.Рокича, указывающих на один из трех интересующих нас культурно-исторических типов мировоззрения - христианский, советский и либералистский (Таблица 6). При этом, часть из них может указывать одновременно на несколько мировоззренческих типов (например, трудолюбие помещено во все три типа), а часть – представлять исключительно одну из трех (например, спасение души, мир во всем мире, удовольствие, амбициозность и др.).

Выделенные в Таблице 5 факторы биполярны, с достаточно четкой структурой двух комплексов ценностей, противостоящих друг другу. Первый фактор («советские ценности») представляет собой ярко выраженный комплекс ценностей советского типа – нацеленность на борьбу во имя равенства, процветания родины и счастья всех людей мира. В зоне своеобразной депривации расположились ценности, обеспечивающие внутреннюю гармонию – любовь, самоуважение, жизнерадостность. Это подчеркивает характерную для советского типа мировоззрения напряженность между устремленностью к дальним, относительно внешним (и зачастую идеологически «заряженным»)

Таблица 6

Гипотетическое распределение терминальных и инструментальных ценностей-маркеров по типам мировоззрения

	Ценности-маркеры (терминальные ценности)	Ценности-маркеры (инструментальные ценности)
Христианский тип	Спасение души, Любовь, Счастливая семейная жизнь, Самоуважение, Свобода	Терпение, Отзывчивость, Способность любить, Трудолюбие, Верность традициям, Терпимость (готовность прощать)
Советский тип	Мир во всем мире, Национальная безопасность, Счастье других, Равенство	Терпение, Трудолюбие, Отзывчивость, Непримиримость к недостаткам в себе и в других
Либералистский тип	Свобода, Удовольствие, Комфортабельная жизнь, Активная жизнь, Любовь	Амбициозность, Независимость, Умелость, Интеллектуальность, Трудолюбие

целям и внутренними потребностями души. Второй фактор объединяет на одном полюсе комплекс ценностей, характерных для христианского типа мировоззрения (семья, отзывчивость, терпимость, терпение.), усиленный, «оттененный» отрицательной корреляцией с прагматическими ценностями (интеллектуальность, рациональность, амбициозность и др.). Третий фактор

свидетельствует, скорее, об ориентациях на классические либерально-прагматические ценности – комфорт, амбициозность, удовольствие в комплексе установок на активную и нацеленную на общественное признание жизнь. Эти ценности отрицательно коррелятивны как христианским ценностям (спасение души, верность традициям), так и советским (счастье других, национальная независимость). Тем самым, эмпирически выделенные типы в целом совпадают с предложенной на основе теоретического анализа типологизацией ценностей, репрезентирующих соответствующие мировоззренческие типы.

Важен и порядок выявленных факторов – самым выраженным оказался советский тип, самым слабым – либералистский (христианский, следовательно, выступает как центр и как своеобразное связующее звено). Этот факт можно интерпретировать в том ключе, что сам феномен дачников в том виде, как мы застали его в своем исследовании, зародился именно в советских условиях, сама традиция дачного труда создавалась носителями советского менталитета. Предположительно отметим также фактор общей социокультурной инерции, наличия сложных механизмов сохранения культивированного последние 50 лет дачного образа жизни, который – при наличии соответствующей практики – может воспроизводиться даже в ментальности молодого поколения (о чем мы упоминали в анализе результатов пилотажного исследования).

Факторизация данных по группе «недачников» ($n=35$) позволила выделить также 3 типа, близких тем, что зафиксированы в группе дачников (Таблица 7). В качестве отличий от группы дачников можно отметить разный порядок выделенных факторов – советский тип ценностей поменялся местами с либералистским, тем самым в ответах «недачников» более заметна тенденция к изменению ценностных ориентиров в соответствии с изменяющимся миром. Очень возможно, что именно образ жизни дачников (их труд на участке) не дает быстро менять ценности, в некотором смысле тормозит процесс их трансформации. Отметим и то, что именно христианские ценности сохранили центральное положение в порядке распределения факторов (и у дачников, и у «недачников»), что свидетельствует о потенциальной их инертности, свойственной традиционным ценностям вообще. Советский и либералистский типы мировоззрения, напротив, демонстрируют лабильность, способность резонировать меняющимся социально-историческим обстоятельствам. Дачники, судя по данным факторного анализа их ценностных ориентаций, в отличие от «недачников» медленнее расстаются с советскими мировоззренческими установками. Сошлемся здесь на классическое положение марксизма – бытие определяет сознание. Земледельческий труд на даче консервативен по своей природе (о чем мы писали во 2 главе), он способствует общей сохранности как традиционных для русской культуры ценностей, так и, в частности, советских.

Методика М.Рокича. Распределение переменных по факторам в группе «недачников» (n=35)

	Переменные и их факторная нагрузка (прямая корреляция)	Переменные и их факторная нагрузка (обратная корреляция)
Фактор 1 «Либералистские ценности»	Исполнительность 0,64 Красота 0,64 Удовольствие 0,63 Интеллектуальность 0,52 Комфортабельная жизнь 0,5 Общественное признание 0,45 Богатое воображение 0,44	Здоровье 0,7 Отзывчивость 0,6 Способность любить 0,52 Рациональность 0,52 Внутренняя гармония 0,45
Фактор 2 «Христианские ценности»	Терпение 0,79 Продуктивная жизнь 0,65 Терпимость 0,57 Мудрость 0,47 Самоуважение 0,43	Непримиримость к недостаткам в себе и в других 0,69 Счастье других 0,69 Национальная независимость 0,65 Мир во всем мире 0,54 Жизнерадостность 0,47
Фактор 3 «Советские ценности»	Равенство 0,76 Трудолюбие 0,75 Счастливая семейная жизнь 0,563 Национальная независимость 0,65 Аккуратность 0,59 Комфортабельная жизнь 0,43 Воспитанность 0,42 Верность традициям 0,4 Спасение души 0,4	Смелость 0,65 Самоуважение 0,63 Амбициозность 0,58 Жизнерадостность 0,58 Богатое воображение 0,56 Свобода 0,56 Независимость 0,55

«Недачники» не имеют подобного «якоря», сдерживающего модернизационные тенденции, что, видимо, имеет значение и что зафиксировано в расположении факторов по методике Рокича.

Эти тенденции к изменениям ценностных ориентаций можно рассмотреть в анализе содержания выделенных у «недачников» факторов. Так, первый фактор хотя и объединил в положительной корреляции ряд либералистских ценностей (удовольствие, интеллектуальность, комфортабельная жизнь), но одновременно жестко их акцентуировал через введение отрицательной корреляции с такими ценностями, как здоровье, отзывчивость, способность любить, внутренняя гармония, что может интерпретироваться как тенденция к усилению прагматизма и технологизма ценностных ориентаций. Во втором факторе христианские ценности (терпение, терпимость, самоуважение), расположенные на положительном полюсе, противопоставлены советским (непримиримость к недостаткам, счастье других, национальная безопасность, мир во всем мире), тогда как у дачников христианским ценностям противостоят либералистские. Третий фактор представляет собой модификацию советского типа ценностей. Это связано с тем, что в их состав вошли такие явно не советские ценности, как «комфортабельная жизнь» и «спасение души», а в одном комплексе с ориентацией на комфорт оказалась ценность равенства (с высоким факторным весом 0,76).

Для уточнения характеристик основной группы (дачников), мы осуществили сравнительный анализ значимых различий между этой группой и «фоновой» группой «недачников» по критерию удельного веса (в процентах) ценностей, получивших *первый ранг* и *последний ранг*. Статистическую обработку мы осуществляли с применением *критерия ϕ^* Фишера*.

По критерию *первого выбора* (удельному весу ценностей, получивших первый ранг) между дачниками и «недачиками» статистически значимых различий не выявлено.

По критерию *последнего выбора* (удельному весу ценностей, получивших последний ранг) статистически значимые различия зафиксированы (Приложение 13) по следующим показателям:

Терминальные ценности.

1. По ценности «Спасение души» (у дачников – ниже: ϕ -эмпирич 1,82 $p=0,034$), т.е. дачники достоверно реже дают этой ценности последний ранг;

2. По ценности «Удовольствие» (у дачников – выше, т.е. чаще дается последний ранг: ϕ -эмпирич 1,88 $p=0,03$).

В данном случае дачники, давая спасению души более высокий ранг, а удовольствию – более низкий, чем «недачники», демонстрируют близость христианскому типу ценностей и относительную удаленность от ценностей либералистских.

Инструментальные ценности. Различия между дачниками и «недачиками» зафиксированы:

1. По ценности «Верность традициям» (у дачников – ниже, т.е. реже дается последний ранг: ϕ -эмпирич 1,75 $p=0,04$)

2. По ценности «Непримиримость к недостаткам в себе и в других» (у дачников – ниже, т.е. реже дается последний ранг: ϕ -эмпирич 1,73 $p=0,042$)

Советский тип ценностей, выступивший у дачников как наиболее выраженный фактор в факторном анализе данных по методике Рокича, в горизонте отдельной жизни современного россиянина может представляться как традиционный, имеющий несколько поколений последователей, что делает «верность традициям» вполне логичной в системе других ценностей. Дача и дачный труд вполне могут осознаваться частью важной традиции, достойной передачи потомкам. Актуализированная в рамках дачного хозяйства потребность в передаче молодому поколению этого образа жизни связана с общим стремлением человека преодолеть ограниченность бытия рамками земного существования, выйти в пространство вечных смыслов. Относительно более высокий ранг ценности «непримиримость к недостаткам» согласуется с общей картиной близости дачников советскому типу мировоззрения.

В целях конкретизации полученных результатов был расширен диапазон показателей, по которым мы сравнивали основную и «фоновую» группы. С помощью критерия ϕ^* Фишера мы определили частоту представленности ценностей в диапазоне 5-ти крайних высоких рангов (1-4 ранги включительно) и 5-ти крайних низких (16-20 ранги включительно) (Таблицы 8 и 9. Приложение 12). Ценность «внутренняя гармония» у дачников реже оказывается в первой

пятерке рангов, что может свидетельствовать как о том, что советский тип, близость к которому обнаружили дачники согласно данным методики Рокича, содержит в себе потенциальную напряженность между одобряемыми индивидом идеологическими установками и внутренними интуициями и потребностями (о чем мы уже говорили выше), так и о том, что для дачников на фоне других ценностей эта ценность теряет свою первостепенную значимость. В этой же таблице мы видим, что относительно «недачников» приоритет отдан мудрости и способности любить. Отметим и различие по ценности отзывчивости – общая

Таблица 8

Методика М.Рокича. Представленность ценностей в диапазоне пяти крайних высоких рангов (в процентах)

	Дачники (n=106)	Недачники (n=35)	φ-эмпирич.	Уровень значимости различий
Внутренняя гармония	28,3	45,7	1,86	0,031
Мудрость	24,5	8,6	2,261	0,005
Отзывчивость	21,7	37,1	1,7	0,045
Способность любить	61,3	40,0	2,205	0,014

суровость советского типа (зафиксированная в факторном анализе данных по Рокичу) проявляет себя в относительно слабой выраженности этой ценности в ответах дачников. Хотя уровень значимости различий находится на минимальном, пограничном уровне достоверности (0,045). В качестве предположения отметим, что определение какого либо абстрактного свойства как личностной ценности может быть связано как с идеальной, желаемой, но пока не реализованной ценностью, так и с ценностью, которая фактически, в общих чертах воплощена индивидом в собственной жизни. Следовательно, для выводов и интерпретаций важно фиксировать это различие, что входит в план наших дальнейших исследований.

Все указанные в Таблице 9 ценности достоверно чаще располагаются у дачников выше (то есть не попадают в пятерку крайних низких рангов). С высокой степенью уверенности это можно сказать о ценностях «спасение души», «терпение» и «национальная независимость». Менее выражены различия по ценности трудолюбия и самоконтроля, их можно признать как тенденции, могущие или не могущие при определенных условиях перейти в стабильные характеристики. Индикатор «спасение души» говорит о стремлении возвыситься над обыденной жизнью, помыслить себя в вечности, соотнести жизнь с религиозным измерением. Защита Отечества, имеющая относительно более высокую значимость для группы дачников, подтверждает данные факторного анализа по Рокичу, вместе с тем, эта ценность вполне может выходить за рамки советского типа, выступая в контексте других ценностей и как ценность

Методика М.Рокича. Представленность ценностей в диапазоне пяти крайних низких рангов (в процентах)

	Дачники (n=106)	Недачники (n=35)	ф-эмпирич.	Уровень значимости различий
Спасение души	50,9	74,3	2,508	0,005
Национальная независимость	46,2	65,7	2,026	0,022
Терпение	10,4	25,7	2,082	0,019
Трудолюбие	10,4	22,9	1,71	0,044
Самоконтроль	15,1	28,6	1,7	0,045

христианского типа, и шире – традиционная русская ценность. В факторном анализе комплекс христианских ценностей выражен слабее советского, но в данном случае можно говорить о тенденции сближения в дачнике советского и христианского типа. Значимость ценности терпения подтверждает это – универсальность, константность этой ценности в русской истории и в русском характере характеризует ценностные ориентации дачников как близкие к традиционным ценностям.

*Исследование ценностных ориентаций
по методике Н.Я.Большуновой «4 вопроса»*

Следующий пункт нашего комплексного анализа полученных в ходе эксперимента данных – обработка и интерпретация результатов исследовательской методики «4 вопроса». Для получения статистически достоверных данных мы воспользовались критерием углового преобразования Фишера (критерием ϕ^* Фишера)³⁰.

Значимые различия по критерию ϕ^* Фишера между дачниками (n=106) и «недачиками» (n=35) зафиксированы по следующим параметрам:

Вопрос 1. «Что Вы больше всего цените в жизни?» (Таблица 10)

Таблица 10

Результаты опроса по методике «4 вопроса». Вопрос 1 (в процентах)

		Дачники (n=106)	Недачники (n=35)	ф- эмпирич.	Уровень значимости различий
Что Вы больше всего цените в жизни?	любовь и взаимопонимание	36,8	37,1	-0,031	
	свое дело, успех,	6,6	31,4	-3,436	0,001

³⁰ Мы придерживались методических рекомендаций по применению критерия ϕ^* Фишера при обработке процентных долей (частоты) измеряемого признака, согласно которым нижний предел наблюдений в одной из двух выборок не должен быть меньше 2 (при этом количество измерений в другой выборке также должно соответствовать определенному соотношению: 2 – 30, 3 – 7, 4 – 5) (Е.В.Сидоренко). Поэтому не все показатели, зафиксированные в представленных ниже таблицах, попали в аналитическую работу и были приняты в качестве аргументов в защиту нашей гипотезы.

	результативность, профессионализм				
	жизнь, здоровье	18,9	34,3	-1,800	0,036
	свобода, независимость, самодостаточность	15,1	20,0	-0,662	
	верность, преданность, надежность, ответственность	16,0	11,4	0,687	
	творчество, самовыражение, самоотдача	5,7	11,4	-1,062	
	счастье, здор. близких	4,7	0,0	2,241	
	богатство (деньги)	2,8	5,7	-0,749	
	трудолюбие, способ-ть труд-ся	8,5	2,9	1,282	
	доверие	2,8	0,0	1,723	
	любовь и уважение близких	23,6	14,3	1,375	
	счастье	3,8	0,0	2,011	
	надежда	1,9	0,0	1,421	
	семья и дом (дети, родители, родня)	20,8	14,3	1,026	
	ум	2,8	0,0	1,723	
	дружба, общение	25,5	37,1	-1,287	
	искренн., честность, порядочность	38,7	34,3	0,472	
	доброта, сердечность, отзывчивость	19,8	2,9	2,975	
	внутр. гармония	2,8	8,6	-1,328	
	справедливость	6,6	5,7	0,195	
	жизнелюбие, уметь ценить каждый миг	2,8	5,7	-0,749	
	красота, природа	3,8	5,7	-0,462	
	оптимизм	2,8	0,0	1,723	
	терпимость	1,9	0,0	1,380	
	честь, достоинство	1,9	5,7	-1,092	
	спокойствие, стабиль-ть, уверен. в будущем	3,8	0,0	2,011	
	прочее	28,3	37,1	-0,96	

«Недачники»:

1. Свое дело, результативность, профессионализм, успех (ф-эмпирич. 3,43 p=0,001)

2. Жизнь, здоровье (ф-эмпирич. 1,8 p=0,036)

Этот вопрос предлагает респондентам продолжить список референтных ценностей помимо фиксированного списка в модифицированной методике М.Рокича. Выяснилось, что процентная доля ответов «дачников» по ценностям профессионализма, успеха собственного дела статистически значимо ниже аналогичного показателя у «недачников». Это может свидетельствовать о том, что для дачников не представляет первостепенный интерес эта сфера, но только на фоне других, более важных ценностей. Подобное равнодушие к внешним формам и внешним результатам на фоне сосредоточенности на вопросах

внутренней, душевной жизни отмечали многие исследователи русского менталитета. Это подтверждают и данные по методике МТГД. Жизнь и здоровье также не часто упоминаются дачниками как наиболее ценное в жизни, что можно истолковать как признание их относительно менее актуальными, чем для «недачников».

Вопрос 2. «Что Вы больше всего ненавидите?» (Таблица 11)

«Недачники»:

1. Глупость (ф-эмпирич. 2,65 $p=0,003$)
2. Зависть, эгоизм (ф-эмпирич. 1,64 $p=0,05$)

Как и в 1 вопросе, общие моменты преобладают: обе группы четко отметили неприятие таких явлений, как предательство, обман, ложь. Дачники, как ясно из анализа ответов, считают ненависть сильным чувством и не склонны применять его, например, к глупости (глупым людям). Видимо, есть, по их мнению, более подходящие объекты ненависти. Также их меньше беспокоит зависть и эгоизм.

Вопрос 3. «Чего Вы больше всего боитесь в жизни?» (Таблица 12)

«Недачники»:

1. Прочее (ф-эмпирич. 3,34 $p=0,001$)

Таблица 11

Результаты опроса по методике «4 вопроса». Вопрос 2 (в процентах)

		Дачники (n=106)	Недачники (n=35)	ф-эмпирич.	Уровень значимости различий
Что Вы больше всего ненавидите?	предательство (измена, подлость)	43,4	57,1	-1,410	
	хамство, грубость, наглость, невоспитанн.	12,3	14,3	-0,303	
	ложь, обман, лицемерие, лесть	72,6	60,0	1,375	
	несправедливость	9,4	0,0	3,195	
	война, терроризм	6,6	2,9	0,913	
	убийство, насилие, преступность, наркомания	8,5	5,7	0,564	
	цинизм, распутство	2,8	0,0	1,723	
	лень, безделье, безынициативность	9,4	5,7	0,723	
	равнодушие	2,8	0,0	1,723	
	зло, ненависть, конфликтность	12,3	17,1	-0,698	
	самоувер.людей	0,9	8,6	-2,077	
	бедность, когда нет денег	6,6	0,0	2,667	
	продажность, жадность, корысть	12,3	5,7	1,205	
	воровство	1,9	2,9	-0,333	
	глупость	2,8	17,1	-2,652	0,003
	трусость	0,9	2,9	-0,780	

	зависть, эгоизм	13,2	25,7	-1,636	0,05
	прочее	40,6	40,0	0,067	

«Недачники» действительно демонстрируют большой разброс мнений, попавших при первичной обработке в категорию «прочее», что и определило этот результат. В рамках нашего исследования он малоинформативен. Общими для обеих групп является страх болезни, старости, смерти, одиночества, что вполне объяснимо. Как тенденцию (не подтвержденную статистически, но близкую к достоверной значимости) можно отметить опасения дачников потерять себя, не достичь целей жизни, успеха, не оправдать ожидания других, остаться непонятым (17% против 5,7% у «недачников»). В этом проявляется общий страх не успеть свершить что-то главное в жизни, оказаться одиноким и

Таблица 12

Результаты опроса по методике «4 вопроса». Вопросы 3 и 4 (в процентах)

		Дачники (n=106)	Недачники (n=35)	φ-эмпирич.	Уровень значимости различий
Чего Вы больше всего боитесь в жизни?	болезнь, потеря, смерть близких	40,6	31,4	0,985	
	бедности, бедной старости, стать нетрудоспособ., безработным	19,8	17,1	0,354	
	предательства, измены	12,3	5,7	1,205	
	войны, терроризма, диктатуры	12,3	11,4	0,144	
	ненависть, зависть	3,8	0,0	2,011	
	темноты, высоты, пустоты, змей и т.п.	5,7	8,6	-0,580	
	болезни, бессилия, старости, смерти	45,3	37,1	0,887	
	неопределенность, нестабильность, неизвестность	3,8	8,6	-1,041	
	потерять себя, не достичь целей жизни, успеха, не оправдать ожидания других, остаться непонятым	17,0	5,7	1,887	
	одиночество, непонимание детей,	29,2	17,1	1,482	
	прочее	12,3	40,0	-3,344	0,001
Если бы Вы были волшебником, что бы Вы сделали в	мир и счастье всем, здоровья всем, чтобы у всех все хорошо, чтобы сбылись их мечты	36,8	20,0	1,934	0,027

первую очередь?					
	спокойствие близким, обезопасить их от болезней, несчастья, чтобы ни в чем не нуждались	13,2	17,1	-0,559	
	обеспечить себя материально, много денег, стать знаменитым, все для собств. счастья	6,6	28,6	-3,124	0,001
	сделать всех добрыми, научить людей любви, взаимоуважению, пониманию	15,1	8,6	1,041	
	здоровье себе	5,7	2,9	0,718	
	прочее	6,6	5,7	0,195	

непонятым. Проявляется в том числе и тревога за внешнюю сторону жизни (успех), что свидетельствует о прагматической ориентации части дачников и не противоречит отдельным показателям по методикам МТГД и Петровой.

Вопрос 4. «Если бы Вы были волшебником, что бы Вы сделали в первую очередь? (назвать одно главное желание)» (Таблица 12).

Таблица 12

Результаты опроса по методике «4 вопроса». Вопросы 3 и 4 (в процентах)

		Дачники (n=106)	Недачники (n=35)	φ-эмпирич.	Уровень значимости различий
Чего Вы больше всего боитесь в жизни?	болезнь, потеря, смерть близких	40,6	31,4	0,985	
	бедности, бедной старости, стать нетрудоспособ., безработным	19,8	17,1	0,354	
	предательства, измены	12,3	5,7	1,205	
	войны, терроризма, диктатуры	12,3	11,4	0,144	
	ненависть, зависть	3,8	0,0	2,011	
	темноты, высоты, пустоты, змей и т.п.	5,7	8,6	-0,580	
	болезни, бессилия, старости, смерти	45,3	37,1	0,887	
	неопределенность, нестабильность, неизвестность	3,8	8,6	-1,041	
	потерять себя, не достичь целей жизни, успеха, не оправдать ожид. других, остаться непонятым	17,0	5,7	1,887	
	одиночество, непонимание детей,	29,2	17,1	1,482	
	прочее	12,3	40,0	-3,344	0,001
Если бы Вы были волшебником,	мир и счастье всем, здоровья всем, чтобы у всех все хорошо,	36,8	20,0	1,934	0,027

что бы Вы сделали в первую очередь?	чтобы сбылись их мечты				
	спокойствие близким, обезопасить их от болезней, несчастья, чтобы ни в чем не нуждались	13,2	17,1	-0,559	
	обеспечить себя материально, много денег, стать знаменитым, все для собств. счастья	6,6	28,6	-3,124	0,001
	сделать всех добрыми, научить людей любви, взаимоуважению, пониманию	15,1	8,6	1,041	
	здоровье себе	5,7	2,9	0,718	
	прочее	6,6	5,7	0,195	

Дачники:

1. Мир, счастье, здоровье всем, чтобы у всех все было хорошо, у всех сбылись мечты (ф-эмпирич. 1,93 $p=0,027$)

«Недачники»:

1. Обеспечить себя материально, много денег, все для собственного счастья, стать знаменитым (ф-эмпирич. 3,12 $p=0,001$).

При всей эвристичности подобного рода вопросов и ответов, в контексте сопоставления с данными по другим методикам, мы можем сделать некоторые осторожные выводы. Данные по 4 вопросу подтверждают, в частности, то, что дачники, демонстрируя в целом общность ценностей с «недачниками», по отдельным показателям находятся ближе к традиционным ценностям, - например благодаря выделению таких ценностей как «непогоня за богатством» и отзывчивость. При этом обе группы примерно одинаково заботятся о благе и спокойствии близких (13,2% и 17,1% соответственно у дачников и «недачников»), о собственном здоровье.

Для аргументированного ответа на вопрос о *наличии связи между ценностями и мотивацией личности* мы провели корреляционный анализ (Приложение 18) с последующей факторизацией данных по методике М.Рокича и МТГД (Приложение 19).

Предварительно следует отметить, что ценности не прямым образом детерминируют мотив, что корректнее говорить именно о *связи*, так как возможно и обратное влияние определенных комбинаций мотивов на понимание, смысловое позиционирование конкретной ценности в одном и том же факторе. Факторизация данных по методике Рокича позволила выявить у дачников 3 фактора, расположенных в определенном иерархическом порядке: 1) советские ценности, 2) христианские, 3) либералистские. Дополнительные процедуры эмпирического анализа (по критерию Фишера показателей методики Рокича, по данным методики «4 вопроса») уточнили общую картину близости дачников

советскому и христианскому типам мировоззрения. По совокупности всех данных мы предполагаем, что и при соотнесении методик МТГД и Рокича в рамках факторного анализа этот иерархический порядок может в том или ином виде сохраниться, во всяком случае трудно ожидать, что самым сильным фактором окажется либералистский.

Факторизация данных двух методик - МТГД и М.Рокича - позволила выделить 5 факторов, условно названных нами как «честность во всем», «душа всего дороже», «гармоничная жизнелюбивая открытость», «антилиберальная мечтательность по-советски» и «дача как исполнение семейного долга» (Таблица 13).

В первый фактор («честность во всем») с высоким факторным весом вошли показатели коммуникативности (прямая корреляция с двд24 с факторным весом 0,77 и обратная корреляция с ип26 с коэффициентом 0,78), честности (0,5), трудолюбия (0,33) в комплексе с нормативно-нравственной мотивацией (нн21, нн18, нн20, нн30). Общий смысл этого фактора в том, что честность во всех сферах жизни, честное отношение к себе, другим, к своему делу прямо коррелирует с открытыми, искренними отношениями с людьми. Другими словами, честное отношение к людям ведет к открытости контактов, честное отношение к делу – ведет к трудолюбию, к результативности (нн13 – гордость за агрономические успехи); честность предполагает способность реалистично воспринимать жизнь – отсюда и прагматика в оценке дачного хозяйства (ип1 – дача - средство выживания, ип15 – часть урожая стараюсь продать). Ориентация

Таблица 13

Факторный анализ данных по методике МТГД и М.Рокича

	Переменные и их факторная нагрузка (прямая корреляция)	Переменные и их факторная нагрузка (обратная корреляция)
Фактор 1 «Честность во всем»	двд24 (многолетняя дружба с соседями) 0,77 двд28 (зимой мечтаю о даче) 0,71 двд10 (дача не отнимает много сил) 0,7 нн21 (дача не развивает корысть) 0,67 двд22 (соседи не тяготят) 0,67 двд11 (земля – живая) 0,65 двд7 (дача успокаивает) 0,63 двд23 (не ищу отдыха от людей) 0,63 Ип1 (дача – средство выживания) 0,6 нн18 (внукам лучше знать, что такое дача) 0,59 нн20 (дача учит терпению) 0,59 нн6 (дача – не для неудачников) 0,53 Честность 0,5 нн17 (хочу передать любовь к земле внукам) 0,41 ип15 (часть урожая продаю) 0,4 Трудолюбие 0,33 Здоровье 0,33 нн30 (тружусь, следовательно существую) 0,32 нн13 (гордость за агроном.успехи) 0,32	ип26 (не делюсь радостью с соседями) 0,78 ип4 (будь у меня миллион я бы продал дачу) 0,76 ип25 (держусь от соседей подальше) 0,73 ип3 (дача – для отдыха) 0,72 ип5 (будь у меня миллион, я бы грядки превратил в газон) 0,7 Свобода 0,42 нн12 (зависимость от дачи неунизительна) 0,38 Интеллектуальность 0,34

Фактор 2 «Душа всего дороже»	Терпимость 0,8 Терпение 0,77 Отзывчивость 0,7 Спасение души 0,67 ип16 (веду учет расходам) 0,61 нн17 (хочу передать любовь к земле внукам) 0,6 Честность 0,58 двд9 (иногда разговариваю с растениями) 0,55 нн12 (зависимость от дачи неунизительна) 0,55 ип25 (держусь от соседей подальше) 0,45 двд11 (земля – живая) 0,42 нн19 (любовь к земле передалась мне от родителей, предков) 0,41 нн18 (внукам лучше знать, что такое дача) 0,4 двд24 (многолетняя дружба с соседями) 0,33 нн13 (гордость за агроном. успехи) 0,31	Независимость 0,7 Рациональность 0,65 Продуктивная жизнь 0,65 Интеллектуальность 0,62 Творчество 0,48 ип 27 (я не делюсь агрономич. опытом с соседями) 0,48 двд8 (дачу не продам) 0,46 Богатое воображение 0,4 Непримиримость к недостаткам 0,37 двд22 (соседи не тяготят) 0,34 Самоуважение 0,33
Фактор 3 «Гармоничная жизнелюбивая открытость»	Любовь 0,83 Жизнерадостность 0,78 нн21 (дача не развивает корысть) 0,59 Внутренняя гармония 0,56 нн6 (дача – не для неудачников) 0,51 нн20 (дача учит терпению) 0,5 двд10 (дача не отнимает много сил) 0,37 Здоровье 0,34 двд22 (соседи не тяготят) 0,32	Исполнительность 0,8 Трудолюбие 0,6 Равенство 0,48 ип4 (будь у меня миллион я бы продал дачу) 0,39 Самоконтроль 0,38 Свобода 0,32 Мир во всем мире 0,32
Фактор 4 «Антилиберальная мечтательность по-советски»	Национальная независимость 0,74 Аккуратность 0,65 двд9 (иногда разговариваю с растениями) 0,61 Равенство 0,56 нн30 (тужусь, следовательно существую) 0,4 Мир во всем мире 0,38 Здоровье 0,37 Ип1 (дача – средство выживания) 0,37 двд7 (дача успокаивает) 0,34 двд11 (земля – живая) 0,33	Амбициозность 0,75 Удовольствие 0,67 Самоуважение 0,55 Общественное признание 0,43 Смелость 0,43 Активная жизнь 0,42 Рациональность 0,4
Фактор 5 «Дача как исполнение семейного долга»	Счастливая семейная жизнь 0,54 ип14 (дача - скорее бизнес) 0,44 Ип1 (дача – средство выживания) 0,37 нн29 (дача – лучшее дело на пенсии) 0,36 ип5 (будь у меня миллион, я бы грядки превратил в газон) 0,33 Исполнительность 0,33 ип15 (часть урожая продаю) 0,31	двд2 (дача – для души) 0,75 Мудрость 0,74 Творчество 0,63 Богатое воображение 0,59 Свобода 0,57 двд11 (земля – живая) 0,42 Самоуважение 0,41 Честность 0,34 Амбициозность 0,32

на нормативность дачного образа жизни (нн18, нн17, нн20, нн30) также раскрывается как честное отношение к жизни, ее глубокое, смысловое принятие (этому способствует и тонкая чувствительность земли как живого естества). Честный взгляд на жизнь предполагает восприятие дачи как важной ценности, способствующей установлению мира и радости в душе. Даже если это не совсем соответствует требованиям интеллекта (отрицательная корреляция с

«интеллектуальностью», факторный вес 0,34) и в чем-то противоречит идее свободы (отрицательная корреляция со «свободой», факторный вес 0,42). Таким образом, честность как одна из факторообразующих ценностей выступает основанием мотивационных комплексов «душа всего дороже» и «нормативно-нравственного», а ценности свободы и интеллектуальности – основанием индивидуалистическо-прагматической мотивации.

Второй фактор («душа всего дороже») содержит комплекс показателей, ядром которых выступают ценности, выше маркированные нами как христианские («терпимость» 0,8, «терпение» 0,77, «отзывчивость» 0,7, «спасение души» 0,67). Их плодами являются, или, другими словами, они выступают основанием таких мотивационных тенденций, как любовь к земле, ко всему живому, стремление сохранить «связь времен», традиции. Терпение связано с пунктуальностью, честность – со старательностью и реализмом – все это объясняет появление в данном комплексе прагматического показателя ип16 – «веду учет расходам». Сквозь призму духовной сосредоточенности, могущей проявляться в стремлении к уединенности, следует трактовать другой прагматический индикатор – ип25 («держусь от соседей подальше»), хотя в то же время – готовность делиться с соседями агрономическим опытом и достижениями (отрицательная корреляция с ип27 – «я не делюсь агрономическим опытом с соседями»). На другом (отрицательном) полюсе корреляции образуется весьма своеобразный комплекс показателей, в котором наивысший факторный вес получили либералистские ценности («независимость» -0,7, «рациональность» -0,65, «продуктивная жизнь» -0,65, «интеллектуальность» -0,62, «творчество» -0,48). Данный комплекс означает тип личности, у которой «все под контролем» и «все о'кей», самодовольно открытую в контактах, удовлетворенную, в том числе дачей, но придиричивую к недостаткам. Дачники, судя по структуре фактора, дистанцируются от подобного типа поведения.

Третий фактор («гармоничная жизнелюбивая открытость») содержит с высоким факторным весом такие ценности как «любовь» (0,83), «жизнерадостность» (0,78), «внутреннюю гармонию» (0,56). Ни дача, ни соседи – не тяготят (двд10, двд22), дача развивает нравственные начала (нн21, нн20) При этом – неприемлемы исполнительность (-0,8), трудолюбие (-0,6), равенство (-0,48), самоконтроль (-0,38). Даже свобода оказалась на полюсе обратной корреляции (-0,32). Все говорит в пользу «легкости бытия», довольства собой и своим времяпровождением на даче, в которой видится личностный смысл, но без особых трудовых усилий и контроля над собой.

В *четвертом факторе* («антилиберальная мечтательность по-советски») наиболее заметным признаком будет открытое неприятие комплекса либералистских ценностей (отрицательная корреляция с высоким факторным весом таких ценностей, как амбициозность, удовольствие, общественное признание, активная жизнь). Положительная корреляция связывает достаточно противоречивые показатели, общий фон которых, по нашему мнению, близок советскому типу ценностных ориентаций. Так, выделяются ценности «национальная безопасность» (0,74), «равенство» (0,56), «мир во всем мире»

(0,38). Вместе с тем, второй по весу показатель – «аккуратность» (0,65) – вкупе с изрядной долей сентиментальности (двд9 – «иногда разговариваю с растениями», двд11 – «земля - живая») дают необычный тип мягкого, пунктуального, прагматического (ип1) труженика (нн30). В целом, важно подчеркнуть два момента: во-первых, подтвердился тезис о различиях комплекса советских и либералистских ценностей, во-вторых, амбициозность, стремление к удовольствию и т.п. обратно коррелятивны нормативно-нравственному отношению к дачному труду (нн30) и душевному контакту с землей и растениями.

Пятый фактор имеет название «дача как исполнение семейного долга». Сочетание показателей дает весьма определенный тип отношения к дачному труду. В центре фактора – ценность семейной жизни (0,54), дополненная исполнительностью (0,33) и высокой долей прагматики (ип14, ип1, ип15). При этом тот же здравый смысл, что заставляет признать дачу бизнесом и средством выживания, намекает, что выгода несущественна и что при случае можно грядки превратить в газон (ип5). Акцентуация данной позиции представлена комплексом показателей с отрицательным коэффициентом корреляции. Оказалось, что труд на даче ради блага семьи не предполагает творчества (-0,63), свободы (-0,57), ничего не дает душе (двд2 с высоким отрицательным факторным весом -0,74) и противоречит мудрому отношению к жизни (-0,74). Таким образом, в этом типе много привычки (нн29) и нормативности, но мало душевности вообще и душевной свободы в частности.

В координатах предложенной культурно-исторической типологии мировоззрений 1 фактор можно определить как «мягкую», коммуникативную версию советского типа. Это явно смешанный тип, без четкого профиля, прямо выводящего на один из трех типов. Но учитывая представленные в данном факторе ценности, мы фиксируем, что это не либералистский тип: честность, правдивость, как они понимаются в русской культуре, не согласуются, например, с установкой жить только для себя, с амбициозностью, ориентацией на удовольствие. Важная характеристика данного фактора – отрицательная корреляция с ценностью свободы, что делает его близким для советского типа. «Мягкость» же заключается в том, что исчезли жесткие индикаторы – «равенство», «мир во всем мире», «национальная независимость» (они «спустились» в 4-й фактор). Не противоречит нашему предположению и общий смысл комплекса мотивационных тенденций, объединенных данным фактором – ценность бескорыстного общения, усиленная отрицательной корреляцией с 5-ю индивидуально-прагматическими индикаторами. Тем самым это – знакомый нам советский тип, но «одушевленный», очеловеченный, максимально приближенный к человеку, к общению с близкими (и общению с землей). Его специфическая характеристика – акцент на социально-коммуникативной сфере. Возможно, дачный труд способствует трансформации советского типа в сторону его гуманизации, акцентуации на ближний круг жизни, на открытость и общение.

Второй фактор достаточно ясно соответствует христианскому типу, его отличительной чертой в данном случае выступает выраженная созерцательность, сосредоточенность на внутреннем (в большей степени, чем в аналогичном факторе по методике Рокича). Эта специфика усиливается отрицательной коррелятивностью, например, с ценностями «рациональность», «продуктивная жизнь», «творчество», которые в данном случае могут толковаться как установки на внешний активизм. При этом подобное духовное состояние не означает независимости, разъединенности с другими людьми.

Третий фактор условно относится к «мягкому» либералистскому типу с преобладанием любви и беззаботной жизнерадостности на фоне обратной корреляции с отдельными ценностями советского типа – равенством, трудолюбием, миром во всем мире.

В четвертом факторе достаточно явственно представлены советские ценности – национальная безопасность, равенство, мир во всем мире, которые противопоставлены блоку либералистских ценностей – амбициозности, удовольствию, активной жизни и др. Плюс аккуратность с довольно высоким факторным весом. Ряд мотивационных индикаторов сглаживают, компенсируют суровость этого типа – двд9 (разговариваю с растениями), двд11 (земля – живая). В целом это пример нормативного, почти солдатского восприятия дачи, освященного идеей служения стране. Приверженность советским ценностям на фоне неопределенности ценностей, размытости идеалов в современной жизни в значительной степени стабилизирует внутренний мир дачников, но одновременно вносит элемент напряжения, поскольку всегда нелегко жить в настоящем ценностями прошлого.

Пятый фактор типологически не прояснен.

Для выяснения сущности связи ценностей и мотивации личности мы проанализировали специфику смысловой наполненности одних и тех же мотивов в зависимости от типо-мировоззренческого контекста выделенного фактора. Были последовательно рассмотрены прагматическо-экономический мотив (ип1), психотерапевтический (двд9, двд11) и нравственно-нормативный (нн17, нн18).

Индивидуалистическо-прагматическая мотивация на примере ип1 («Дачный огород для меня – это средство выживания»). Данный индикатор представлен в 3-х из 5-и факторов.

В 1-м факторе («мягкий советский тип») дача принимается как пространство жизни, наполненное прежде всего живым, душевным общением. Индикатор ип1 имеет два значения – выживание в узком, экономическом смысле (в союзе с ип15 – «часть урожая продаю») и выживание в широком смысле, как сохранения образа жизни, который «по душе», того богатства общения, которое получает человек, копаясь на своем участке, вступая в коммуникацию с соседями и т.п.

В 4-м факторе («советский тип») этот же индекс наполняется смыслом выживания вместе со страной, он выступает как суровый императив, требующий ограничений, скромности, удаленности от амбиций и удовольствий.

В 5-м факторе (типологически не прояснен, но содержательно ярко выражен) выживание раскрывается в контексте выживания и блага семьи и себя самого. В этом факторе присутствуют и другие прагматические мотивы – ип14 (дача – скорее бизнес) и ип15 (часть урожая продаю).

Психотерапевтическая мотивация на примере двд9 («иногда я разговариваю с растущими на даче кустами и травами как с живыми существами») и двд11 («я чувствую, что земля – живая»). Представлена в 4-х факторах из 5-и.

Фактор 1 («мягкий советский тип»). Мотив общения с землей, растениями, вообще – со всем живым вписывается в общий контекст активного общения с людьми. Любовь к людям и любовь к земле взаимно обуславливают друг друга. Радость, получаемая от контактов с людьми, «перетекает», освящает собой и контакты с землей и растениями.

Фактор 2 («христианский тип»). Смысловое, глубокое прочувствование земли как части космоса, Божьего мира. Благоговейное, трепетное отношение ко всему живому. Потребность прикоснуться к тайне творения, приобщиться к загадке жизни. Способность прислушиваться к природе, учиться у нее.

Фактор 4 («советский тип»). Потребность в живом, непосредственном контакте с землей и растениями не противоречит общей строгости этого фактора. Это общение не столь глубокое, как в христианском типе (фактор 2) и не так насыщено радостью от коммуникации с другими людьми (фактор1), но не менее искреннее. Так солдат в перерыве между боями любовно, нежно разговаривает с деревьями, птицами... Это подчеркивает и положительная связь с мотивом двд7 (дача приносит успокоение).

5 фактор. Индекс двд11 расположен на отрицательном полюсе фактора, то есть противостоит семейному счастью и исполнительности. Несколько прагматических мотивов (восприятие дачного хозяйства как бизнеса, стремление часть урожая продавать), общий фон нормативности заметно обесценивает сущность контактов с землей, превращая ее в компонент бизнес-плана.

Нравственно-нормативная мотивация на примере нн17 («я хотел бы передать свою любовь к земле своим детям и внукам») и нн18 («было бы лучше, если бы мои дети и внуки знали, что такое дачный огород»). Представлена в 2-х из 5-и факторов.

Фактор 1 («мягкий советский тип»). Данные мотивационные тенденции реализуют потребность продлить в детях и внуках собственное существование, передать им все ценное и дорогое, что человек вынес из опыта своей жизни. Различия в содержании мотива будут зависеть от того, что именно полагается как нечто важное и дорогое. В рамках данного типа подлинным сокровищем признается открытое, искреннее, бескорыстное общение с другими людьми. Интуитивно признается связь между любовью к земле, которую респонденты намерены передать внукам (нн17), трудолюбием и ценностью общения.

Фактор 2 («христианский тип»). Ценным и дорогим в этом типе признается глубина, сосредоточенность, тонкость внутренней духовной и душевной жизни. Дачный труд, безусловно, способствует формированию таких важнейших

ценностей, как способность прощать, терпение, отзывчивость. Поэтому есть большой смысл в том, чтобы дети и внуки знали, что есть дача и что есть труд на земле. И именно любовь к земле раскрывает многое для человека, а не просто рациональное и продуктивное ее использование.

Таким образом, каждый из мотивов личности обретает свой неповторимый, уникальный «голос» в соответствии с содержанием фундирующих его ценностей в контексте типа мировоззрения, репрезентированного этими ценностями. Мировоззрение опосредует связь ценностей и мотивов не как отдельная, самостоятельная структура, а как объемлющая и мотивы и ценности смысловая конструкция. Функция посредничества мировоззрения реализуется в механизме смыслового соотнесения части и целого, где целым выступает конкретный тип мировоззрения.

Заключение

В данной работе была поставлена задача исследовать социокультурные основания мотивации труда современных горожан-дачников. Для ее выполнения мы последовательно проанализировали философско-методологические, научные, практико-методические вопросы по данной проблеме, провели собственное экспериментальное исследование и пришли к следующим выводам:

1. Дачники представляют собой весьма многочисленную социальную группу – не менее половины всего населения России. В связи с этим отсутствие научных исследований данного социально-психологического и культурного феномена выглядит нелогичным и несколько странным. Наша работа, по сути, является попыткой впервые обратиться к данной теме и по мере сил разобраться в ней.

2. Дачный тип хозяйства сближает его носителей с традиционными формами крестьянского труда, а через это – и с системой ценностей, характерной для крестьянской культуры. Мы выделяем как базовые для нее такие ценности, как терпение, «непогоня за богатством» (А.И.Солженицын), благоговение перед Природой и ее Творцом, выносливость, умение быть частью коллектива и нек.др.

3. Заслуживают внимания результаты нашего эмпирического исследования. Они в общих чертах таковы:

– На основе факторизации показателей опросника МТГД было выделено 5 основных мотивационных тенденций в группе дачников: 1) стремление к миру и гармонии в душе, отражающее «душелечебную», психотерапевтическую функцию дачного труда (фактор *«душа всего дороже»*); 2) стремление получить некоторую материальную пользу от этого занятия, обусловленное чувством реальности, требованиями жизненных обстоятельств (фактор *«рационально-прагматический»*); 3) стремление к живому общению, дефицит которого ощущается в городской жизни (фактор *«коммуникативный»*); 4) стремление к институализации дачного образа жизни на базе его нравственного осмысления (фактор

«нравственно-нормативный»); 5) стремление найти в даче средство отдохновения, досуга («досугово-релаксационный» фактор).

– Данные факторизации показателей по методике С.М.Петровой подтвердили надежность опросника МТГД. В структуре и содержании 3-х факторов из 4-х выявлено сходство между аналогичными факторами обеих методик.

– Факторный анализ данных по модифицированной методике М.Рокича позволил выделить у дачников 3 комплекса ценностей: 1) «советские ценности» (с высоким факторным весом таких ценностей, как «равенство», «национальная безопасность», «мир во всем мире», «счастье других», «непримиримость к недостаткам в себе и в других»); 2) «христианские ценности» (с высоким весом ценностей «счастливая семейная жизнь», «отзывчивость», «терпимость», «честность», «терпение»); 3) «либералистские ценности» (с высоким весом ценностей «комфортабельная жизнь», «активная жизнь», «общественное признание», «амбициозность», «удовольствие»). Важным показателем признан порядок выделенных факторов, показавший относительно высокий факторный вес ценностей советского типа. В группе «недачников» порядок факторов оказался иным: 1) «либералистские», 2) «христианские», 3) «советские».

– Данные, полученные по методике М.Рокича и обработанные по критерию F^* Фишера, показали, что дачники достоверно реже, чем «недачники» давали последний ранг ценностям «верность традициям» и «непримиримость к недостаткам в себе и в других», что интерпретировано как свидетельство их относительной близости христианскому и советскому типам мировоззрения. Также выявлено, что дачники достоверно чаще дают более высокие ранги ценности «спасение души», а более низкие – «удовольствию», демонстрируют тем самым относительную близость христианскому типу ценностей и удаленность от ценностей либералистских. В диапазоне крайних высоких рангов дачники называли чаще мудрость и способность любить, при этом располагая ценности «внутренняя гармония» и «отзывчивость» несколько ниже, чем «недачники», что может объясняться, в частности, тенденцией близости дачников советскому типу (зафиксированную в факторизации по методике Рокича).

– По данным методики «4 вопроса» Н.Я.Большуновой дачники реже, чем «недачники», называют самым ценным «свое дело», «успех», «результативность» и на вопрос «Если бы Вы были волшебником, что бы Вы сделали в первую очередь?» они отвечают предпочтением сделать нечто доброе и важное для всех, для других, что демонстрирует их удаленность от прагматической и эгоцентрической ориентации либералистского типа.

– По совокупности показателей всех использованных методик можно зафиксировать близость ценностных ориентаций дачников комплексу традиционных для русской культуры ценностей, в частности, терпению,

готовности к защите родины, стремлению к правде и справедливости, трудолюбию.

– На основе факторного анализа данных опросника МТГД и методики М.Рокича мы выделили 5 факторов: 1) фактор 1 - «честность во всем», в котором ценность честности (0,49) и трудолюбия (0,33) положительно связаны с мотивационными комплексами «душа всего дороже» (7 показателей с факторными весами от 0,63 до 0,77) и «нравственно-нормативным» (7 показателей с весами от 0,32 до 0,67); 2) фактор 2 - «душа всего дороже», соединяющий комплекс христианских ценностей («терпимость» 0,8, «терпение» 0,77, «отзывчивость» 0,7, «спасение души» 0,67, «честность» 0,58) с нравственно-нормативной мотивацией (5 показателей с факторными весами от 0,31 до 0,6) и «психотерапевтической» (3 показателя «двд» с весами от 0,33 до 0,55), а также с «прагматической» (2 показателя «ип» с весами 0,45 и 0,61); 3) фактор 3 - «гармоничная жизнелюбивая открытость» - в этом факторе нравственно-нормативная мотивация (3 показателя от 0,5 до 0,59), усиленная восприятием дачи как «душевного отдохновения» (2 показателя 0,32 и 0,37) имеют в основании ценности любви, жизнерадостности, внутренней гармонии и здоровья (факторные веса от 0,34 до 0,83); 4) фактор 4 - «антилиберальная мечтательность по-советски», в котором явно обнаружился комплекс советских ценностей («национальная независимость» 0,74, «равенство» 0,56, «мир во всем мире» 0,38) в союзе с мотивационным комплексом «душа всего дороже» (3 показателя с факторными весами от 0,33 до 0,61), усиленным нравственно-нормативной мотивацией (нн30, факторный вес 0,40) и учетом реалий жизни (ип1, факторный вес 0,37); 5) фактор 5 - «дача как исполнение семейного долга», дающий рационально-прагматическое толкование дачного хозяйства (4 показателя «индивидуализма-прагматизма» с факторными весами от 0,31 до 0,44) на основе отчетливо выраженной ценности семейной жизни (0,54) и исполнительности (0,33).

– Анализ содержания связи ценностей и мотивации на примере рассмотрения содержательной специфики трех конкретных мотивационных тенденций (прагматически-экономической, психотерапевтической и нравственно-нормативной) в контексте различных типов мировоззрения показал, что каждый из мотивов личности имеет свое неповторимое, уникальное содержание в соответствии с содержанием фундирующих его ценностей в контексте типа мировоззрения, репрезентированного этими ценностями. Мировоззрение опосредует связь ценностей и мотивов не как отдельная, самостоятельная структура, а как объемлющая и мотивы и ценности смысловая конструкция. Функция посредничества мировоззрения реализуется в механизме смыслового соотнесения части и целого, где целым выступает конкретный тип мировоззрения.

Социально-политические процессы в истории России в XX веке породили феномен массовой поверхностной урбанизации, когда миллионы крестьян - где добровольно, а где и насильственно – в кратчайшие сроки меняли образ жизни с привычного, традиционного, деревенского на новый и во многом чужой городской. Города быстро разрастались за счет бывших крестьян, входивших в индустриальный мир с ментальностью пахаря. Дачное движение позволило горожанам вернуться в некотором смысле, локально во времени и в пространстве, к прежнему образу жизни. Мы должны видеть, что дачники, конечно, не горожане в классическом, чистом виде. Они не вписываются в логику урбанизации. Но это не есть признак их ущербности, слабости, а, скорее, даже напротив. В рамках нашего исследования мы можем утверждать, что «возврат» русско-советского горожанина к земле, к «огороду» не означает ни регрессивный откат в отсталое прошлое, ни примитивную реакцию бедности, ни инерцию привычки. В этом явлении русский человек возвращается (чаще всего интуитивно) к неискаженным отношениям к земле и к труду на земле, он вступает в смиренный диалог с ней, учится быть щедрым и терпеливым, учится больше отдавать, чем брать. Дачное хозяйствование – это воплощение мечты об уходящей безвозвратно органической жизни, которой жили не так давно наши родители и деды; это – эрзац, суррогат, но русский человек и в нем ищет успокоения, естественности, цельности, и даже – неосознанно – спасения. Дачное хозяйство – не архаизм, а интуитивное движение сопротивления искусственному урбанизированному миру. Беда в том, что и сам дачник часто не осознает смысл того, что и почему он делает на своей земле, он смущается перед лобовыми атаками «цивилизации досуга» и не умеет защитить свой образ жизни. Он чувствует сердцем, что прав, но, как писал Н.Н.Страхов, не умеет «возвести свои духовные инстинкты в сознательные начала» (цит.по [94]). Ему нужно помочь это сделать. Поскольку это наше общее дело – осознать кто мы есть.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. 1000 лет русского предпринимательства: Из истории купеческих родов / Сост., вступ.сл., примеч. О.Платонова. – М.: Родник, 1995. – 383 с.
2. Абульханова К.А. Мировоззренческий смысл и научное значение категории субъекта / К.А. Абульханова // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. Под ред. К.А.Абульхановой, А.В.Брушлинского, М.И.Воловиковой. – М.: Институт психологии РАН, 1997. – С.56-74.
3. Абульханова К.А. Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности): избранные психологические труды / К.А.Абульханова. – М.: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1999. – 224 с.
4. Абульханова К.А., Енакаева Р.Р. Российский менталитет – или игра без правил (российско-французские кросскультурные исследования и диалоги) / К.А.Абульханова, Р.Р.Енакаева // Российский менталитет: психология личности, сознание, социальные представления. Под ред. К.А.Абульхановой-Славской, А.В.Брушлинского, М.И.Воловиковой. – М.: Институт психологии РАН, 1996. – С.4-27.
5. Августин Аврелий. Исповедь / Августин Аврелий. – СПб.: Азбука, 1999. – 393 с.
6. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии / А.Адлер. – СПб.: Питер, 2003. – 248 с.
7. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания / Б.Г.Ананьев. – СПб.: Питер, 2001. – 288 с.
8. Арсеньев А.С. Философские основания понимания личности: Цикл популярных лекций-очерков с приложениями: учебное пособие / А.С.Арсеньев. – М.: ИЦ «Академия», 2001. – 592 с.
9. Асмолов А.Г. Основные принципы психологической теории деятельности / А.Г.Асмолов [и др.] // А.Н.Леонтьев и современная психология (Сб.статей памяти А.Н.Леонтьева). – М.: Изд-во МГУ, 1983. – 288 с.
10. Асмолов А.Г. Психология личности: принципы общепсихологического анализа / А.Г.Асмолов. – М.: Смысл, 2001. – 416 с.
11. Барская А.Д. Психолого-историческая реконструкция особенностей психики гомеровского человека. Автореферат диссертации на соиск. учен.степени канд.психол.наук / А.Д.Барская. – М., 1998. – 27 с.
12. Барсукова С.Ю. Неформальная экономика и система ценностей россиян / С.Ю.Барсукова // Социологические исследования. – 2001. - №1. – С.57-62.
13. Бассин Ф.К., Ярошевский М.Г. Фрейд и проблемы психической регуляции поведения человека / Ф.К.Бассин, М.Г.Ярошевский // Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. – М.: Наука, 1991. – 456 с.
14. Батищев Г.С. Найти и обрести себя / Г.С.Батищев // Вопросы философии. – 1995. - №3. – С.95-129.

15. Батищев Г.С. Особенности культуры глубинного общения / Г.С.Батищев // Вопросы философии. – 1995. - №3. – С.95-129.
16. Бенедиктов Н.А. Русские святые / Н.А.Бенедиктов. – М.: Алгоритм, 2003. – 272 с.
17. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955 / Н.А.Бердяев. – М.: Наука, 1990. – 224 с.
18. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века / Н.А.Бердяев, В.В.Зеньковский, П.А.Сорокин // О России и русской философской культуре. – М.: Наука, 1990. – 528 с.
19. Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда / Н.А.Бердяев, С.Н.Булгаков, С.Л.Франк // Вехи; Интеллигенция в России: Сб.ст. 1909-1910. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 462 с.
20. Бечвая Д.К. К гносеологической природе ценности. Автореферат дисс. на соиск. уч. степ. канд. философских наук / Д.К.Бечвая. – Тбилиси, 1971. – 30 с.
21. Боброва Е.Ю. Основы исторической психологии / Е.Ю.Боброва. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. – 235 с.
22. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / Ж.Бодрийяр. – М.: Добросвет, 2000. – 258 с.
23. Божович Л.И. Избранные психологические труды. Проблемы формирования личности / Л.И.Божович. – М.: Международ.пед.академия, 1995. – 212 с.
24. Бойков В.Э. Ценности и ориентиры общественного сознания россиян / В.Э.Бойков // Социологические исследования. – 2004. - №7. – С.46-52.
25. Большая Советская Энциклопедия. – Т.2. - 1-е издание. – М.: Изд-во АО «Советская энциклопедия», 1926. – 800 с.
26. Большунов А.Я. Манифест Российского Патриотизма (за Россию великую и неделимую) / А.Я.Большунов. – М.: Центр «Народный депутат», 2001. – 80 с.
27. Большунов А.Я., Лисин В.С., Тихановский А.В. Станет ли в России жить хорошо? / А.Я.Большунов, В.С.Лисин, А.В.Тихановский. – М.: Издательский центр научных и учебных программ, 1999. – 120 с.
28. Большунова Н.Я. Социокультурное развитие студентов педагогического вуза // Мотивационное пространство воспитательной работы педагогического вуза: Сб.науч.статей. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2001. – 90 с.
29. Большунова Н.Я. Субъектность как социокультурное явление / Н.Я.Большунова. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2005. – 324 с.
30. Братусь Б.С. Общепсихологическая теория деятельности и проблема единиц анализа деятельности / А.Г.Асмолов [и др.] // А.Н.Леонтьев и современная психология (сб.статей памяти А.Н.Леонтьева). – М.: Изд-во МГУ, 1983. – 288 с.

31. Братусь Б.С. Российская психология на перепутье / Начала христианской психологии: Учебное пособие для вузов. – М.: Наука, 1995. – 235 с.
32. Братусь Б.С. Русская, советская, российская психология: Конспективное рассмотрение / Б.С.Братусь. – М.: Московский психол.-социал.инст-т: Флинта, 2000. – 87 с.
33. Брушлинский А.В. Ментальность российская и региональная (провинциальная) / Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. Под ред. К.А.Абульхановой, А.В.Брушлинского, М.И.Воловиковой. – М.: Институт психологии РАН, 1997. – с.38-43.
34. Брушлинский А.В. Субъект: мышление, учение, воображение: Избранные психологические труды / А.В.Брушлинский. – М.: Изд-во Московского психол.-соц.инст-та; Воронеж: МОДЭК, 2003. – 407 с.
35. Брянцев М.В. Религиозно-этические основы предпринимательства в России (XIX век) / М.В.Брянцев. – М.: Спутник+, 2000. – 96 с.
36. Буданцев Ю.П. Смысл жизни народа (тип личности героя народных сказок) / Психологические, философские и религиозные аспекты смысла жизни: Материалы III-V симпозиумов / Психологический институт РАО / Редколлегия: Чудновский В.Э. и др. – М.: Ось-89, 2001. – 336 с.
37. Булгаков С.Н. Народное хозяйство и религиозная личность / С.Н.Булгаков // Два града. Исследование о природе общественных идеалов. СПб.:Изд-во РХГИ, 1997. – 589 с.
38. Булгаков С.Н. Основные проблемы теории прогресса / Булгаков С.Н. // Философия хозяйства. – М.: Наука, 1990. – 412 с.
39. Булгаков С.Н. Православие / С.Н.Булгаков. – М.:ООО «Изд. АСТ»; Харьков: «Фолио», 2001. – 480 с.
40. Булгаков С.Н. Философия хозяйства / С.Н.Булгаков. – М.: Наука, 1990. – 412 с.
41. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / М.Вебер // Избранные произведения. - М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
42. Вилюнас В.К. Психологические механизмы мотивации человека / В.К.Вилюнас. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 288 с.
43. Вилюнас В.К. Теория деятельности и проблемы мотивации / А.Н.Леонтьев и современная психология (Сб.статей памяти А.Н.Леонтьева). – М.: Изд-во МГУ, 1983. – 288 с.
44. Волконский В.А Драма духовной истории: Внеэкономические основания экономического кризиса / В.А.Волконский. - М.: Наука, 2002. – 262 с.
45. Выготский Л.С. Психология искусства / Л.С.Выготский. – М.: Педагогика, 1987. – 344 с.
46. Выготский Л.С. Психология развития человека / Л.С.Выготский. – М.: Смысл; Эксмо, 2004. – 1136 с.
47. Выготский Л.С. Учение об эмоциях / Л.С.Выготский. - Собрание сочинений: в 6-ти т. Т.6. Научное наследство. – М.: Педагогика, 1984. – 400 с.

48. Гайдено П.П. История новоевропейской философии в ее связи с наукой. – гл.11 / П.П.Гайдено. – www.philosophy.ru/library/gaid/02/12.html
49. Гастев А.К. Трудовые установки / А.К.Гастев. – М.: Экономика, 1973. – 343 с.
50. Гачев Г.Д. Национальные образы мира: Америка в сравнении с Россией и славянством / Г.Д.Гачев. – М.: Раритет, 1997. – 678 с.
51. Гвоздева Е. Ценность труда и трудовые ценности / Е.Гвоздева. - www.bd.fom.ru/report/cat/man/valuable/d030131#
52. Георгиева Т.С. Христианство и русская культура: Учеб.пособие для вузов / Т.С.Георгиева. – М.: ВЛАДОС, 2001. – 240 с.
53. Гладарев Б. Трудовые стратегии «советских специалистов» в конце 1990-х годов: проблема укорененности экономического поведения / Б.Гладарев // Вопросы экономики. – 2004. - №12. – с.141-151.
54. Гогоберидзе Ф.Я. Потребности, интересы, ценности как формообразующие факторы ценностных ориентаций личности (категориальный анализ). Автореферат дисс. на соиск. уч. степ. канд. философских наук / Ф.Ю.Гогоберидзе – Карачаевск, 1998. – 28 с.
55. Гольц Г.А. Эконом-географические факторы в формировании российского менталитета (уникальное и универсальное в структурировании социально-психологической позиции) / Г.А.Гольц // Мир психологии. – 1999. - №4. – с.313-319.
56. Горбатова М.М., Ляхова М.А. Исследование структуры ценностей студентов как особой стратификационной группы / М.М.Горбатова, М.А.Ляхова. - www.hpsy.ru/public/x2462.htm
57. Гордон А.В. Хозяйствование на земле – основа крестьянского мировосприятия / А.В.Гордон // Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв). – М.: РОССПЭН, 1996. – 440 с.
58. Горисов С. Масштабы и структура неформальной занятости / С.Горисов // Вопросы экономики. – 2004. - №3. – с.115-127.
59. Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа / М.М.Громыко, А.В.Буганов. – М.: Паломникъ, 2000. – 543 с.
60. Гурьянова Н.С. Монарх и общество: к вопросу о народном варианте монархизма / Н.С.Гурьянова // Старообрядчество в России (XVII – XX вв): Сб.науч.трудов. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 456 с.
61. Гусельцева М.С. Методологические предпосылки развития культурно-исторической психологии. Автореферат дисс. на соиск. учен.степени канд.психол.наук / М.С.Гусельцева. – М., 2003. – 26 с.
62. Давыдов Ю.Н. Вебер и Булгаков (христианская аскеза и трудовая этика) / Ю.Н.Давыдов // Вопросы философии. – 1994. - №2. – с.54-73
63. Даль В.И. Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа: В 2 т. Т.2 / В.И.Даль. – СПб.: Литера, ВИАН, 1997. – 416 с.
64. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: современное написание: В 4 т. Т.1. / В.И.Даль. – М.: ООО «Изд-во АСТ»: ООО «Изд-во Астрель», 2002. – 1158 с.

65. Дачи и садовые участки. Обзор. База данных ФОМ. Опрос населения.
- 25-26.06.2005. -
www.bd.fom.ru/report/map/projects/dominant/dom0526/domt0526_5/d052626
66. Дачи и садовые участки. Таблица. База данных ФОМ. Опрос населения.
- 25-26.06.2005. -
www.bd.fom.ru/report/map/projects/dominant/dom0526/domt0526_5/tb052615
67. Дачное движение в Хабаровске. Зарождение, становление, проблемы. Коллектив авторов. – Хабаровск: Книж.изд-во, 2000. – 448с.
68. Джеймс У. Прагматизм. Новое название для некоторых старых методов мышления. Популярные лекции по философии / У.Джеймс // Воля к вере. – М.: Республика, 1997. – 431 с.
69. Джидарьян И.А. Представление о счастье в российском менталитете / И.А.Джидарьян. – СПб.: Алетейя, 2001. -242 с.
70. Додонов Б.И. Эмоция как ценность / Б.И.Додонов. – М.: Политиздат, 1978. – 272 с.
71. Доронина И.В. Мотивация и стимулирование трудовой деятельности: Учебно-методический комплекс / И.В.Доронина. – Новосибирск: СибАГС, 2003. – 96 с.
72. Дробницкий О.Г. Моральное сознание. (Вопросы специфики, природы, логики и структуры нравственности. Критика буржуазных концепций морали). Автореферат дисс. на соиск. уч. степ. доктора философских наук / О.Г.Дробницкий. – Москва, 1969. – 25с.
73. Дугин А.Г. Капитализм: индивидуальное и общественное // Развитие капитализма в России – сто лет спустя. – Москва – Волгоград, 1999. – 608 с.
74. Ермолаев О.Ю. Математическая статистика для психологов: Учебник / О.Ю.Ермолаев. – М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 2002. – 336 с.
75. Журавлев А.Л. Психология коллективного субъекта / Психология индивидуального и коллективного субъекта / под ред. А.В.Брушлинского, М.И.Воловиковой. – М.: ПЕРСЭ, 2002. – 368 с.
76. Занюк С.С. Психология мотивации: Теория и практика мотивирования. Мотивационный тренинг / С.С.Занюк. – Киев: Эльга – Н: Ника – Центр, 2001. – 351 с.
77. Запорожец А.В. Психология действия / А.В.Запорожец. – М.: МПСО; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2000. – 736 с.
78. Зарубина Н.Н. Без протестантской этики: проблема социокультурной легитимации предпринимательства в модернизирующихся обществах / Н.Н.Зарубина // Вопросы философии. – 2001. - №10. – с.45-56
79. Заславская Т.И., Шабанова М.А. Неправовые трудовые практики и социальные трансформации в России / Т.И.Заславская // Социологические исследования. – 2002. - №6. – с.3-17.
80. Захаров Н.Л. Воровство и льготы в структуре трудового поведения / Н.Л.Захаров // Социологические исследования. – 2001. - №6.

81. Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности / А.Г.Здравомыслов. – М.: Политиздат, 1986. – 223 с.
82. Зеньковский В.В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии / В.В.Зеньковский. – М.: Школа-Пресс, 1996. – 272 с.
83. Зеньковский В.В. Психология детства / В.В.Зеньковский. – М.: ИЦ «Академия», 1995. – 348 с.
84. Зиновьев А.А. Глобальное сверхобщество и Россия / А.А.Зиновьев. – Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. – 128 с.
85. Зиновьев А.А. Запад. Феномен западнизма / А.А.Зиновьев. – М.: Центрполиграф, 1995. – 461 с.
86. Зинченко В.П., Гордон В.М. Методологические проблемы психологического анализа деятельности / В.П.Зинченко // Системные исследования. Ежегодник 1975. М.: Наука, 1976. – с. 82-127)
87. Зинченко В.П., Мунипов В.М. Основы эргономики / В.П.Зинченко. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 344 с.
88. Ильенков Э.В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории / Э.В.Ильенков. – М.: Политиздат, 1984. – 320 с.
89. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы / Е.П.Ильин. – СПб.: Питер, 2000. – 512 с.
90. Ильин Е.П. Психология воли / Е.П.Ильин. – СПб.: Питер, 2000. – 288 с.
91. Ильин И.А. О русской идее / И.А.Ильин // Русская идея: Сб.произведений русских мыслителей. – М.: Айрис-пресс, 2002. – с.402-415.
92. Ильин И.А. О сопротивлении злу силою / И.А.Ильин // Путь к очевидности. – М.: Республика, 1993. – 422 с.
93. Ильин И.А. Пути духовного обновления / И.А.Ильин // Собрание сочинений: В 10 т. Т.1. – М.: Русская книга, 1993. – 400 с.
94. Ильин Н.П. Солженицын: ложь под «трели Соловьева» / Н.П.Ильин // Русское самосознание. – 2001. - №8. – www.russamos.narod.ru/08-01.htm
95. Ильин Н.П. Трагедия русской философии: ч I: От личины к лицу: введение в принципы историко-философского понимания / Н.П.Ильин. – СПб., 2003. – 213 с.
96. Каган М.С. Философская теория ценности / М.С.Каган. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. – 205 с.
97. Канаев Д.Н. Старообрядческое предпринимательство и веберовские модели капиталистического сознания // Развитие капитализма в России – сто лет спустя. – Москва – Волгоград: Изд-во Волгоградского гос.универ., 1999. – 608 с.
98. Капелюшников Р.И. Занятость в домашних хозяйствах населения / Вопросы экономики. – 2005. - №7. – с.99-120.
99. Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви: В 2 т. / А.В.Карташев. – М.: ТЕРРА, 1992.
100. Карташев А.В. Смысл старообрядчества / А.В.Карташев // Церковь. Старообрядческий церковно-общественный журнал. – 1992. - №1. – 18-20

101. Касьянова К. О русском национальном характере / К.Касьянова. – М.: Институт национальной модели экономики, 1994. – 367 с.
102. Качкин А.В. Дачи и садовые участки / А.В.Качкин. www.bd.fom.ru/report/map/articles/kachkin/d012835
103. Клеман К. Неформальные практики российских рабочих / К.Клеман // Социологические исследования. – 2003. - №5. – с.62-72.
104. Климов Е.А. Введение в психологию труда: Учебник / Е.А.Климов. – М.: Изд-во МГУ, Академия, 2004. – 336 с.
105. Коваль Т.Б. Этика труда православия / Т.Б.Коваль // Общественные науки и современность. – 1994. - №6
106. Козлова Н.В. Некоторые черты личностного образца купца XVIII века (к вопросу о менталитете российского купечества) / Менталитет и культура предпринимателей России XVII-XIX вв. – М.: Инст-т Российской истории, 1996. – 216 с.
107. Кольцова В.А., Федорова И.Р. Психолого-историческая реконструкция социально-психологических особенностей московского купечества / Психология индивидуального и коллективного субъекта /Под ред. А.В.Брушлинского, М.И.Воловиковой. – М.: ПЕРСЭ, 2002. – 386 с.
108. Корнилов К.Н. Естественнонаучные предпосылки психологии / К.Н.Корнилов. – М.: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1999. – 496 с.
109. Коротаев А.В., Халтурина Д.А. Алкоголизация и наркотизация как важнейшие факторы демографического кризиса в России. – www.smi-svoi.ru/content/print.asp?sn=1056&ver=full
110. Косалс Л.Я., Рывкина Р.В. Становление институтов теневой экономики в постсоветской России / Социологические исследования. – 2002. - №4. – с.13-21.
111. Коул М. Культурно-историческая психология: наука будущего / М.Коул. – М.: Когито-Центр; Институт психологии РАН, 1997. – 432 с.
112. Кравченко А.И. Социология: Учебник для вузов / А.И.Кравченко. – М.: Академический Проект, 2001. – 508 с.
113. Краткий философский словарь / под ред. М.Розенталя и П.Юдина. – М.: Гос.издательство политической литературы, 1954. – 703 с.
114. Кремлева И.А. Религиозность купечества и других сословий по материалам духовных завещаний // Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII-XX веках: Этнографические исследования и материалы. – М.: Наука, 2002. – 469 с.
115. Кривошеина Е.Ю. Динамика ценностных ориентаций в современном российском обществе: проблема соотношения светского и религиозного / Е.Ю.Кривошеина. - Автореферат дисс. на соиск. уч. степ. канд. философских наук. – Москва, 2004. – 23 с.
116. Кривцун О.А. Историческая психология и история искусств / О.А.Кривцун. – М.: Государственный институт искусствознания, 1997. – 255 с.
117. Крюков В.В., Данилкова М.П. Основные теории ценностей: Учебное пособие. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2003. – 104 с.

118. Кузнецов С.В. Нравственность и религиозность в хозяйственной деятельности русских крестьян // Православная жизнь русских крестьян XIX-XX: Итоги этнографических исследований. – М.: Наука, 2001. – 363 с.
119. Культурные миры молодых россиян: три жизненные ситуации. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 224 с.
120. Кун Т. Структура научных революций / Т.Кун. – М.: Издательство АСТ, 2003. – 605 с.
121. Куницына В.Н. Потребности и мотивы личности / Психология: Учебник / В.М.Алахвердов, С.И.Богданова и др. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – 752 с.
122. Куприянов А.И. Представления о труде и богатстве русского купечества дореформенной эпохи // Менталитет и культура предпринимателей России XVII-XIX вв. – М.: Инст-т Российской истории, 1996. – 216 с.
123. Кутузов Б.П. Церковная реформа XVII века: трагическая ошибка или диверсия? / Б.П.Кутузов // Церковь. Старообрядческий церковно-общественный журнал. – 1992. - №2. – 42-51
124. Кутырев В.А. Духовность, экономизм и «после»: драма взаимодействия / В.А.Кутырев // Вопросы философии. – 2001. - №8
125. Лебедева Н.М. Базовые ценности русских на рубеже XXI века / Н.М.Лебедева // Психологический журнал. – 2000. - №3. – с 73-87
126. Левин К. Поведение и развитие как функция общей ситуации / К.Левин // Теория поля в социальных науках. – СПб.: Сенсор, 2000. – 368 с.
127. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н.Леонтьев. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.
128. Леонтьев В.Г. Мотивация и психологические механизмы ее формирования / В.Г.Леонтьев. – Новосибирск: ГП «Новосибирский полиграфкомбинат», 2002. – 264 с.
129. Леонтьев Д.А. Духовность, саморегуляция и ценности / Д.А.Леонтьев. – www.institut.smysl.ru/article/spirit.php
130. Леонтьев Д.А. Очерк психологии личности / Д.А.Леонтьев. – М.: Смысл, 1997. - 64 с.
131. Леонтьев Д.А. Психология свободы: к постановке проблемы самодетерминации личности / Д.А.Леонтьев // Психологический журнал. – 2000. – т.21. – №1. – с.15-25
132. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д.А.Леонтьев. – М.: Смысл, 2003. – 487 с.
133. Листова Т.А. Трудовое воспитание в крестьянской среде // Православная жизнь русских крестьян XIX-XX: Итоги этнографических исследований. – М.: Наука, 2001. – 363 с.
134. Лихачев Д.С. Заметки о русском / Д.С.Лихачев. – М.: Советская Россия, 1984. – 64 с.
135. Лихачев Д.С. Раздумья о России / Д.С.Лихачев. – СПб.: Logos, 1999. – 672 с.

136. Личность и ее ценностные ориентации. Выпуск I. Информационный бюллетень №4 (19). Серия: материалы и сообщения. – М.: Институт конкретных социальных исследований АН СССР, 1969. – 135 с.
137. Личность и ее ценностные ориентации. Выпуск II. Информационный бюллетень №25 (40). Серия: материалы и сообщения. – М.: Институт конкретных социальных исследований АН СССР, 1969. – 122 с. – с.59-99.
138. Лопатин, Л.М. Вопрос о реальном единстве сознания / Л.М.Лопатин // Аксиомы философии: Избранные статьи. – М.: РОССПЭН, 1996. – 560 с.
139. Лопатин, Л.М. Вопрос о свободе воли / Л.М.Лопатин // Аксиомы философии: Избранные статьи. – М.: РОССПЭН, 1996. – 560 с.
140. Лопатин, Л.М. Неотложные задачи современной мысли / Л.М.Лопатин // Аксиомы философии: Избранные статьи. – М.: РОССПЭН, 1996. – 560 с.
141. Лосский Н.О. Характер русского народа: Репринт. издание 1957 г. – Франкфурт-на-Майне: Посев / Н.О.Лосский. – М.: Ключ, 1990. – 86 с.
142. Лосский Н.О. Ценность и бытие. Бог и Царство Божие как основа ценностей / Н.О.Лосский // Бог и мировое зло. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Республика, 1999. – 432 с.
143. Лурье С.В. Историческая этнология / С.В.Лурье. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 448 с.
144. Лучшие психологические тесты для профотбора и профориентации. Описание и руководство к использованию / Отв.ред. А.Ф.Кудряшов. – Петрозаводск: Петроком, 1992. – 318 с.
145. Магун В.С. Трудовые ценности российского общества / В.С.магун // Общественные науки и современность. – 1994. - №6. – с.17-28
146. Макейчик А.А. Аксиология: Монография / А.А.Макейчик. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2004. – 128 с.
147. Манышев Ю.Г. Убеждение как категория марксистско-ленинской философии. Автореферат дисс. на соиск. уч. степ. канд. философских наук / Ю.Г.Манышев. – Красноярск, 1969. – 29 с.
148. Маслова И., Бараненкова Т. Неформальная занятость в России / Вопросы экономики. – 2003. - №9. – с.89-99.
149. Маслоу А. Мотивация и личность / А.Маслоу. – СПб.: Евразия, 2001. – 478 с.
150. Медведев Н.П. Переоценка ценностей как социальный феномен / Н.П.Медведев. – Ставрополь: Изд-во Ставропольского ун-та, 1995. – 108 с.
151. Мейерович А.М. Направленность личности как фактор эффективности трудовой деятельности. Автореферат дисс. на соиск. уч. степ. канд.психол.наук / А.М.Мейерович. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. – 17 с.
152. Мерлин В.С. Лекции по психологии мотивов человека: Учебное пособие для спецкурса / В.С.Мерлин. – Пермь, 1971. – 120 с.
153. Мерлин В.С. Структура личности: характер, способности, самосознание: Учебное пособие к спецкурсу «Основы психологии личности» / В.С.Мерлин. – Пермь: ПГПИ, 1990. – 110 с.

154. Мигдисова С., Петренко Е. "Дисциплину труда" россияне считают и "западной", и "советской" ценностью, однако не числят ее среди наиболее важных лично для них. - www.bd.fom.ru/report/cat/man/valuable/of19940803
155. Милль, Дж.Ст Утилитарианизм. О свободе / Дж.Ст.Милль. – СПб.: «И.П.Перевозников», 1900. – 427 с.
156. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса / Л.В.Милов. – М.: РОССПЭН, 1998. – 573 с.
157. Миронов Б. Время – деньги или праздник? Трудовая этика российских крестьян / Б.Миронов // Родина. – 2001, октябрь. – с.62-66.
158. Мэй Р. Любовь и Воля / Р.Мэй. – М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 1997. – 384 с.
159. Мюллер В.К. Англо-русский словарь / В.К.Мюллер. - М.: Русский язык, 1992. – 843 с.
160. Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории / Н.А.Нарочницкая. – М.: Международные отношения, 2003. – 536 с.
161. Население Новосибирской области. www.nsko.ru/info
162. Неганов Ф.М., Файзуллин Ф.С., Ханов И.Н. Аксиологическая детерминация. – Уфа: Гилем, 2004. – 132 с.
163. Немцов А.В. Потребление алкоголя в России во второй половине 1990-х годов / А.В.Немцов. – www.naa.cnt.ru/analit/Consumption-90.html
164. Немцов А.В. Россия: алкоголь вчера и сегодня / А.В.Немцов. – www.esovet.ru/news/analit_text.asp?NewsId=30785
165. Ненаблюдаемая экономика / Экономическая политика в условиях переходного периода. Материалы научного семинара под руководством Е.Г.Ясина. (ГУ-ВШЭ, 25.02.04). www.hse/science/yassin/seminar_2004_02_25.html
166. Несмелов В.И. Наука о человеке / В.И.Несмелов. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1898. - Репринтное издание: СПб, 2000. – 840 с.
167. Нестеренко А.Д. Структура убеждения личности. Автореферат дисс. на соиск. уч. степ. канд. философ. наук / А.Д.Нестеренко. – Харьков, 1979. – 23 с.
168. Носкова О.Г. Психологические знания о туде и трудящемся в России конца XIX- начале XX века. Автореферат дисс. на соиск. уч. степ. канд.психол.наук / О.Г.Носкова. – М.: Изд-во МГУ, 1986. – 22 с.
169. Нужный В.П. Потребление алкоголя: современные тенденции, социальные и медицинские последствия / В.П.Нужный. – www.pravoslavie.ru/sobytia/narckonf/alcotendecies.htm
170. Озерникова Т. Принуждение к труду в переходной экономике / Т.Озерникова // Вопросы экономики. – 2003. - №9. – с.100-110.
171. Оксфордская иллюстрированная энциклопедия. Т.4. Всемирная история. С 1800 года и до наших дней. – М.: ИД ИНФРА-М, изд-во «Весь Мир», 2000. – 428 с.
172. Оллпорт Г. В. Личность в психологии / Г.В.Оллпорт. – М.: КСП+; СПб.: Ювента, 1998. – 345 с.

173. Орлов А.Б. Психология личности и сущности человека: парадигмы, проекции, практики: Учеб.пособие / А.Б.Орлов. – М.: ИЦ «Академия», 2002. – 272 с.
174. Павлова В.В. Рыночное мышление студенческой молодежи / В.В.Павлова // Социологические исследования. – 1998. - №8. – с.138-145
175. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире / А.С.Панарин. – М.: Алгоритм, 2002. – 496 с.
176. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии. – М.: ИНФРА-М, 1999. – 528 с.
177. Печин Ю.В. «Легко и быстро» как главный лозунг массовой культуры / Глобальные проблемы цивилизации. Человек: предвидимое будущее: сб. тез и докл. науч.-практич.конфер. – Новосибирск: Изд-во НГАСУ, 2005. – с.68-74.
178. Печин Ю.В. К вопросу об онтологии и психологии русской лени (на материале народных сказок) / Формирование мотивационной сферы личности: Сборник научных трудов. Часть II. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2003. – 236 с.
179. Печин Ю.В. Психология российского дачника в категориях исторической психологии: Введение в проблематику явления / Проблемы психологии мотивации: Сборник научных трудов по материалам научно-практической конференции: Юбилейный выпуск. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2005. – с.88-93.
180. Платонов Д. Православие в его хозяйственных возможностях / Д.Платонов // Вопросы экономики. – 1993. - №8. – с.82-87
181. Платонов О.А. Русский труд / О.А.Платонов. – М.: Современник, 1991. – 335 с.
182. Поздеева И. Русское старообрядчество и Москва в начале XX века // Мир старообрядчества. Выпуск II: Москва старообрядческая. – М.: Изд-во МГУ, 1995. – 221 с.
183. Полторац С.Н. Историко психологическая реконструкция души русского офицерства середины XIX века на основе исследования «Севастопольских рассказов» Л.Н.Толстого // Теоретические и методические вопросы исторической психологии. Материалы научного семинара. – СПб.: Нестор, 1999. – 68 с.
184. Полякова И.П. Роль ценностей в процессе мотивации. Автореферат дисс. на соиск. уч. степ. канд. философ. наук / И.П.Полякова. – Москва, 2003. – 22 с.
185. Помпеев Ю.А. История и философия отечественного предпринимательства / Ю.А.Помпеев. – СПб: Изд-во СПбУКИИ, 2002. – 272 с.
186. Понкин И.В. Светскость государства: Словарь / Понкин И.В.; Инст-т гос.-конфессион.отношений и права. – М.: Б.и., 2003. – 48 с.
187. Попов В.А., Кондратьева О.Ю. Изменение мотивационно-ценностных ориентаций учащейся молодежи // Социологические исследования. – 1999. - №6. – с.96-99

188. Почебут Л.Г., Чикер В.А. Индустриальная социальная психология: Учебное пособие. – СПб.: Изд-во СПбУ, 1997. – 184 с.
189. Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII-XX веках: Этнографические исследования и материалы. – М.: Наука, 2002. – 469 с.
190. Практикум по психодиагностике. Конкретные психодиагностические методики / Под ред. А.И.Зеличенко, И.М.Карлинской, В.В.Столина, А.Г.Шмелева. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – 176 с.
191. Программа и Устав КПСС. – М.: Политиздат, 1964. – 287 с.
192. Прохоров А. Уравниловка как элемент русской модели управления / А.Прохоров // Вопросы экономики. – 2004. - №10. – с.99-113.
193. Пряжников Н.С., Пряжникова Е.Ю. Психология труда и человеческого достоинства: Учебное пособие для студентов вузов. – М.: Издат.центр «Академия», 2001. – 480 с.
194. Психофизиология труда и психотехника / Под ред. И.Н.Шпильрейна. – М., Л.: Гос.медицин.изд-во, 1929. – 250 с.
195. Райх В. Анализ характера / В.Райх. – М.: Апрель Пресс, изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. – 528 с.
196. Ракитская Г. Необъявленная реформа социально-трудовых отношений в 1990-е годы / Г.Ракитская // Вопросы экономики. – 2003. - №9. – с.77-88.
197. Рассадина Т.А. Нравственные ориентации жителей российской провинции / Т.А.Рассадина // Социологические исследования. – 2004. - №7. – с.52-61.
198. Рассел Б. История западной философии. В 3 кн / Б.Рассел. – Новосибирск: Сиб.университет.изд-во, 2003. – 992 с.
199. Реутов Е.В. Земля как ценность в русских пословицах / Е.В.Реутов // Социологические исследования. – 2002. - №9. – с.115-117.
200. Роджерс К.Р. Становление личности. Взгляд на психотерапию / К.Р.Роджерс. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 416 с.
201. Розанов В.В. Возле «русской идеи» / Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей. – М.: Айрис-пресс, 2002. – 512 с.
202. Российская Федерация в 1992 году. Статистический ежегодник / Госкомстат России. – М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1993. – 654 с.
203. Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. Под ред. К.А.Абульхановой, А.В.Брушлинского, М.И.Воловиковой. – М.: Институт психологии РАН, 1997. – 336 с.
204. Российский менталитет: психология личности, сознание, социальные представления. Под ред. К.А.Абульхановой-Славской, А.В.Брушлинского, М.И.Воловиковой. – М.: Институт психологии РАН, 1996. – 132 с.
205. Россия в цифрах: Краткий статистический сборник / Госкомстат России. – М., 2001. – 397 с.
206. Россия: 10 лет реформ. Социально-демографическая ситуация. – М.: РИЦ ИСЭПН, 2002. – 368 с.

207. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: В 2 т. Т. II / С.Л.Рубинштейн. – М.: Педагогика, 1989. – 328 с.
208. Рубинштейн С.Л. Человек и мир / С.Л.Рубинштейн. – М.: Наука, 1997. – 191 с.
209. Русские / Отв.ред. В.А.Александров и др. – М.: Наука, 2005. – 828 с.
210. Сагатовский В.Н. Философия развивающейся гармонии (философские основы мировоззрения). Часть III: Антропология (Человек и Мир: укоренена ли Вселенная в Человеке). Заключение: Мировоззрение для XXI столетия? / В.Н.Сагатовский. – СПб.: ООО «Петрополис», 1999. – 288 с.
211. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм. // Сумерки богов.- М.: Политиздат, 1989. – 398 с.
212. Святая Русь. Большая Энциклопедия Русского Народа. Русское государство. Гл.редактор и составитель О.А.Платонов. - М.: Энциклопедия русской цивилизации, 2002. – 944 с.
213. Святая Русь. Большая Энциклопедия Русского Народа. Русское мировоззрение. Гл.редактор, составитель О.А.Платонов. - М.: Энциклопедия русской цивилизации, 2003. – 1008 с.
214. Святая Русь. Энциклопедический словарь русской цивилизации. Составитель О.А.Платонов. – М.: Энциклопедия русской цивилизации, 2000. – 1040 с.
215. Сеченов И.М. Рефлексы головного мозга / И.М.Сеченов // Избранные произведения. Т.1. Физиология и психология. – М.: Изд-во АПН СССР, 1952. – 771 с.
216. Симонов В.В. (игумен Филипп). Церковь – общество – хозяйство / В.В.Симонов (иг.Филипп). – М.: Наука, 2005. – 702 с.
217. Слободчиков В.И. Реальность субъективного духа / Начала христианской психологии: Учебное пособие для вузов. – М.: Наука, 1995. – 235 с.
218. Словарь иностранных слов. – М.: Русский язык, 1988. – 608 с.
219. Снегирев В.А. Психология. Систематический курс чтений по психологии / В.А.Снегирев. – Харьков: Типография А.Дарре, 1893. – 700 с.
220. Соболевская А. Духовные истоки российского предпринимательства / А.Соболевская // Вопросы экономики. – 1993. - №8.
221. Соколов К.Б. Субкультура русского купечества / К.Б.Соколов // Мир психологии. – 2001. - №2
222. Солженицын А.И. Быть ли нам, русским? / А.И.Солженицын // Развитие личности. – 2004. - №2. – с.13-27.
223. Сорокин П.А. Основные черты русской нации в двадцатом столетии / О России и русской философской культуре. – М.: Наука, 1990. – 528 с.
224. Социально-психологический портрет инженера. По материалам обследования инженеров ленинградских проектно-конструкторских организаций / Под ред. В.А.Ядова. – М.: Мысль, 1977. – 231 с.
225. Спиноза Б. Этика / Б.Спиноза. – Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2001. – 336 с.

226. Староверов В.И. Результаты либеральной модернизации российской деревни / В.И.Староверов // Социологические исследования. – 2004. - №12. – с.64-74.
227. Столин В.В. Мотивация и самосознание / Мотивация личности: Сб.науч.трудов / под ред. А.А.Бодалева. – М.: Из-во АПН СССР, 1982. – 120 с.
228. Сусленко В.В. Методологический анализ ценностных ориентаций. Автореферат дисс. на соиск. уч. степ. канд. философ. Наук / В.В.Сусленко. – Томск, 1978. – 24 с.
229. Темницкий А.Л. Ориентация рабочих на патерналистские и партнерские отношения с руководством / А.Л.Темницкий // Социологические исследования. – 2004. - №6. – с.26-37.
230. Темницкий А.Л. Отношение к труду рабочих России и германии: терминальное и инструментальное» / А.Л.Темницкий // Социологические исследования. – 2005. - №5. – с.54-63.
231. Темницкий А.Л. Социокультурные факторы трудового поведения промышленных рабочих, 1990-е годы / А.Л.Темницкий // Социологический журнал. – 2002. - №2. – с.76-93.
232. Темницкий А.Л. Справедливость в оплате труда как ценностная ориентация и фактор трудовой мотивации / А.Л.Темницкий // Социологические исследования. – 2005. - №5. – с.81-88.
233. Тиллих П. Мужество быть / ПаульТиллих // Избранное: теология культуры. – М.: Юрист, 1995. – 479 с.
234. Толочек В.А. Проблемы современной психологии труда: Учебное пособие / В.А.Толочек. – М.: Изд-во РАГС, 2001. – 84 с.
235. Толстова И.Э., Печин Ю.В. Социокультурное развитие предпринимательства и благотворительности в России: Монография. – Новосибирск: Изд-во НГАУ, 2006. – 205 с.
236. Трубецкой Е.Н. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке / Е.Н.Трубецкой // Избранные произведения. Р.- на-Д.: Феникс, 1998. – 512 с.
237. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни / Е.Н.Трубецкой // Избранные произведения. Р.- на-Д.: Феникс, 1998. – 512 с.
238. Трудовые ценности. База данных ФОМ. Опрос населения. - 29.12.2002. - www.bd.fom.ru/report/cat/man/valuable/tb030109#
239. Тугаринов В.П. О ценностях жизни и культуры / В.П.Тугаринов. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1960. – 156 с.
240. Узнадзе Д.Н. Установка у человека. Проблема объективации / Психология личности в трудах отечественных психологов. – СПб.: Питер, 2000. – с.87-91.
241. Уотсон Дж. Психология как наука о поведении / Дж.Уотсон. – Харьков: Государственное издательство Украины, 1926. – 398 с.
242. Ухтомский А.А. Доминанта / А.А.Ухтомский. – СПб.: Питер, 2002. – 448 с.

243. Федотова В.Г. Когда нет протестантской этики / В.Г.Федотова // Вопросы философии. – 2001. - №10. – с.27-44
244. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. – М.: Изд-во Института психотерапии, 2005. – 490 с.
245. Филд Д. История менталитета в зарубежной исторической литературе / Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв). – М.: РОССПЭН, 1996. – 440 с.
246. Философия, аграрные и экономические науки, социальная практика. – М.: Изд-во МСХА, 2004. – 584 с.
247. Философская энциклопедия: в 5 т. Т.5. – М., 1970.
248. Философский словарь / под ред. И.Т.Фролова. – М.: Политиздат, 1987. – 590 с.
249. Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 2000. – 576 с.
250. Флоренская Т.А. Диалог в практической психологии: Наука о душе / Т.А.Флоренская. – М.: ВЛАДОС, 2001. – 208 с.
251. Флоровский, Георгий (протоиерей). Пути русского богословия. Репринт.издание: Париж: YMCA-PRESS, 1937 / Г.Флоровский. – Киев: Путь к истине, 1991. – 600 с.
252. Франк С.Л. Этика нигилизма / Вехи; Интеллигенция в России: Сб.ст. 1909-1910. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 462 с.
253. Франкл В. Человек в поисках смысла / В.Франкл. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
254. Фрэнкин Р. Мотивация поведения: биологические, когнитивные и социальные аспекты / Р.Фрэнкин. – СПб.: Питер, 2003. – 651 с.
255. Хабибова Н.Е. Философский анализ понятия «ценностные ориентации»: онтологический и гносеологический аспекты. Автореферат дисс. на соиск. уч. степ. канд. философ. наук / Н.Е.Хабибова. – Уфа, 2004. – 19 с.
256. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность / Х.Хекхаузен. – СПб.: Питер; М.: Смысл, 2003. – 860 с.
257. Хохлова Т.А. Старообрядчество и развитие рыночного уклада в России (XVIII – нач.XIX в.). Автореферат дисс. на соиск. уч.степ. канд.экон.наук / Т.А.Хохлова. – М., 1997. – 17 с.
258. Цветаева Н.Н. Ценности в биографическом дискурсе: от романтизма к прагматизму / Н.Н.Цветаева // Социологические исследования. – 2005. - №9. – с.116-121.
259. Человек и его работа (социологическое исследование) / под ред. А.Г.Здравомыслова и др. – М.: Мысль, 1967. – 392 с.
260. Черемин Н.Б. Содержание свободы в различных типах мировоззрения: ценностный аспект. Автореферат дисс. на соиск. уч. степ. канд. философ. наук / Н.Б.Черемин. – Н.Новгород, 1996. – 24 с.

261. Чирков В.И. Мотивация трудовой деятельности. Критический анализ зарубежных теорий трудовой мотивации: Учебное пособие / В.И.Чирков. – Ярославль, 1985. – 90 с.
262. Шамшурина Н.Г. Идеология труда в России / Н.Г.Шамшурина // Социологические исследования. – 1994. - №8-9. с.181-184.
263. Шаповалов В.Ф. Истоки и смысл российской цивилизации: Учеб.пособие для вузов / В.Ф.Шаповалов. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003. – 624 с.
264. Шаталова Н.И. Деформации трудового поведения работника / Н.И.Шаталова // Социологические исследования. – 2000. - №7. – с.26-33
265. Шафаревич И. Р. Русский народ в битве цивилизаций / И.Р.Шафаревич. – М.: Эксмо, 2003. – 448 с.
266. Шердаков В.Н. Г.С.Батищев: в поисках истины пути и жизни / В.Н.Шердаков // Вопросы философии. – 1995. - №3. – с. 95-102
267. Шестопад Е.Б., Брицкий Г.О., Денисенко М.В. Этнические стереотипы русских // Социологические исследования. – 1999. - №4. – с.62-70
268. Шкуратов В.А. Историческая психология: Учеб.пособие для доп.образования / В.А.Шкуратов. – М.: Смысл, 1997. – 505 с.
269. Шкуратов В.А. Проблема синтеза культурологи и психологии в исторической психологии. Диссертация в виде научного доклада на соиск.учен.степени доктора филос.наук / В.А.Шкуратов. – Ростов-на-Дону, 1996. – 56 с.
270. Шледер Б., Дугина Е. Кросскультурное исследование ценностных индивидуальных и групповых предпочтений (на материале сравнения русских и немецких студентов) / Иностранная психология. 2001. - №14. – 83-92.
271. Шулындин Б.П. Российский менталитет в сценариях перемен / Б.П.Шулындин // Социологические исследования. – 1999. - №12. – с.50-53
272. Шульц Д., Шульц С. Психология и работа. – СПб.: Питер, 2003. – 560 с.
273. Экономика русской цивилизации / [Вступ.и закл.ст.,сост.и.комментарии Платонова О.А.]. – М.: Родник, 1995. – 393 с.
274. Эммонс Р. Психология высших устремлений: мотивация и духовность личности / Р.Эммонс. – М.: Смысл, 2004. – 416 с.
275. Юнг К.-Г. Понятие коллективного бессознательного / Аналитическая психология / К.-Г.Юнг, Э.Сэмюэлс, В.Одайник, Дж.Хаббэк. – М.: Мартис, 1997. – 320 с.
276. Юнг К.-Г. Психологический комментарий к «Тибетской книге мертвых» / Тибетская книга мертвых. – СПб.: Изд-во Чернышева, 1992. – 255 с.
277. Юркевич П.Д. Сердце и его значение в духовной жизни человека / П.Д.Юркевич // Философские произведения. – М.: Правда, 1990. – 670 с.
278. Ядов В.А., Киссель А.А. Удовлетворенность работой: анализ эмпирических обобщений и попытка их теоретического истолкования (Доклад на VIII Всемирном социологическом конгрессе в Торонто, Исследовательский комитет по социологии труда). - М., 1974. – 23 с. (машинопись).

279. Якобсон П.М. Психология чувств и мотивации / П.М.Якобсон. - М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1998. – 303 с.
280. Яковенко Б.В. История русской философии: Пер. с чеш. / Б.В.Яковенко. – М.: Республика, 2003. – 510 с.
281. Яницкий М.С. Ценностные ориентации личности как динамическая система / М.С.Яницкий. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2000. – 204 с.
282. Ярошевский М.Г. Л.С.Выготский: в поисках новой психологии / М.Г.Ярошевский. – СПб.: Международ.фонд истории науки, 1993. – 301 с.
283. Яхшиян О.Ю. Собственность в менталитете русских крестьян // Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв). – М.: РОССПЭН, 1996. – 440 с.
284. García-Alandete, Joaquín, Pérez Delgado, Esteban. Actitudes religiosas y valores en un grupo de jóvenes universitarios españoles. www.um.es/analesrs/v21/v21_1/15-21_1.pdf
285. Jane Piirto. “I live in my own bubble”. The values of talented U.S./ Ohio adolescents before and after September 11, 2001. - www.personal.ashland.edu/~jpiirto/values%20study.html
286. MIPP. Motivational Theories. www.usc.edu/dept/MIPP/motivation.html
287. RVS. www.cbe.wvu.edu/kristityran/MBA510cTyran/RVS.htm
288. Teay Shawyun, Krisda Tanchaisak. Thai Graduates’ Values revisited in 2005: A Case study of Assumption University. www.qu.au.edu/page2/research/teay%20krisda%20SEAAIR%202006%paper.doc
289. Wert, Einstellungen und Arbeitszufriedenheit. www.pearson.ch/download/media/3827370108_SP.htm
290. What are your values? Find Out With This Survey. www.orednet.org/~jflory/205/val_sur.htm
291. www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=21&idArt=174
292. [www.psy-](http://www.psy-files.ru/2006/11/21/print:page,1,metodika_cennostnye_orientacii_m_rokicha.html)
[files.ru/2006/11/21/print:page,1,metodika_cennostnye_orientacii_m_rokicha.html](http://www.psy-files.ru/2006/11/21/print:page,1,metodika_cennostnye_orientacii_m_rokicha.html)
293. www.psynet.by.ru/tests/rokich.htm

ПРИЛОЖЕНИЕ

Приложение 1

Краткие сведения об участнике опроса

1. Ваш возраст: _____
2. Пол: _____
3. Национальность _____
4. Семейное положение _____
5. Социальное положение (учащийся, студент, работающий, пенсионер – нужное подчеркнуть)
6. Ваша профессия (род занятий) _____
7. Образование _____
8. Место Вашего рождения (село, поселок городского типа (ПГТ), город – нужное подчеркнуть)
  - сколько лет живете в городе (или с какого года) _____
  - откуда родом Ваши родители (село, ПГТ, город – нужное подчеркнуть)
  - откуда родом Ваши деды и прадеды (если знаете) (село, ПГТ, город – нужное подчеркнуть)
9. Имели ли Ваши родители сад или огород? _____
10. Имели ли Вы в прошлом (в детстве, юности и т.д.) личный опыт участия в садово-огородном хозяйстве? _____
(Если имели, то на какой возраст пришелся этот опыт, как долго длился, при каких обстоятельствах? _____)
12. Имеете ли Вы или члены Вашей семьи дачный участок? _____
13. Ведется ли на этом участке садово-огородное хозяйство? _____
14. Если ведется, то каковы статус и степень Вашей причастности к работам на дачном участке (нужное подчеркнуть):
  - «я – главный дачник в семье, ее владелец и активный труженик»
  - «я – добровольный и регулярный помощник «главного дачника»
  - «я – добровольный, но нерегулярный помощник «главного дачника»
  - «я – недобровольный, но регулярный помощник»
  - «я – недобровольный и случайный помощник»
15. Площадь дачного участка (в «сотках»): _____
16. Наличие строений, этажность: _____
17. Как далеко расположен ваш дачный участок (приблизительное расстояние в км от дома): _____
18. На каком транспорте вы чаще всего добираетесь до участка и сколько это занимает времени: _____

Опросник «Мотивация труда горожанина-дачника» (МТГД)
(только для дачников, ведущих садово-огородное хозяйство)

Инструкция:

В данном опроснике следует сделать отметку в графе, соответствующей вашей степени согласия с утверждением - в диапазоне от «определенно согласен» до «совершенно не согласен».

	Да, согласен	Скорее да, чем нет	Скорее нет, чем да	Нет, совершенно не согласен
1. Дачный огород для меня – это средство выживания				
2. Дачный участок мне нужен для души				
3. Дача предназначена для отдыха, а не для работы				
4. Если бы я выиграл миллион, то я бы продал дачу и все покупал бы на рынке				
5. Если бы я выиграл миллион, то дачу бы не продавал, но грядки бы превратил в газон				
6. Дачи – для неудачников				
7. Работая на даче, я успокаиваюсь и забываю о проблемах				
8. После неурожайного года мне хочется все бросить и продать дачу				
9. Иногда я разговариваю с растущими на даче кустами и травами как с живыми существами				
10. Работа на даче отнимает у меня чрезмерно много сил и я часто не вижу в ней смысла				
11. Я чувствую, что земля - живая				
12. Зависимость от дачного огорода унижительна				
13. Я испытываю гордость за свои агрономические достижения				
14. Из дачного хозяйства нельзя извлечь прибыль, это – не бизнес, а образ жизни				
15. Обычно часть урожая я стараюсь продать, а на вырученные деньги купить необходимые вещи				
16. Я веду учет расходов и доходов по дачному хозяйству				

17. Я хотел бы передать свою любовь к земле своим детям и внукам				
18. Было бы лучше, если бы мои дети и внуки не знали, что такое дачный огород				
19. Я думаю, что моя привязанность к земле передалась мне от родителей (от предков)				
20. Выращивание урожая на даче учит человека терпению				
21. Дачное хозяйство развивает в человеке корысть и зависть				
22. Меня тяготит постоянная и назойливая близость дачных соседей				
23. На даче отдыхаю от людей				
24. С соседями по даче меня связывает многолетняя дружба				
25. С соседями по даче я предпочитаю держаться на удалении и не связывать себя какими-либо прочными отношениями				
26. Со своими соседями мы традиционно обмениваемся семенами, опытом, радостью от хорошего урожая				
27. Обычно я стараюсь не раскрывать свои агрономические секреты соседям				
28. Зимой меня нередко согревает мысль о скором начале нового дачного сезона, я жду его с нетерпением.				
29. Дачный огород - это лучший способ занять себя делом на пенсии				
30. Тружусь, следовательно существую.				

Перевод в баллы:

«Да, согласен» - 4 балла.

«Скорее да, чем нет» - 3 балла.

«Скорее нет, чем да» - 2 балла.

«Нет, совершенно не согласен» - 1 балл.

Для уравнивания долей мотивационных тенденций часть утверждений, представленных в исходном опроснике МТГД, необходимо пересчитывать в

сырые баллы методом *обратного перевода* (утверждения № 6, 8, 10, 12, 14, 18, 21, 22, 23, 26).

«Диагностика полимотивационных тенденций в «Я-концепции» личности»
(вариант А) С.М.Петровой

Инструкция. Вам предложен список из 32 пословиц. В случае принятия, согласия с содержанием пословицы необходимо рядом с ее номером поставить знак«+» или «да», а в случае несогласия с содержанием пословицы – знак «-» или «нет».

1. Беднее всех бед, когда денег нет.
2. Счастье лучше богатства.
3. Кому счастье служит, тот ни о чем не тужит.
4. Где счастье плодится, там и зависть родится.
5. Будет и на нашей улице праздник.
6. Голым родился, гол и умру.
7. Доброе братство лучше богатства.
8. Черный день придет - приятели откажутся.
9. Ученье лучше богатства.
10. Век живи, век учись, а дураком помрешь.
11. Можно тому богату быть, кто от трудов мало спит.
12. От работы не будешь богат, а скорее будешь горбат.
13. Где тверд закон, там всяк умен.
14. Закон - паутина, шмель проскочит, муха увязнет.
15. Лучше жить бедняком, чем разбогатеть со грехом.
16. Без греха века не проживешь.
17. Всяк сам своего счастья кузнец.
18. Лбом стены не прошибешь.
19. Только тот не ошибается, кто ничего не делает.
20. Опасенье - половина спасенья.
21. Добрая слава лучше богатства.
22. На всех не угодишь.
23. Мир не без добрых людей.
24. Что стыдно и грешно, то в обычай вошло.
25. С грязью играть - руки замарать.
26. К чистому поганое не пристанет.
27. Бог-то Бог, да и сам не будь плох.
28. Невольный грех живет на всех.
29. Всякий за себя отвечает.
30. Делай людям добро, да себе без беды
31. Сам пропадай, а товарища выручай.
32. Моя хата с краю, я ничего не знаю.

Обработка результатов
Стандартная инструкция по обработке:

Включенные в методику пословицы диадными плеядами тяготеют друг к другу и имеют общий метасмысл. Основываясь на диадной плеядности пословиц, полимотивационную «Я-концепцию» личности составили 16 парных мотивационных тенденций. Учитывая альтернативную направленность пословиц в каждой паре, о выраженности первой мотивационной тенденции можно судить, когда нечетные номера пословиц оцениваются знаком «+», а четные знаком «-». И наоборот, когда нечетные номера пословиц оцениваются знаком «-», а четные - «+», можно говорить о доминировании противоположной тенденции.

Дополнительная инструкция (автор Ю.В.Печин):

Для того, чтобы данные могли быть обработаны с помощью математических методов статистики, принимается следующая система переводов ответов респондентов в баллы:

Знак «+» в подтверждении указанной в ключе тенденции – 3 балла;

Знак «-» в опровержении указанной в ключе тенденции – 1 балл;

Двойные знаки (обе пословицы в паре «+» или обе «-») – 2 балла.

Ключ и интерпретация

1. *Акзигитивная (материальная) мотивация* представлена пословицей №1 (противоположная - пословицей №2), отражает отношение к материальному благополучию в жизни, к деньгам, определяет значимость для индивида материальной стороны жизни, вытекает из общей ориентации на благополучие.

2. *Гедонистическая мотивация* представлена пословицей №3 (противоположная - пословицей №4), выражает ориентацию на упрощенные способы существования, на веселую, легкую, радостную, счастливую жизнь, характеризует потребность в телесном и душевном комфорте.

3. *Оптимистическая мотивация* представлена пословицей №5 (противоположная пессимистическая - пословицей №6), отражает веру в хорошее, надежду на лучшее в жизни, характеризуется пассивным ожиданием благополучия/неблагополучия в жизни, определяется как оптимистический/пессимистический фатализм.

4. *Коммуникативная мотивация* представлена пословицей №7 (противоположная - пословицей №8), выражает потребность в общении, в дружбе, отражает степень направленности субъекта на взаимодействие, коммуникацию.

5. *Познавательная мотивация* представлена пословицей №9 (противоположная - пословицей №10), отражает потребность в выполнении работы, направленность на труд, ориентацию на выполнение поставленной задачи через преодоление трудностей.

6. *Трудовая мотивация* представлена пословицей №11 (противоположная - пословицей №12), отражает потребность в выполнении работы, направленность на труд, ориентацию на выполнение поставленной задачи через преодоление трудностей.

7. *Нормативная мотивация* представлена пословицей №13 (противоположная - пословицей №14), отражает ориентацию на выполнение групповых и социальных норм, свидетельствует о социальной идентификации,

характеризует степень ориентации индивида на долженствование, ответственность, необходимость.

8. *Нравственная мотивация* представлена пословицей №15 (противоположная - пословицей №16), отражает ориентацию индивида на соблюдение нравственных норм, характеризует желание жить по правде, по совести, по справедливости, относится к духовной деятельности человека.

9. *Губристическая мотивация как стремление к совершенству* представлена пословицей №17 (противоположная - пословицей № 18), отражает ориентацию на развитие, потребность в достижении, самоопределении.

10. *Пугническая мотивация* представлена пословицей №19 (противоположная - мотивация к индивидуальной безопасности - пословицей №20), выражает потребность в действенном, активном преодолении трудностей, стремление бороться с жизненными обстоятельствами, даже если это связано с определенным риском

11. *Губристическая мотивация как стремление к превосходству* представлена пословицей №21 (противоположная - пословицей №22), выражает потребность в уважении, авторитете среди людей (престижная), в признании, успехе (глорическая), в первенстве.

12. *Мотивация позитивного отношения к людям* представлена пословицей №23 (противоположная - пословицей №24), выражает ориентацию на хорошее, положительное отношение к людям, веру в доброту людей.

13. *Мотивация избегания неприятностей* представлена пословицей №25 (противоположная - пословицей №26), отражает потребность в избегании неприятностей с внешним окружением, угроз, опасностей.

14. *Мотивация индивидуализации* представлена пословицей №27 (противоположная - пословицей №28), выражает либо желание ориентироваться на себя, либо делать так, как другие хотят, вместе с другими.

15. *Эгоцентрическая мотивация* представлена пословицей №29 (противоположная паритетная мотивация - пословицей №30), отражает ориентацию человека на себя, желание думать о себе без ущерба для других, либо ориентацию на других, желание думать о других без ущерба для себя.

16. *Альтруистическая мотивация* представлена пословицей №31 (противоположная эгоистическая мотивация - пословицей №32), выражает ориентацию на других, желание думать о других даже в ущерб себе, либо ориентацию на себя, желание думать о себе даже в ущерб другим.

Методика изучения ценностных ориентаций по М.Рокичу
(в редакции А.И.Зеличенко, И.М.Карлинской, В.В.Столина и
А.Г.Шмелева)

Список А (терминальные ценности)

1. Активная деятельная жизнь (полнота и эмоциональная насыщенность жизни)
2. Жизненная мудрость (зрелость суждений и здравый смысл, достигаемые жизненным опытом)
3. Здоровье (физическое и психическое)
4. Интересная работа
5. Красота природы и искусства (переживание прекрасного в природе и в искусстве)
6. Любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком)
7. Материальное обеспеченная жизнь (отсутствие материальных затруднений)
8. Наличие хороших и верных друзей
9. Общественное признание (уважение окружающих, коллектива, товарищей по работе)
10. Познание (возможность расширения своего образования, кругозора, общей культуры, интеллектуальное развитие)
11. Продуктивная жизнь (максимально полное использование своих возможностей, сил и способностей)
12. Развитие (работа над собой, постоянное физическое и духовное совершенствование)
13. Развлечения (приятное, необременительное времяпрепровождение, отсутствие обязанностей)
14. Свобода (самостоятельность, независимость в суждениях и поступках)
15. Счастливая семейная жизнь
16. Счастье других (благополучие, развитие и совершенствование других людей, всего народа, человечества в целом)
17. Творчество (возможность творческой деятельности)
18. Уверенность в себе (внутренняя гармония, свобода от внутренних противоречий, сомнений)

Список Б (инструментальные ценности)

1. Аккуратность (чистоплотность), умение содержать в порядке вещи, порядок в делах
2. Воспитанность (хорошие манеры)
3. Высокие запросы (высокие требования к жизни и высокие притязания)
4. Жизнерадостность (чувство юмора)
5. Исполнительность (дисциплинированность)
6. Независимость (способность действовать самостоятельно, решительно)
7. Непримируемость к недостаткам в себе и в других
8. Образованность (широта знаний, высокая общая культура)
9. Ответственность (чувство долга, умение держать слово)

- 10.Рационализм (умение здраво и логично мыслить, принимать обдуманые, рациональные решения)
- 11.Самоконтроль (сдержанность, самодисциплина)
- 12.Смелость в отстаивании своего мнения, своих взглядов
- 13.Твердая воля (умение настоять на своем, не отступать перед трудностями)
- 14.Терпимость (к взглядам и мнениям других, умение прощать другим их ошибки и заблуждения)
- 15.Широта взглядов (умение понять чужую точку зрения, уважать иные вкусы, обычаи, привычки)
- 16.Честность (правдивость, искренность)
- 17.Эффективность в делах (трудолюбие, продуктивность в работе)
- 18.Чуткость (заботливость)

Источник: Практикум по психодиагностике. Конкретные психодиагностические методики / Под ред. А.И.Зеличенко, И.М.Карлинской, В.В.Столина, А.Г.Шмелева. – М.: Изд-во МГУ, 1989. - с. 148-159.

Rokeach Value Survey (original version)

Terminal Values

1. **A Comfortable Life** a prosperous life
2. **Equality** brotherhood and equal opportunity for all
3. **An Exciting Life** a stimulating, active life
4. **Family Security** taking care of loved ones
5. **Freedom** independence and free choice
6. **Health** physical and mental well-being (or **Happiness**, contentedness)
7. **Inner Harmony** freedom from inner conflict
8. **Mature Love** sexual and spiritual intimacy
9. **National Security** protection from attack
10. **Pleasure** an enjoyable, leisurely life
11. **Salvation** saved; eternal life
12. **Self-Respect** self-esteem
13. **A Sense of Accomplishment** a lasting contribution
14. **Social Recognition** respect and admiration
15. **True Friendship** close companionship
16. **Wisdom** a mature understanding of life
17. **A World at Peace** a world free of war and conflict
18. **A World of Beauty** beauty of nature and the arts

Instrumental Values

1. **Ambitious** hardworking and aspiring
2. **Broad-minded** open-minded
3. **Capable** competent; effective
4. **Clean** neat and tidy
5. **Courageous** standing up for your beliefs
6. **Forgiving** willing to pardon others
7. **Helpful** working for the welfare of others
8. **Honest** sincere and truthful
9. **Imaginative** daring and creative
10. **Independent** self-reliant; self-sufficient
11. **Intellectual** intelligent and reflective
12. **Logical** consistent; rational
13. **Loving** affectionate and tender
14. **Cheerful**, lighthearted, joyful (or **Loyal**, faithful to friends or the group)
15. **Obedient** dutiful; respectful
16. **Polite** courteous and well-mannered
17. **Responsible** dependable and reliable

18.Self-controlled restrained; self-disciplined

Источник: 1.What are your values? Find Out With This Survey.
www.orednet.org/~jflory/205/val_sur.htm;

2.RVS. www.cbe.wvu.edu/kristityran/MBA510cTyran/RVS.htm;

3.Jane Piirto. "I live in my own bubble". The values of talented U.S./ Ohio adolescents before and after September 11, 2001. -
www.personal.ashland.edu/~jpiirto/values%20study.html.

Rokeach Value Survey

Перевод с английского Ю.В.Печина

Terminal Values

1. **A Comfortable Life** (prosperous life) - Комфортабельная жизнь (процветание, преуспевание, материальная обеспеченность)
2. **Equality** (brotherhood and equal opportunity for all) - Равенство (братство, равные права и возможности для всех)
3. **An Exciting Life** (a stimulating, active life) - Активная жизнь (волнующая, захватывающая)
4. **Family Security** (taking care of loved ones) - Хранение, безопасность семьи (защита, забота о своих любимых)
5. **Freedom** (independence and free choice) - Свобода (независимый, свободный выбор)
6. **Health** (physical and mental well-being) - Здоровье (физическое и психическое, душевное)
7. **Inner Harmony** (freedom from inner conflict) - Внутренняя гармония (свобода от внутренних конфликтов)
8. **Mature Love** (sexual and spiritual intimacy) - Зрелая, настоящая любовь (физическая и духовная близость)
9. **National Security** (protection from attack) - Национальная безопасность (защищенность от нападений)
10. **Pleasure** (an enjoyable, leisurely life) - Удовольствие (жизнь в наслаждениях)
11. **Salvation** (saved, eternal life) - Спасение души (спасенная, вечная жизнь)
12. **Self-Respect** (self-esteem) - Самоуважение
13. **A Sense of Accomplishment** (a lasting contribution) - Чувство достижения (настойчивость, целеустремленность)
14. **Social Recognition** (respect and admiration) - Социальное признание (уважение, восхищение)
15. **True Friendship** (close companionship) - Настоящая дружба (близкие, тесные отношения)
16. **Wisdom** (a mature understanding of life) - Мудрость (зрелое понимание жизни)
17. **A World at Peace** (world free of war and conflict) - Мир во всем мире (мир, свободный от войн и конфликтов)
18. **A World of Beauty** (beauty of nature and the arts) - Мир красоты (Красота природы и искусства)

Instrumental Values

1. **Ambitious** (hardworking and aspiring) - Амбициозность (Быть амбициозным) (способность к тяжелой работе, честолюбивая устремленность)
2. **Broad-minded** (open-minded) - Широта и открытость мышления
3. **Capable** (competent; effective) - Умелость (компетентность, эффективность)
4. **Clean** (neat and tidy) - Опрятность, аккуратность
5. **Courageous** (standing up for your beliefs) - Смелость (отстаивание своих убеждений)
6. **Forgiving** (willing to pardon others) - Прощение (сила воли прощать других)
7. **Helpful** (working for the welfare of others) - Готовность помочь другим, отзывчивость (работать ради благополучия других, благотворительность)
8. **Honest** (sincere and truthful) - Честность, искренность, правдивость
9. **Imaginative** (daring and creative) - Богатое воображение (дерзание, креативность)
10. **Independent** (self-reliant; self-sufficient) - Независимость (самоуверенность, самодостаточность)
11. **Intellectual** (intelligent and reflective) - Интеллектуальность (понятливость, рефлексивность)
12. **Logical** (consistent; rational) - Логичность (последовательность. Рациональность)
13. **Loving** (affectionate and tender) - Способность любить (чувственность, нежность, заботливость)
14. **Cheerful** (lighthearted, joyful) - Жизнерадостность (беззаботность, веселость)
15. **Obedient** (dutiful; respectful) - Исполнительность (послушность долгу, почтительность)
16. **Polite** (courteous and well-mannered) - Воспитанность (учтивость, хорошие манеры)
17. **Responsible** (dependable and reliable) - Ответственность (надежность, достойность доверия)
18. **Self-controlled** (restrained; self-disciplined) - Самоконтроль (сдержанность, самодисциплина)

Исследование мотивационных тенденций по методике МТГД
Факторный анализ
Дачники (n=106)

	Factor 1	Factor 2	Factor 3	Factor 4	Factor 5
двд2	0,727963	-0,091051	0,017092	0,070465	0,027877
двд7	0,650748	0,090091	0,194308	0,348651	-0,017277
двд8	0,497090	-0,330259	-0,262269	0,066495	-0,189191
двд10	0,640615	-0,291544	0,111718	0,224267	0,117240
двд28	0,686792	0,031912	0,139106	0,411209	-0,117226
двд9	0,626364	0,238038	-0,081382	0,215742	0,127532
двд11	0,541809	-0,036723	0,233989	0,425104	0,197667
двд22	0,235039	-0,388311	0,474452	-0,106751	-0,083239
двд23	-0,124219	0,012118	0,505667	-0,087358	0,218417
двд24	0,271777	0,245993	0,636915	0,266210	-0,040675
двд	0,847068	-0,068471	0,346228	0,336340	0,049038
двд_ср	0,847068	-0,068471	0,346228	0,336340	0,049038
ип1	0,136888	0,410907	0,245280	0,206293	-0,038968
ип3	-0,325399	-0,099775	-0,370942	-0,269474	-0,317375
ип4	-0,646813	0,301652	-0,207793	-0,009934	-0,188271
ип5	-0,322108	-0,084373	-0,061025	-0,185805	-0,666127
ип14	0,302611	0,365170	0,060569	-0,225496	-0,093297
ип15	-0,019552	0,691576	0,074411	0,036170	-0,132419
ип16	0,056241	0,633714	-0,308979	0,078137	0,304733
ип25	-0,094263	0,182531	-0,745071	-0,154056	0,100470
ип26	-0,300114	-0,129854	-0,608658	-0,329226	-0,154653
ип27	0,130808	0,176157	-0,131838	0,204987	-0,632435
ип	-0,318099	0,518281	-0,535714	-0,178870	-0,493175
ип_ср	-0,318099	0,518281	-0,535714	-0,178870	-0,493175
нн17	0,541229	0,025252	0,183628	0,564171	0,109604
нн18	0,443603	-0,110364	0,090835	0,181113	0,275960
нн19	0,403266	-0,019766	0,122499	0,582730	0,066532
нн20	0,169300	-0,456691	0,137604	0,608415	0,127195
нн21	0,477200	-0,574977	-0,057916	0,096451	0,052010
нн6	0,317189	-0,024673	-0,141355	0,285667	0,277023
нн12	-0,245374	0,590973	-0,113368	-0,199133	0,023272
нн13	0,222967	0,034823	0,027508	0,781711	-0,096729
нн30	0,041859	0,037084	0,018807	0,485749	0,433509
нн29	-0,018871	-0,062917	0,141365	0,560592	-0,393050
нн	0,463135	-0,054313	0,104316	0,836742	0,137266
нн_ср	0,463135	-0,054313	0,104316	0,836742	0,137266

Условные сокращения:

ДВД – «душа всего дороже»

ИП – «индивидуализм и прагматизм»

НН – «нравственно-нормативная» группа

Исследование мотивационных тенденций по С.М.Петровой
Факторный анализ

Дачники (n=106)

	Factor 1	Factor 2	Factor 3	Factor 4
материально-накопит.	-0,2398	-0,1774	0,5012	0,1138
гедонистич.	-0,3145	0,3366	0,3972	-0,0450
индивидуалистич.	0,1899	0,0781	0,5638	0,0615
эгоцентрическая	0,1044	-0,1464	0,6867	-0,2299
оптимистич.	0,6815	-0,0013	0,0385	-0,1862
коммуникатив.	0,5437	0,0891	-0,1637	0,2802
позитивное отнош. к людям	0,3317	-0,1370	-0,2859	0,1588
альтруистическая	0,4761	-0,0018	0,1194	0,0564
познавательная	-0,0143	0,1999	0,0516	0,4516
трудовая	0,2975	-0,1176	0,2741	0,6210
нормативная	0,1414	-0,0516	-0,1170	0,6249
нравственная	-0,1520	0,0784	-0,2577	0,5100
стремление к совершенству	0,3857	0,3586	0,2766	-0,3373
пугнистическая (борьба, приключения)	-0,0801	0,5793	0,1721	-0,0435
стремление к превосходству	-0,1732	0,6774	-0,2064	0,2127
избегание неприятностей	0,1482	0,6105	-0,1873	0,1382

Исследование мотивационных тенденций по С.М.Петровой
Факторный анализ
«Недачники» (n=35)

	Factor 1	Factor 2	Factor 3	Factor 4
материально-накопит.	-0,181321	0,411550	-0,160101	-0,074830
гедонистич.	0,187640	0,690978	0,245017	0,203151
индивидуалистич.	0,086434	0,203455	0,193210	0,514535
эгоцентрическая	0,071133	0,637815	-0,357421	-0,347365
оптимистич.	-0,333933	0,273813	-0,040487	-0,531770
коммуникатив.	0,515666	0,489289	0,060277	-0,264398
позитивное отнош. к людям	0,299938	0,210610	0,128872	-0,019616
альтруистическая	-0,031141	-0,018771	-0,113105	-0,601513
познавательная	0,623954	-0,013535	0,022627	0,074550
трудовая	0,564024	0,072290	0,207532	-0,373992
нормативная	0,500190	0,131315	-0,191813	0,431415
нравственная	0,672035	-0,006944	-0,065788	0,077227
стремление к совершенству	0,391723	0,612010	0,068231	0,062101
пугнистическая (борьба, приключения)	0,107279	-0,373670	0,571358	-0,345919
стремление к превосходству	-0,091471	0,313040	0,616073	0,375974
избегание неприятностей	-0,069400	-0,166933	0,693738	0,126852

Исследование мотивационных тенденций по С.М.Петровой
Корреляционный анализ по критерию Спирмена
Дачники (n=106)
(жирным шрифтом выделен коэффициент корреляции на уровне
значимости $p \leq 0,05$)

	материаль.- накоп.	гедонистич.	индивидуалист.	эгоцентрич.	оптимистич.	коммуникатив.	вера в добр людей	альтруистич.	познаватель.	трудовая	нормативная	нравственная	губристич. - совершенств.	пугнистич. - экстремаль.	губрист.-превосход.	избегание неприятн.
материаль.- накоп	1,0	0,00	-	0,25	0,08	0,18	0,08	0,07	0,05	0,04	0,01	-0,08	0,01	0,03	-0,1	0,12
гедонистич.	0,00	1,0	0,14	0,10	0,10	0,12	0,11	0,18	0,01	0,09	0,09	-0,08	0,05	0,07	0,24	0,07
индивидуалист	-	0,01	1,0	0,20	0,06	0,01	0,15	0,26	0,00	0,18	0,13	0,05	0,16	0,03	0,07	-
эгоцентрич	0,25	0,10	0,20	1,0	0,02	0,07	0,09	0,12	0,09	0,07	0,23	-0,29	0,15	0,09	0,22	0,20
оптимистич.	-	0,08	0,10	0,06	0,02	1,0	0,11	0,05	0,02	0,03	0,12	0,02	-0,18	0,3	0,05	0,27
коммуникатив.	-	0,18	0,12	0,01	0,07	0,11	1,0	0,05	0,04	0,08	0,18	0,26	0,08	0,05	0,10	0,14
позитив отн. к люд.	-	0,08	0,11	0,15	0,09	0,05	0,05	1,0	0,08	0,02	0,11	0,09	0,12	0,09	0,27	0,14
альтруистическ	-	0,07	0,18	0,26	0,12	0,02	0,04	0,08	1,0	0,01	0,04	0,08	0,02	0,00	0,11	0,04
познавательная	0,05	0,01	0,00	0,09	0,03	0,08	0,02	0,01	1,0	0,08	0,09	-0,03	0,05	0,02	0,15	0,18
трудова я	0,04	0,09	0,18	0,07	0,12	0,18	0,11	0,04	0,08	1,0	0,3	0,15	0,07	0,01	0,14	0,00
нормативная	0,01	0,09	0,13	0,23	0,02	0,26	0,09	0,08	0,09	0,3	1,0	0,04	0,12	0,02	0,09	0,01
нравственная	-	0,08	0,05	0,29	0,18	0,08	0,12	0,02	0,03	0,15	0,04	1,0	0,28	0,03	0,22	0,17
стремл. соверш.	-	0,01	0,05	0,16	0,15	0,3	0,05	0,09	0,00	0,05	0,07	0,12	-0,28	1,0	0,14	0,03
пугнист (борьба прикл.)	-	0,03	0,07	0,03	0,09	0,05	0,10	0,27	0,11	0,02	0,01	0,02	-0,03	0,14	1,0	0,17
губрист стремл превосх	-0,1	0,24	0,07	0,22	0,27	0,14	0,14	0,04	0,15	0,14	0,09	0,22	0,03	0,17	1,0	0,29
избеган неприятностей	-	0,12	0,07	0,00	0,20	0,15	0,14	0,05	0,03	0,18	0,00	0,01	0,17	0,02	0,09	0,29

Исследование мотивационных тенденций по С.М.Петровой
 Корреляционный анализ по критерию Спирмена
 «Недачники» (n=35)
*(жирным шрифтом выделен коэффициент корреляции на уровне
 значимости $p \leq 0,05$)*

	материаль.- накоп.	гедонистич.	индивидуалист.	эгоцентрич.	оптимистич.	коммуникатив.	вера в добрых людей	альтруистич.	познаватель.	трудовая	нормативная	нравственная	губристич. - совершенств.	пугнистич. - экстремаль.	губрист.-превосход.	избегание неприятн.
материаль.- накоп	1,0	0,05	-0,01	0,15	0,15	0,02	0,13	0,02	0,18	0,03	-0,24	-0,08	0,16	-0,07	-0,21	-0,06
гедонистич.	0,05	1,0	0,13	0,36	0,03	0,33	0,28	-0,17	0,08	0,12	0,3	0,14	0,42	-0,2	0,35	0,17
индивидуалист	-0,01	0,13	1,0	-0,2	0,34	0,13	0,02	0,08	0,11	0,09	0,18	-0,04	-0,0	0,05	0,47	-0,04
эгоцентрич.	0,15	0,36	-0,2	1,0	0,2	0,32	0,06	0,26	0,08	0,07	-0,02	0,16	0,51	0,16	0,16	0,47
оптимистич.	0,15	0,03	0,34	0,2	1,0	0,12	0,12	0,13	0,29	0,05	0,18	0,12	0,03	0,23	0,12	0,13
коммуникатив.	0,02	0,35	0,13	0,32	0,12	1,0	0,01	-0,05	0,18	0,50	0,12	0,33	0,45	-0,1	0,12	-0,18
позитив. отн. к люд.	-0,13	0,28	0,02	0,06	-0,12	0,01	1,0	0,03	0,02	0,27	0,32	0,01	0,14	-0,12	0,15	0,04
альтруистич.	0,02	-0,17	-0,08	0,26	0,13	-0,05	-0,03	1,0	0,21	0,03	-0,13	-0,31	-0,12	0,26	0,14	-0,31
познавательная	0,18	0,08	0,11	0,08	-0,29	0,18	0,02	0,21	1,0	0,06	0,21	0,3	0,35	0,18	0,04	-0,06
трудова	0,03	0,12	0,09	0,07	-0,05	0,50	0,27	0,03	0,06	1,0	0,05	0,27	0,0	0,26	0,04	0,02
нормативная	-0,24	0,3	0,18	0,02	-0,18	0,12	0,32	0,13	0,21	0,05	1,0	0,1	0,22	0,33	0,12	-0,09
нравственная	-0,08	0,14	-0,04	0,16	-0,12	0,33	0,01	-0,31	0,3	0,27	0,1	1,0	0,32	-0,06	-0,2	0,12
стремл. совершенств.	0,16	0,42	-0,00	0,51	-0,03	0,45	0,14	-0,12	0,35	-0,00	0,22	0,32	1,0	0,08	0,18	-0,14
пугнист (борьба прикл.)	-0,07	-0,2	0,05	0,16	-0,23	0,07	0,12	0,26	0,18	0,26	0,33	0,06	0,08	1,0	0,02	0,17
губрист. стремл. превосх.	-0,21	0,35	0,47	0,16	-0,12	0,12	0,15	-0,14	-0,04	-0,04	0,12	-0,2	0,18	0,02	1,0	0,18
избегание неприятностей	-0,06	0,17	-0,04	0,47	0,13	-0,18	0,04	-0,31	-0,06	0,02	-0,09	0,12	-0,14	0,17	0,18	1,0

Исследование ценностных ориентаций по М.Рокичу.
 Представленность ценностей в диапазоне пяти крайних низких и пяти
 крайних высоких рангов
 (обработка данных с использованием ϕ^* - критерия Фишера)

Диапазон крайних низких рангов	Диапазон крайних высоких рангов	%	%	Ф-эмпир.ч.	Уровень значимости различий
		Дачники (n=106)	Недачники (n=35)		
	любовь	61,32	57,14	0,44	
любовь		2,83	2,86	0,03	
	сем. жизнь	46,23	60,00	1,42	
сем. жизнь		4,72	0,00	2,24	
	здоровье	57,55	68,57	1,18	
здоровье		1,89	5,71	1,05	
	внутр. гарм	28,30	45,71	1,86	0,031
внутр. гарм		5,66	14,29	1,51	
	красота	6,60	14,29	1,31	
красота		34,91	28,57	0,69	
	прод. жизнь	13,21	2,86	2,06	
прод. жизнь		10,38	0,00	3,37	
	дружба	17,92	14,29	0,50	
дружба		7,55	5,71	0,37	
	счас. других	9,43	0,00	3,19	
счас. других		35,85	34,29	0,16	
	самоуваж	24,53	22,86	0,19	
самоуваж		8,49	11,43	0,50	
	мир во всем мире	28,30	28,57	0,04	
мир во всем мире		42,45	31,43	1,18	
	актив. жизнь	8,49	5,71	0,56	
актив. жизнь		25,47	14,29	1,45	
	общ. призн	4,72	2,86	0,49	
общ. призн		35,85	31,43	0,48	
	спас. души	14,15	14,29	0,02	
спас. души		50,94	74,29	2,51	0,005
	нац. независ	12,26	11,43	0,14	
нац. независ		46,23	65,71	2,03	0,022
	свобода	18,87	20,00	0,14	
свобода		12,26	20,00	1,08	
	равенство	3,77	0,00	2,01	
равенство		51,89	48,57	0,34	
	удовольст	1,89	5,71	1,05	
удовольст		56,60	42,86	1,41	
	творч	6,60	5,71	0,19	
творч		22,64	31,43	1,02	
	комфорт	10,38	5,71	0,90	
комфорт		33,02	20,00	1,52	

	мудрость	24,53	8,57	2,26	0,012
мудрость		9,43	14,29	0,78	
	аккуратн	12,26	14,29	0,30	
аккуратн		29,25	28,57	0,07	
	честност	41,51	40,00	0,16	
честност		12,26	2,86	1,92	
	воображ	6,60	11,43	0,87	
воображ		39,62	42,86	0,34	
	жизнерад	20,75	25,71	0,59	
жизнерад		21,70	0,00	4,97	
	терпимос	16,98	11,43	0,83	
терпимос		23,58	25,71	0,25	
	терпение	24,53	14,29	1,33	
терпение		10,38	25,71	2,08	0,019
	независим	24,53	37,14	1,41	
независим		13,21	14,29	0,16	
	рационал	6,60	2,86	0,91	
рационал		35,85	25,71	1,13	
	верн. традиц	12,26	11,43	0,14	
верн. традиц		52,83	57,14	0,44	
	интеллект	27,36	31,43	0,45	
интеллект		15,09	14,29	0,11	
	отзывчивчив	21,70	37,14	1,70	0,045
отзывчивчив		11,32	8,57	0,47	
	непримир. к нед	7,55	0,00	2,85	
непримир. к нед		69,81	74,29	0,51	
	исполнит	17,92	11,43	0,95	
исполнит		19,81	22,86	0,39	
	трудолюб	28,30	37,14	0,96	
трудолюб		10,38	22,86	1,71	0,044
	самоконтр	17,92	20,00	0,27	
самоконтр		15,09	28,57	1,70	0,045
	воспитан	24,53	20,00	0,19	
воспитан		12,26	5,71	1,21	
	смелость	14,15	14,29	0,02	
смелость		19,81	22,86	0,39	
	умелость	10,38	14,29	0,61	
умелость		12,26	20,00	1,44	
	любить	61,32	40,00	2,21	0,014
любить		6,60	0,00	2,67	
	амбициоз	10,38	14,29	0,61	
амбициоз		61,32	54,29	0,73	

Исследование ценностных ориентаций по М.Рокичу
Процентная доля последнего выбора

Дачники (n=106)		«Недачники» (n=35)	
32,1	непримир. к недост.	48,6	непримир. к недост.
29,2	удовольствие	40,0	спас. души
29,2	амбициозность	22,9	верн. традиц
23,6	спас. души	14,3	равенство
10,4	верн. традиц.	14,3	удовольствие
9,4	нац. независимость	11,4	нац. независим.
9,4	равенство	8,6	мир во всем мире
7,5	комфорт	8,6	амбициозность
5,7	общ. признание	5,7	самоуважение
4,7	мир во всем мире	5,7	терпение
3,8	творчество	5,7	смелость
3,8	аккуратность	2,9	актив жизнь
2,8	счас. других	2,9	общ. признание
2,8	жизнерадост.	2,9	аккуратность
2,8	рациональн.	2,9	воображение
2,8	отзывчивчив.	2,9	рациональн.
1,9	воображение	0	любовь
1,9	терпимость	0	сем. жизнь
0,9	здоровье	0	здоровье
0,9	красота	0	внутр. гармония
0,9	прод. жизнь	0	красота
0,9	мудрость	0	прод. жизнь
0,9	честность	0	дружба
0,9	исполнитель.	0	счас. других
0,9	трудолюбие	0	свобода
0,9	смелость	0	творчество
0,9	способн. любить	0	комфорт.
0	любовь	0	мудрость
0	сем. жизнь	0	честность
0	внутр. гармония	0	жизнерадост.
0	дружба	0	терпимость
0	самоуважение	0	независимость
0	Актив. жизнь	0	интеллект.
0	свобода	0	отзывчивость
0	терпение	0	исполнитель.
0	независимость	0	трудолюбие
0	интеллект.	0	самоконтроль
0	самоконтроль	0	воспитанность
0	воспитанность	0	умелость
0	умелость	0	способн. любить

Исследование ценностных ориентаций по М.Рокичу

Корреляционный анализ по критерию Спирмена

Дачники (n=106)

Терминальные – инструментальные ценности

(жирным шрифтом выделен коэффициент корреляции

на уровне значимости $p \leq 0,05$)

	аккуратн.	честность	воображение	жизнерадост	терпимость	терпение	независим.	рациональн.	верн. традиц.	интеллект.
любовь	-0,03	-0,001	0,01	0,42	-0,01	0,07	0,14	-0,29	-0,19	-0,05
сем. жизнь	0,017	0,26	-0,18	0,14	0,11	0,26	-0,11	-0,29	0,02	-0,26
здоровье	0,12	0,18	-0,11	0,07	-0,07	0,04	0,10	-0,30	-0,04	-0,17
внутр. гарм.	-0,14	0,11	0,17	0,13	-0,08	0,04	0,11	-0,15	-0,003	0,12
красота	0,14	-0,03	0,06	-0,09	-0,09	-0,17	-0,04	0,08	0,27	0,09
прод. жизнь	-0,13	-0,11	0,10	0,05	-0,26	-0,19	0,13	0,33	-0,26	0,22
дружба	0,01	0,10	0,02	0,13	-0,07	0,04	0,01	-0,08	-0,21	-0,056
счастье других	-0,01	0,09	-0,25	-0,18	0,30	0,07	-0,36	-0,04	0,37	-0,04
самоуважен.	-0,05	-0,10	-0,01	0,06	-0,29	-0,14	0,24	0,15	-0,03	0,12
мир во всем мире	0,10	-0,002	-0,13	-0,09	0,21	-0,003	-0,11	-0,02	0,08	-0,08
актив. жизнь	-0,01	-0,20	0,16	0,007	-0,25	-0,03	0,12	0,24	-0,30	0,03
общ. призн.	0,25	-0,13	0,06	0,02	-0,13	-0,11	0,002	0,13	-0,23	0,07
спас. души	-0,01	0,16	-0,06	-0,09	0,39	0,10	-0,31	-0,08	0,22	-0,22
нац. независим.	-0,01	-0,09	-0,06	-0,29	0,28	0,03	-0,20	0,01	0,32	0,03
свобода	-0,19	0,02	0,02	-0,08	-0,15	-0,03	0,29	0,10	-0,05	0,01
равенство	0,09	-0,02	-0,15	-0,27	0,10	-0,01	-0,11	0,01	0,18	-0,01
удовольст.	0,05	-0,29	0,25	0,13	-0,27	-0,03	0,21	0,10	-0,12	0,053
творчество	-0,27	-0,003	0,33	0,08	-0,18	-0,05	0,14	0,07	-0,11	0,32
комфорт	0,17	-0,15	-0,07	0,16	-0,07	0,01	0,14	0,09	-0,26	-0,12
мудрость	-0,04	0,22	-0,11	-0,12	0,25	0,11	-0,16	-0,12	0,16	-0,02

	отзывчиви в.	непримир.к недост.	исполнител ьн.	трудолюби е	самоконтр.	воспитанно сть	смелость	умелость	способн. любить	амбициозн ость
любовь	-0,01	-0,13	-0,01	-0,21	-0,15	0,14	-0,01	-0,002	0,21	0,03
сем. жизнь	0,20	-0,22	-0,14	0,01	0,09	0,05	-0,04	0,05	0,23	-0,16
здоровье	0,08	-0,09	-0,09	0,12	0,04	0,18	-0,03	0,11	0,01	-0,12
внутр. гарм.	0,11	-0,25	-0,29	-0,26	-0,06	-0,04	0,03	0,05	0,12	0,22
красота	-0,07	0,11	0,01	0,07	-0,12	-0,002	-0,03	-0,16	-0,04	-0,02
прод. жизнь	-0,16	0,01	-0,04	0,14	0,03	-0,14	0,08	0,11	-0,12	0,24
дружба	0,17	-0,07	0,06	-0,04	-0,07	-0,04	-0,003	-0,01	0,09	0,03
счастье других	0,07	0,08	0,04	0,15	0,24	0,07	-0,21	-0,17	0,08	-0,30
самоуважен.	-0,13	0,13	-0,03	-0,17	0,01	-0,002	0,11	0,07	-0,19	0,26
мир во всем мире	0,13	0,11	0,12	0,18	-0,04	0,08	-0,20	-0,005	0,002	-0,35

актив. жизнь	-0,14	-0,12	0,12	0,07	0,01	-0,06	0,17	0,05	-0,10	0,21
общ. призн.	-0,05	-0,03	0,11	-0,09	-0,20	-0,03	0,09	0,12	-0,17	0,24
спас. души	0,14	-0,01	-0,07	0,48	0,11	-0,18	-0,005	-0,14	0,35	-0,26
нац. независим.	-0,03	0,24	0,03	0,09	0,11	0,08	-0,16	-0,03	-0,01	-0,25
свобода	0,01	-0,07	0,10	-0,10	-0,01	0,12	0,03	-0,09	-0,10	0,08
равенство	0,07	0,15	0,28	0,10	0,06	0,12	-0,17	-0,04	-0,12	-0,26
удовольст.	-0,23	0,01	0,04	-0,28	-0,16	0,03	0,14	-0,04	-0,09	0,36
творчество	-0,07	-0,12	-0,01	0,13	-0,14	-0,17	0,07	0,01	-0,19	0,18
комфорт	-0,18	0,07	-0,11	-0,25	0,03	-0,01	0,18	0,15	-0,18	0,36
мудрость	0,09	0,01	-0,10	0,21	0,08	-0,18	-0,004	-0,03	0,11	-0,25

Исследование ценностных ориентаций по М.Рокичу
Корреляционный анализ по критерию Спирмена
«Недачники» (n=35)

Терминальные – инструментальные ценности
(жирным шрифтом выделен коэффициент корреляции
на уровне значимости $p \leq 0,05$)

	аккуратн.	честность	воображение	жизнерадост	терпимость	терпение	независим.	рациональн.	верн. традиц.	интеллект.
любовь	-0,09	-0,37	0,21	0,01	0,07	0,22	0,01	0,05	-0,14	-0,02
сем. жизнь	0,38	-0,01	-0,39	-0,37	0,28	0,21	-0,35	0,31	0,18	-0,11
здоровье	-0,10	-0,34	-0,12	0,18	0,35	0,20	0,06	0,35	-0,27	-0,37
внутр. гарм.	-0,40	-0,20	0,12	0,36	0,12	0,17	0,11	0,34	-0,18	0,06
красота	-0,004	0,09	0,47	-0,10	-0,13	0,11	-0,06	-0,13	-0,27	0,28
прод. жизнь	0,01	0,06	-0,04	-0,28	0,30	0,40	0,25	0,09	-0,45	0,10
дружба	-0,11	0,08	0,06	-0,04	0,01	-0,13	-0,43	0,14	0,003	0,10
счастье других	0,20	0,23	-0,32	0,16	-0,24	-0,53	-0,36	0,01	0,13	-0,17
самоуважен.	-0,28	-0,15	0,32	0,22	0,02	0,26	0,42	-0,12	-0,23	0,05
мир во всем мире	0,36	-0,01	-0,32	0,18	-0,13	-0,35	-0,23	0,11	0,28	-0,62
актив. жизнь	-0,08	-0,03	0,16	0,14	-0,10	0,22	0,37	-0,14	0,01	-0,05
общ. призн.	,09	,34	-,09	-,34	-,06	,05	,27	-,34	-,08	,29
спас. души	-0,06	-0,08	-0,12	-0,13	0,25	-0,11	-0,43	0,13	0,23	-0,09
нац. независим.	0,09	-0,03	-0,21	0,08	-0,18	-0,54	-0,08	-0,05	0,48	-0,38
свобода	-0,43	-0,14	0,13	0,20	-0,13	-0,09	0,48	-0,17	0,01	0,09
равенство	0,34	0,26	-0,47	-0,50	0,22	0,24	-0,32	0,08	0,43	0,01
удовольст.	0,16	0,20	0,04	-0,13	-0,16	0,02	0,14	-0,34	-0,27	0,43
творчество	-0,18	-0,09	0,54	0,13	-0,14	-0,15	0,33	-0,29	0,38	0,07
комфорт	0,55	0,10	-0,19	-0,23	-0,19	-0,05	-0,44	-0,01	-0,15	0,26
мудрость	-0,14	0,21	-0,07	0,04	0,08	0,18	0,17	0,12	-0,28	0,20

	отзывчивчи в.	непримир.к недост.	исполнител ьн.	трудолюби е	самоконтр.	воспитанно сть	смелость	умелость	способн.лю бить	амбициозн ость
любовь	-0,23	0,01	-0,13	-0,30	-0,25	0,01	0,21	0,05	0,26	0,37
сем. жизнь	0,10	0,06	0,01	0,38	-0,32	0,27	-0,40	-0,04	0,15	-0,33
здоровье	0,41	-0,05	-0,42	-0,32	0,23	-0,14	-0,15	-0,01	0,23	0,24
внутр. гарм.	0,09	-0,06	-0,43	-0,4	0,42	-0,25	-0,05	-0,08	0,07	0,15
красота	-0,53	-0,41	0,27	0,03	-0,25	0,30	0,23	0,02	-0,17	0,13
прод. жизнь	-0,30	-0,30	-0,28	0,07	-0,12	-0,22	0,25	0,18	0,27	-0,15
дружба	0,016	0,31	0,11	-0,13	-0,21	0,16	-0,02	0,24	-0,15	0,21

счастье других	0,50	0,54	0,19	-0,12	-0,15	0,26	-0,27	0,42	-0,02	0,03
самоуважен.	-0,31	-0,30	-0,33	-0,31	0,31	-0,43	0,41	-0,07	-0,01	0,23
мир во всем мире	0,35	0,38	0,20	0,08	-0,06	0,27	-0,23	0,04	0,008	-0,02
актив. жизнь	-0,31	-0,12	-0,15	-0,07	0,19	-0,29	0,22	0,03	-0,31	0,11
общ.призн.	-0,07	-0,04	0,21	0,22	0,02	0,002	0,025	-0,14	-0,08	-0,30
спас. души	0,37	0,0001	0,08	0,37	-0,09	0,19	-0,23	-0,18	0,09	-0,17
нац. независим.	0,17	0,53	0,14	0,10	-0,30	0,01	-0,04	0,24	0,21	-0,01
свобода	-0,02	-0,02	-0,32	-0,31	0,39	-0,29	0,25	-0,07	0,24	0,11
равенство	0,22	0,06	0,20	0,50	-0,03	0,19	-0,52	-0,23	-0,14	-0,54
удовольст.	-0,44	-0,02	0,11	-0,03	-0,16	-0,04	0,40	0,12	-0,14	0,05
творчество	-0,18	-0,24	0,05	0,08	-0,22	0,03	-0,08	-0,23	0,06	-0,07
комфорт	-,20	-,01	,47	,28	-,25	,40	,004	,07	-,29	-,001
мудрость	0,30	-0,28	-0,043	-0,05	0,65	-0,38	-0,14	-0,17	-0,21	-0,26

Исследование ценностных ориентаций по М.Рокичу

Факторный анализ

Дачники (n=106)

Терминальные и инструментальные ценности

	Factor 1	Factor 2	Factor 3
любовь	-0,451640	0,200903	0,170092
сем. жизнь	-0,297564	0,563917	0,129679
здоровье	-0,331734	0,321959	0,140772
внутр. гарм.	-0,635502	-0,023973	-0,157582
красота	0,199969	-0,358777	-0,364599
прод. жизнь	-0,137402	-0,375610	0,208669
дружба	-0,044389	0,254869	0,332152
счастье других	0,454979	0,164735	-0,546322
самоуважен.	-0,359293	-0,373980	0,038170
мир во всем мире	0,556355	0,328946	-0,037609
актив. жизнь	0,034012	-0,176791	0,580754
общ. призн.	0,042570	-0,097755	0,524325
спас. души	-0,043306	0,275056	-0,501654
нац. независим.	0,592777	0,064531	-0,424549
свобода	-0,082274	-0,205338	0,061746
равенство	0,718266	0,063041	-0,081860
удовольст.	-0,181022	-0,344213	0,360012
творчество	-0,173443	-0,520465	-0,179534
комфорт	-0,174320	0,035158	0,670244
мудрость	-0,130395	0,055957	-0,573990
аккуратн.	0,239742	0,219717	0,313543
честность	-0,182389	0,533244	-0,218864
воображение	-0,250938	-0,433775	0,011815
жизнерадост.	-0,467926	0,051376	0,156118
терпимость	0,096336	0,536948	-0,318640
терпение	-0,190478	0,398349	-0,084264
независим.	-0,209937	-0,460864	0,259816
рациональн.	0,234107	-0,579366	0,135534
верн.традиц.	0,216312	0,053571	-0,549611
интеллект.	-0,047378	-0,619334	-0,096208
отзывчивчив.	-0,096680	0,553898	-0,149154
непримир. к недост.	0,448593	-0,234104	0,044652
исполнительн.	0,476515	0,012823	0,213453
трудолюбие	0,314624	0,158945	-0,191145
самоконтр.	0,132388	0,072095	-0,172602
воспитанность	0,199115	0,239479	0,073021
смелость	-0,266084	-0,139627	0,167187
умелость	-0,147135	0,056375	0,243726
способн. любить	-0,205511	0,144279	-0,301417
амбициозность	-0,302155	-0,501669	0,368938

Исследование ценностных ориентаций по М.Рокичу
Факторный анализ
«Недачники» (n=35)
Терминальные и инструментальные ценности

	Factor 1	Factor 2	Factor 3
любовь	-0,133460	0,068272	-0,188755
сем. жизнь	-0,224877	0,162813	0,650603
здоровье	-0,698475	0,141298	-0,140604
внутр. гарм.	-0,446400	0,266530	-0,404713
красота	0,638189	0,186352	-0,048571
прод. жизнь	0,034603	0,653553	0,015388
дружба	0,042177	-0,386671	0,060439
счастье других	-0,150060	-0,687424	0,200505
самоуважен.	-0,033701	0,432395	-0,632625
мир во всем мире	-0,313483	-0,538405	0,279640
актив. жизнь	0,167547	0,211343	-0,409745
общ. призн.	0,448124	0,148880	0,259387
спас. души	-0,203033	-0,242999	0,399911
нац. независим.	-0,163250	-0,652225	0,079344
свобода	-0,055167	0,023946	-0,557862
равенство	-0,084599	0,128730	0,758518
удовольст.	0,626953	0,152440	-0,111445
творчество	0,209928	-0,074992	-0,245193
комфорт	0,501809	-0,069026	0,433673
мудрость	-0,176607	0,468570	-0,004808
аккуратн.	0,263147	-0,312035	0,587156
честность	0,202939	0,107404	0,347203
воображение	0,442394	0,095561	-0,563088
жизнерадост.	-0,001358	-0,467115	-0,578203
терпимость	-0,508224	0,572779	0,231752
терпение	-0,150082	0,788646	0,057318
независим.	0,088353	0,353237	-0,545272
рациональн.	-0,516700	-0,020979	0,131404
верн. традиц.	0,077474	-0,407274	0,402645
интеллект.	0,520351	0,339605	-0,053372
отзывчивчив.	-0,594533	-0,161800	0,353199
непримир.к недост.	-0,254420	-0,691232	-0,044427
исполнительн.	0,638933	-0,397759	0,353657
трудолюбие	0,290343	0,149011	0,751143
самоконтр.	-0,122917	0,225940	-0,269681
воспитанность	0,213768	-0,421010	0,419618
смелость	0,188087	0,171434	-0,647277
умелость	-0,165998	-0,366046	-0,162103
способн.любить	-0,522004	0,134516	-0,173649
амбициозность	-0,202659	-0,193839	-0,580578

Исследование ценностных оснований мотивации личности
 Корреляционный анализ по критерию Спирмена
 Матрица интеркорреляций показателей методики М.Рокича и МТГД
 Дачники (n=106)
*(жирным шрифтом выделен коэффициент корреляции на уровне
 значимости $p \leq 0,05$)*

	двд2	двд7	двд8	двд10	двд28	двд9	двд11	двд22	двд23	двд24	двд_средний_балл	ип1	ип14	ип3	ип4	ип5
любовь	0,05	0,16	0,05	-	0,03	0,05	-0,1	0,00	0,05	0,02	0,02	0,08	0,16	0,15	0,08	0,13
сем. жизнь	0,06	0,00	0,12	0,07	0,05	0,05	0,07	,258	0,06	0,06	0,10	-0,1	0,14	0,12	0,04	0,00
здоровье	0,14	0,01	0,02	0,08	0,01	0,02	0,06	0,08	0,08	0,11	0,00	0,18	0,13	0,01	0,07	0,05
внутр. гарм	,226	0,05	0,05	0,19	0,03	0,01	0,03	0,12	0,11	,257	0,04	0,11	0,01	0,09	0,11	0,09
красота	0,04	0,01	0,04	0,05	0,15	0,01	0,00	0,07	0,01	0,06	0,03	,274	0,06	0,12	0,06	0,17
прод. жиз	,253	0,03	0,01	0,14	0,08	0,17	0,01	0,01	0,03	0,04	0,13	0,02	0,06	0,05	0,01	0,02
дружба	0,02	0,06	0,07	0,03	0,01	0,01	0,03	0,03	0,16	0,07	0,02	,250	0,04	0,00	0,05	0,12
счас. друг	0,12	,221	0,11	0,08	0,15	,221	0,13	0,16	0,04	0,14	,261	0,09	0,09	0,14	0,16	0,12
самоуваж	0,11	0,06	0,02	0,03	0,06	0,09	0,02	0,09	0,01	0,12	0,05	0,05	0,07	0,03	0,14	0,00
мир_во_всем_мире	0,05	0,11	0,12	0,03	0,18	0,09	0,19	0,07	0,05	0,19	-0,2	0,03	0,1	0,13	0,08	0,12
актив. жиз	0,14	0,04	0,13	0,13	0,03	0,09	0,00	0,14	0,01	0,08	0,07	0,04	0,13	0,04	,263	0,00
общ. призн	0,05	0,07	0,10	0,12	0,03	0,12	0,11	0,07	0,07	0,17	0,02	0,01	0,02	0,01	0,14	0,05
спас. душ	0,12	0,01	0,09	0,15	0,1	0,14	0,11	0,04	0,11	0,08	0,01	0,06	0,03	0,00	0,16	0,02
нац. незав	-0,2	0,01	0,08	0,03	0,06	0,11	0,18	0,08	0,07	0,01	0,12	0,02	0,02	0,14	0,01	0,05
свобода	0,19	0,02	0,01	0,05	0,00	0,01	0,05	0,15	0,14	0,05	0,05	0,07	0,18	0,17	-0,1	0,15
равен	0,12	0,15	0,01	0,07	0,06	0,09	0,09	0,09	0,14	0,01	0,06	0,01	0,04	0,04	0,06	0,11

	ип15	ип16	ип25	ип26	ип27	ип_средний_б алл	ип17	ип18	ип19	ип20	ип21	ип6	ип12	ип13	ип30	ип29
любовь	0,14	0,02	0,04	0,02	-	0,05	-	-	0,01	-	-	0,1	0,02	0,02	0,1	0,1
сем. жизнь	-	0,09	0,07	0,09	0,07	0,10	-	-	-	-	-	0,07	0,12	-	0,01	-
здоровье	-	0,03	0,17	0,08	0,09	-	-	-	0,05	-	-	-	-	-	-	-
внутр. гарм	0,14	0,19	-	-	-	0,09	0,00	0,09	0,15	0,11	0,05	0,00	0,06	0,05	0,15	-
красота	0,06	0,05	0,02	-	-	0,02	0,01	-	0,06	0,06	0,12	0,06	0,01	0,07	0,02	0,06
прод. жизнь	-	0,02	0,07	0,01	0,05	0,01	0,18	0,2	0,18	0,01	0,03	0,09	0,07	0,14	-0,12	0,06
дружба	0,1	-	0,07	0,07	0,17	0,16	0,03	-	-	0,00	0,05	0,07	-	0,11	0,08	-
счас. друг	0,06	-	-	0,07	0,12	0,16	-	-	-	-	-	-	0,02	-	-	-
самоуваж	-	-	-	-	-0,1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
мир во всем м.	-0,1	0,07	0,17	-	0,19	0,15	-	-	-	-	-	-	0,00	0,14	0,12	-
актив. жизнь	-	-	0,12	0,12	0,11	0,12	0,02	0,11	0,09	0,06	0,11	-	0,04	0,02	0,00	-
общ. призн	-	0,18	0,07	0,12	0,10	0,03	0,08	0,12	0,02	0,06	0,01	-	0,07	0,04	0,13	-
спас. душ	0,04	-	-	-	0,14	0,01	-	-	-	0,1	0,18	-	-	-	-	-
нац. незав	0,1	0,08	0,04	0,04	0,10	0,02	-0,1	-	0,04	0,05	0,07	0,15	0,05	0,04	-0,06	0,04
свобода	0,11	0,02	0,06	0,13	0,06	-	0,10	0,16	0,03	0,07	0,01	0,06	0,06	0,11	0,19	0,05
равен	-	-	0,01	-	0,04	0,00	-	0,05	-	0,00	0,06	-	0,06	-	-0,13	0,07

	двд2	двд7	двд8	двд10	двд28	двд9	двд11	двд22	двд23	двд24	двд_средний_ балл	ип1	ип14	ип3	ип4	ип5
удоволь	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
творч	0,03	0,07	0,13	0,07	0,04	0,01	0,03	0,11	0,14	0,06	0,00	0,01	0,10	0,19	-	0,02
комфорт	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
мудрос	0,11	0,03	0,05	0,04	0,05	0,13	0,15	0,08	0,02	0,04	0,10	0,05	0,13	0,16	-	0,13
аккура	0,07	0,13	0,06	0,01	0,11	0,07	0,15	0,07	0,03	0,17	0,11	0,04	0,05	0,05	-0,08	0,03
честно	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
воображ	0,11	0,04	0,14	0,06	0,01	-	0,01	0,13	0,03	0,01	0,08	0,06	0,12	0,00	0,04	0,07
жизнер	0,06	0,13	-	-	0,01	0,01	0,04	0,03	0,01	-	-	0,15	-	0,19	-0,13	-

терпим ос	- 0,19	0,00	- 0,01	- 0,08	- 0,04	- 0,15	- 0,10	- 0,11	0,16	0,08	- 0,07	0,05	0,06	- 0,01	0,058	0,05
терпен ие	0,14	0,06	0,09	0,03	0,16	0,04	0,09	- 0,12	- 0,09	0,05	0,12	0,11	- 0,06	0,12	-0,05	0,01
незави сим	,222	,236	- 0,02	0,12	0,07	0,04	0,05	0,19	0,08	0,18	0,19	- 0,03	- 0,07	- 0,18	-,236	-,296
рацион ал	0,16	0,02	0,08	0,06	0,05	0,12	0,07	0,11	- 0,04	0,14	0,09	- 0,07	- 0,11	- 0,10	0,04	0,06
верн. трад	-,22	-,25	0,07	0,08	0,02	0,11	0,04	0,11	- 0,15	-0,1	0,16	-,21	0,18	0,04	0,11	,304
интелл ект	0,02	0,14	- 0,14	0,00	0,08	0,07	0,11	0,17	0,15	,254	0,15	0,01	- 0,06	- 0,04	0,14	- 0,13
отзывч ив	- 0,09	- 0,07	- 0,01	- 0,11	- 0,03	- 0,15	- 0,09	- 0,16	- 0,14	- 0,09	-0,1	0,02	,217	0,17	0,04	- 0,04
неприм ир. к_нед	- 0,03	- 0,10			- 0,13	- 0,13	- 0,10		- 0,09	- 0,19	- 0,11	- 0,17	- 0,03	- 0,14	-0,01	0,06

	ип15	ип16	ип25	ип26	ип27	ип_средний_б алл	нн17	нн18	нн19	нн20	нн21	нн6	нн12	нн13	нн30	нн29
удовол ь	- 0,07	- 0,05	-0,1	- 0,17	- 0,08	-,234	,339	,217	0,15	,202	0,04	,261	- 0,19	0,18	,295	0,02
творч	0,04	- 0,01	- 0,08	- 0,06	- 0,07	0,08	0,08	0,16	- 0,06	0,13	-0,1	0,14	0,09	,203	0,095	0,16
комфо рт	- 0,08	0,03	0,04	- 0,12	- 0,08	- 0,16	0,12	0,12	0,12	0,11	0,11	0,12	- 0,05	0,02	0,157	0,11
мудрос	0,03	-,205	- 0,09	- 0,04	- 0,04	0,12	0,14	0,05	0,08	0,03	0,06	0,18	0,04	0,03	-0,01	0,02
аккура т	- 0,06	0,01	,281	0,16	- 0,03	0,06	0,18	0,07	- 0,05	- 0,11	- 0,02	0,02	0,03	-,214	-0,09	- 0,14
честно ст	- 0,08	- 0,09	0,04	0,07	0,19	,211	0,19	0,01	,212	- 0,04	- 0,12	- 0,17	0,08	0	0,055	- 0,04
вообра ж	0,08	0,14	- 0,05	0,01	0,12	- 0,04	0,01	0,01	0,06	0,11	0,12	0,11	- 0,12	- 0,02	0,199	0,02
жизнер ад	0,18	,202	0,03	0,08	0,18	0,09	0,09	0,04	0,08	0,07	0,10	- 0,01	0,16	0,04	,204	- 0,01
терпим ос	0,04	,242	0,03	0,02	0,06	0,07	,305	,244	0,12	0,14	0,01	0,20	0,03	0,13	-0,13	0,02
терпен ие	- 0,01	- 0,08	- 0,06	- 0,13	0,01	0,05	0,01	0,10	0,04	0,03	0,17	0,07	-0,1	0,14	0,15	- 0,03
незави сим	0,03	0,03	- 0,12	- 0,04	- 0,16	-,272	,274	0,11	,279	0,10	0,11	0,09	0,15	0,09	0,195	0
рацион ал	0,00	0,02	0,01	0,17	0,06	0,11	0,13	0,01	0,09	0,08	0,10	0,02	0,07	0,05	0,03	0,01
верн. трад	0,03	0,05	0,09	0,07	0,07	0,08	0,17	0,19	0,11	,209	0,05	0,18	0,13	0,14	-,230	- 0,07
интелл ект	0,14	0,2	0,19	0,03	0,15	0,01	,209	0,00	0,2	0,08	0,04	0,06	0,01	,205	0,006	0,13
отзывч ив	- 0,17	- 0,15	0,02	0,14	0,15	0,17	0,14	0,03	0,18	0,04	0,09	0,04	0,09	-0,1	0,077	- 0,07
неприм ир. к_нед	- ,204	- 0,09	0,12	,225	0,04	0,06	0,05	0,00	0,09	0,05	0,07	0,08	0,13	0,12	-,294	- 0,01

	двд2	двд7	двд8	двд10	двд28	двд9	двд11	двд22	двд23	двд24	двд_средний_б балл	ип1	ип14	ип3	ип4	ип5
исполн ит	- 0,05	- ,209	0,05	- 0,10	- 0,17	- 0,06	- 0,05	0,07	- 0,07	-0,2	- 0,18	- 0,03	0,13	0,04	0,06	0,02
трудо люб	0,01	- ,333	0,00	- 0,03	- 0,14	- 0,11	- 0,12	0,18	- 0,09	- ,217	-0,2	- 0,19	,341	0,04	0,159	0,17
самоко нтр	0,10	- 0,03	0,05	0,13	0,16	0,14	0,19	0,07	- 0,12	0,05	0,10	0,07	- 0,08	- 0,15	0,12	0,02
воспит ан	0,03	0,05	0,03	- 0,08	0,11	0,04	0,07	0,19	0,06	- 0,06	0,09	- 0,09	- 0,02	- 0,19	0,049	0,02
смелос ть	0,03	0,19	0,09	0,08	0,07	0,16	0,13	0,02	0,15	0,01	0,14	0,06	- 0,19	- 0,02	-0,07	0,01
умелос ть	0,01	0,00	- 0,18	- 0,14	0,01	- 0,08	- 0,03	- 0,16	- 0,05	0,01	- 0,08	,221	- 0,01	0,09	-0,19	- 0,02
любит ь	- 0,04	,217	0,02	0,13	0,09	0,00	- 0,06	0,10	0,06	0,19	0,13	- 0,01	0,06	- 0,05	0,05	0,10
амбици оз	0	0,18	0,11	- 0,03	0,04	0,16	0,14	0,15	0,13	,218	0,16	0,16	- 0,19	0,01	-0,03	- 0,02

	ип15	ип16	ип25	ип26	ип27	ип_средний_б алл	ип17	ип18	ип19	ип20	ип21	ип6	ип12	ип13	ип30	ип29
исполн ит	- 0,12	- 0,05	0,05	0,13	0,14	0,11	0,05	- 0,01	- 0,02	- 0,03	- 0,01	- 0,01	0,06	- 0,04	-0,08	0,11
трудо люб	- 0,12	0,14	0,15	0,10	0,12	0,18	0,19	- 0,05	- 0,15	,288	- 0,03	- 0,11	,296	- 0,09	-,384	- 0,16
самоко нтр	0,12	0,06	0,01	- ,215	0,02	- 0,04	0,12	0,01	- 0,08	- 0,06	0,12	0,09	0,01	0,08	-0,08	0,03
воспит ан	- 0,04	0,09	- 0,02	0,03	0,08	- 0,04	0,05	0,11	0,03	,218	- 0,02	0,01	- 0,01	- 0,06	-0,11	- 0,00
смелос ть	0,03	- 0,09	0,05	- 0,15	0,18	- 0,08	0,03	0,07	0,05	0,17	0,15	,235	- 0,14	0,15	0,18	- 0,04
умелос ть	0,1	- 0,00	0,01	0,06	0,05	0,01	0,03	0,01	0,05	0,05	-0,1	0,08	0,06	0,05	0,06	0,01
любит ь	0,01	-0,1	0,05	- 0,03	0,06	0,02	0,07	- 0,17	- 0,01	- 0,06	0,08	0,01	- 0,01	0,02	-0,12	- 0,05
амбици оз	- 0,01	- 0,03	- ,224	- ,281	0,02	- 0,15	,240	- 0,01	,257	,353	0,05	0,19	- 0,16	0,15	,316	0,20

Факторный анализ показателей методики М.Рокича и методики МТГД

	Factor 1	Factor 2	Factor 3	Factor 4	Factor 5
ип26	-0,776	0,030	-0,032	-0,035	-0,029
двд24	0,773	0,329	-0,162	0,067	0,138
ип4	-0,764	0,064	-0,394	0,087	-0,042
ип25	-0,734	0,447	0,167	0,02	0,027
ип3	-0,718	-0,139	0,133	-0,018	-0,258
двд28	0,711	0,138	0,026	0,246	-0,18
двд10	0,698	0,008	0,37	-0,102	-0,095
ип5	-0,698	-0,132	0,254	0,105	0,333
нн21	0,673	-0,233	0,587	-0,145	0,090
двд22	0,667	-0,342	0,324	-0,265	0,264
двд11	0,645	0,416	0,018	0,331	-0,419
двд7	0,63	0,182	0,105	0,34	-0,116
двд23	0,623	0,012	-0,276	0,124	-0,192
ип1	0,601	0,148	0,14	0,366	0,372
нн18	0,591	0,395	-0,045	-0,128	-0,269
нн20	0,589	0,065	0,498	-0,136	0,110
нн6	0,525	0,085	0,506	-0,015	-0,105
ип15	0,398	0,037	-0,205	0,195	0,314
терпимость	0,099	-0,801	-0,229	0,164	0,016
терпение	-0,148	-0,772	-0,132	0,059	-0,08
отзывчивость	-0,233	-0,703	-0,192	-0,158	-0,215
независимость	0,217	0,694	-0,288	-0,122	0,165
спас. души	0,043	-0,673	0,045	-0,021	-0,271
рациональн.	0,168	0,65	0,309	0,402	-0,141
прод. жизнь	0,074	0,646	0,017	-0,257	0,012
интеллектуал	0,337	0,624	-0,287	-0,012	0,078
ип16	-0,213	0,608	-0,195	0,021	-0,018
нн17	0,406	0,596	0,139	0,172	-0,218
честность	-0,489	-0,584	-0,021	-0,21	0,344
нн12	-0,379	0,549	-0,21	0,159	-0,047
ип27	-0,106	-0,48	0,099	0,239	-0,116
нн19	0,135	0,407	0,003	-0,117	-0,069
любовь	-0,184	0,108	-0,825	0,007	-0,205
исполнительн	-0,007	-0,023	0,803	-0,011	-0,331
жизнерадост	0,182	0,113	-0,775	0,032	-0,16
трудолюбие	-0,33	0,273	0,595	-0,293	-0,245
внутр. гармон	-0,206	-0,103	-0,555	0,233	0,245
амбициозност	-0,168	-0,287	-0,02	0,749	0,319
нац. независ	0,046	0,161	0,204	-0,735	0,21
удовольствие	0,136	0,096	-0,299	0,672	-0,179
аккуратность	-0,123	-0,103	0,079	-0,645	-0,089
двд9	0,117	0,552	0,081	0,612	0,075
равенство	0,111	0,091	0,482	-0,564	-0,098

самоуважение	-0,01	0,331	0,005	0,545	0,412
смелость	0,307	-0,106	-0,059	0,431	0,267
nn30	0,328	0,064	0,055	0,403	0,153
двд2	0,298	0,068	0,041	-0,084	-0,751
мудрость	0,106	0,025	-0,081	0,022	0,739
творчество	-0,017	0,483	-0,1	-0,106	0,629
воображение	-0,18	0,398	-0,144	0,083	0,593
свобода	0,417	-0,028	0,323	0,012	0,565
сем. жизнь	-0,197	-0,289	0,071	0,095	-0,542
ип14	0,246	-0,009	-0,127	0,296	0,44
двд8	0,195	-0,458	0,098	0,08	0,163
непримир. к недостаткам	-0,050	0,371	0,165	-0,285	0,038
умелость	0,055	-0,003	-0,076	-0,295	0,008
верн. традиции	-0,13	0,085	-0,131	-0,033	-0,084
nn29	0,088	-0,128	0,134	-0,011	0,364
актив. жизнь	-0,087	-0,039	0,289	0,421	-0,138
общ. признани	0,021	-0,156	0,289	0,433	-0,266
воспитанность	0,035	-0,11	-0,064	-0,006	-0,143
дружба	-0,18	-0,105	0,145	-0,077	-0,174
способн. любить	0,147	-0,207	0,151	0,308	-0,249
мир во всем мире	0,073	0,146	0,318	-0,375	-0,189
самоконтроль	0,113	0,322	0,379	0,104	-0,078
счастье других	0,091	-0,262	-0,091	-0,217	-0,171
комфорт	-0,108	-0,138	-0,049	0,299	-0,226
красота	0,068	0,041	0,011	0,056	0,166
nn13	0,315	0,311	0,253	0,012	-0,202